

НИКОЛАЙ БЕККЕР

ЧЁРНАЯ
ШАЛЯПА

Она любит осень, дождь и радугу, потому что влюблена в саму жизнь во всех её проявлениях. Она — сумасшествие, буйство красок, бьющая ключом юность. Её музыка — пение дождя, её запах — смола, сухие листья и дорожная пыль.

Она влюблена в людей, а значит, и маленькие города, и уличные кафе, и музыкантов на площади, и художников на мостах, и музыкальные магазины, и чайные посиделки.

Она не научилась радоваться, когда выросла и стала подростком. Она не научилась радоваться, когда её сны превратились в кошмары, и реальность смешалась с мнимым.

Песня об осени

Сегодня ночью мне снилось то, о чём лучше не вспоминать. Я уже и забыла, когда в последний раз спала. Кроме того, в последнее время мне кажется, что кошмары потихоньку выбираются из снов, причудливо сплавляясь с реальностью, опутывая её, как паутина. Но сегодня мне почему-то стало спокойно.

В лужах отражается небесный шатер и шмущиеся друг к другу кривые стены, лабиринты переулков и немногие огни окон. Это был разгар осени, и потрескавшийся асфальт был усеян кроваво-красными листьями клёна. Переулок дышал сыростью, влагой и старьём. Ко мне жмётся кошка. Этакое воплощение изящества, от мягких подушечек лап до изогнутой спины, от пушистого хвоста до острых ушек. Глядит двумя омутами пронзительно-синих глаз. Под цвет осеннему небу. Я рассеянно глажу её ногой и улыбаюсь.

Накормила её колбаской. Она послушно съела, кивнула и убежала в лабиринт подвалов. А я вышла навстречу залитому солнцем городу. Навстречу мне — люди в пальто и шарфиках, девушка с пестрым ушастым зонтиком, дети рисовали что-то цветными мелками на сухом участке асфальта. Я направилась в облюбованную мной закусочную, села на стул, усеянный листьями, не став их смахивать. На столе тоже были листья. Мягко падала тень от листьев. Лучи света делали наряды деревьев золотыми, сияющими. Я с наслаждением вдохнула запах сухой мяты, острой приправы и сиропа.

— Это что? Клэр?

— Она самая. Жутко выглядит.

— Эй, Ларра, ты же соседка её? Она всегда такой была?

— Насколько я помню, она всё время слоняется по заброшенным домам и разговаривает с кошками.

— Я училась с ней в начальной школе. Она постоянно несла бред про какие-то свои сны, тоннели всякие и подвалы.

— Жуть! У меня домовладелица такая. Хорошо, что всеми делами заправляет её муж и нам не приходится с ней разговаривать.

— А я слышала, что она до десяти лет писалась в кровать!

— Кто знает, может, и сейчас писается. А что, с неё станется! Ха-ха-ха!

Я не обращаю внимания на эти назойливые голоса. Клеймо странной девочки сопровождает меня ещё с начальной школы, и нового они уж точно не скажут — я прекрасно знаю, что я стремная, мрачная и вообще психованная. Ко мне подскочила официантка с огненно-рыжими спутанными волосами.

— Чего заказываете? — спросила она медовым голоском.

— Молоко с мёдом, — сказала я.

Она в удивлении скинула нарисованные брови.

— Не чай с молоком?

— Нет. Почему-то сегодня хочется молоко с мёдом.

Она понимающе улыбнулась.

— Да, всё-таки в жизни необходимо какое-то разнообразие.

Она ускакала, громко цокая каблучками.

— Это единственное в её жизни разнообразие, — сказала Нэнси.

Компания заржала. Компания — орава несносных девчонок во главе с Нэнси. Часть из них учатся в нашем классе, а часть — в параллельном.

Я пожала плечами и развернула рулон ежедневной газеты. Читала рассеянно, вглядываясь в очертания букв, но не понимая значения слов, в которые они складывали. Потом решила отложить её. Голова нестерпимо болела. Что-то не давало мне покоя.

В мою голову полетела записка. Я подумала, что кто-то опять подшутил, но всё же развернула её:

Дождись сумерек и повернись к западу. Я наблюдаю за тобой.

До сумерек ждать долго. Сейчас почти вечер. Горожане лениво слонялись по магазинам, строчили за столами в своих комнатах, читали книги в маленькой городской библиотеке, обнимались на полуразрушенном вокзале, усеянном пёстрыми листьями, со стеклянной крышей, тоже усеянной листьями и ветками и загаженной птицами. Сидят группками у домов, целуются на скамейках, играют в баскетбол, посылают за водой и чипсами мелких и разбивают окна мячами. У нас в деревне только работали, отдыхали от работы и спали. И всегда было тихо. Особенно ночью. Поэтому я шумела. Включала музыкальный центр, подпевала, плясала, топала, пугала соседей, гоняла птиц, выла волком на луну. Всё что угодно, лишь бы заглушить тишину. И никогда в неё не вслушиваться.

Мне лень вставать и хочется ещё долго сидеть в плетеном кресле, потягиваясь и зевая. Надоедливая компания ушла. Я положила голову на стол и решила вздремнуть. Я спала как минимум восемь часов, но было такое чувство, что я восемь часов бежала без передышки. И так продолжалось неделю. Неделя погонь во сне. Понятно, что моя производительность упала и об уроках речи идти не может.

— Ужасно выглядишь, подруга, — раздался голос откуда-то сверху.

— Спасибо, Мира.

Мира — чуть старше меня, кудлатые волосы, грушеобразное тельце и родинка на пол щеки. Любит задавать риторические вопросы. Риторические, потому что ответом всё равно будет "да", другого она не примет.

— Опять кошмары снились? — с участием спросила Мира.

— Не хочу об этом говорить.

Она недовольно цокает язычком. В руках пакет с соком и полосатой трубочкой.

— Чего скучаешь? Сегодня Риша поёт. Пойдём? — спрашивает она.

— Нет, я лучше посижу, — отвечаю я.

Она удивленно приподнимает правую бровь. Раньше ей не отказывали. Я отворачиваюсь, давая понять, что разговор окончен.

— Ну как хочешь, — мирно соглашается она и уходит.

Я ложусь головой на стол и засыпаю. Мне снятся золотые горы осенних листьев, сдуваемые ветром. Ураган из сухих листьев, когда-то составляющих горы до небес, проносится мимо меня и рассыпается в пахучую пыль.

— Опять бессонница? — будит меня девичий голос.

Риша склоняется надо мной, гремя жемчужными бусами. Она пахнет ананасами и пеплом. В руках бумажка в крупную клетку. Я пытаюсь прочитать отрывки строк. Кажется, что-то про корабли.

— Что это такое? — спросила я.

Она достает зажигалку и подносит к листу. Тот вспыхивает огненным цветком и рассыпается в черный пепел в её побелевших пальцах. Она бросает остатки на землю и

топчет.

— Это стихи, — поясняет она, — Огненные стихи.

— Поэтому ты их сжигаешь?

— Просто если их дать кому-нибудь прочитать, то они потеряют силу, — говорит она, — Единственный благодарный слушатель их — это огонь. Огонь поймёт их страсть и глубину.

— Есть что-нибудь почитать?

— "Дверь в стене" Уэллса Герберта.

— Подойдёт.

Она вручила мне книгу в потрепанной обложке. У Риши дутая жилетка, мягкие вельветовые штаны, косички с тесемками. Её называют кайфоломом. Пугливая, раздражительная, вытирает после гостей ручки двери и никогда не здоровается за руку.

— Нужна помощь? — поинтересовалась она.

— Забирать сны умеешь?

— Нет...

— Тогда не надо.

Я открываю книгу, внюхиваясь в аромат новых страниц. Она кивает и уходит. Каблучками не цокает, потому что не носит их. Сейчас на неё громоздкие резиновые сапоги с уточками.

Я читаю, дерево с любопытством склоняет надо мной ветви. Буквы сливаются друг с другом, я отчаянно пытаюсь вникнуть в смысл слов, но понимаю только половину. Но её вполне достаточно.

— Хорошая книга, — говорю я ему где-то на середине, — Мне это всё так знакомо. Только я бы дверь не пропустила. А ты бы пропустил?

Дерево согласно шелестит своими листьями. Парочка остается на моих плечах. Я с удивлением обнаруживаю, что уже начинают сгущаться сумерки. Всё тело затекло, особенно филейная часть. Начинало клонить в сон.

— Я тебя с утра тут вижу. Ты всё время здесь сидишь или с перерывами?

Это владелец магазина. Ненамного старше меня. Жакет, хвостик, усталый вид и папка наперевес.

— Всё время. И я не с утра сижу, — отвечаю я.

— Для меня это утро, — хмыкает парень.

— Для тебя и 12 ночи утро. Для тебя вообще любой час — утро.

— Верно. Ты очень проницательная.

Он внимательно посмотрел мне в глаза. В его глазах отражалось северное сияние. Откуда оно может быть здесь?

— Ты не с Северного Полюса пришел к нам? — спрашиваю я.

— Ага. Пингином приплыл.

— Пингвин бы не переплыл.

— А я кита оседлал.

Он выпрямился.

— В магазин много дисков новых поступило. Зайдёшь? Ты любишь такое, — неуверенно начал он.

— Не хочу.

— Отказываешься? — вкрадчиво переспросил он, — Может, это не ты, а злой двойник,

похитивший Клэр и сунувший её в подвал?

— Ты меня раскусил.

— Вот как? Тогда я пошёл спасать её.

Он махнул мне рукой на прощание и ушел. Его ботинки оставляли грязный след. Пока мы разговаривали, сумерки сгустились ещё больше, окутав город, словно большая черная кошка. Остались только поздние посетители, как правило тихие, обособленно сидящие. Внутри гремели тарелки и сновали подростки со швабрами. Кафе спешило закрываться.

Я повернулась на запад. И не увидела ничего, только темный силуэт заброшенного дома, зловеще вырисовывающегося на фоне пустыря.

Он не страшный, догадалась я. Просто очень-очень старый. И хранит много-много воспоминаний. Они накладываются друг на друга, переплетаются, как узор. Я встаю и иду к нему, словно мнимая мелодией флейты, словно он — Крысолов, а я жалкий грызун.

Пустырь скалится осколками и гвоздями, усмехается ямами и арматурой, вдали к небу тянется струйка дыма и пахнет чем-то горелым. Трава мокрая, и лучше выбирать, куда вступать — могут поджидать сюрпризы вроде гвоздей, стекла или ям. Я подхожу к заброшенному дому, и он сквозит многолетним холодом. Внутри рыжий кирпич, балки, окурки, зелень бутылок и холмы мусора. Каждый, кто тут побывал, хочет оставить свой след. Чем больше и заметней, тем лучше. Следы перебивали друг друга, кричали, подразумевая пустоту или что-то большее. И попробуй выуди что-то стоящее из всей этой кутерьмы. Я не любила такие места — в них проще всего наткнуться на кошмары.

Она как комар или что-то вроде этого. Вгрызается в меня, а чтобы я не вырывался, впрыскивает наркотик. Но ей и впрыскивать ничего не надо — я бы и так отдал ей всю свою кровь. Но не чужую. Отравится ещё.

На закате море обычно превращается в малиновый сок. Было бы здорово нырнуть в него и пить, пить, пить, пока живот не лопнет, как у быка из сказки. Жаль только, что у нас нет моря. А с лужами это не прокатит. Разве можно сравнивать лужи с морем?

Стихи? О, деточка, я знаю все стихи, которые есть, и кое-какие стихи из тех, которые могли бы быть!

Понимаешь ли, когда ты с человеком видишь один и тот же сон, то это означает, что вы с ним необычайно близки. А если вы всегда видите одни и те же сны?

Они не умолкали. Голоса девушек и юношей. Как правило, молодые. Звонкие, восторженные, громкие. Болтуны.

Я поднимаюсь на второй этаж. Лестница грозилась рухнуть. Грозилась, грозилась, но не рухнула. И не рухнет. Так всегда в подобных местах. Что-то невидимое держит детали, готовые рассыпаться в пыль.

Второй этаж пустыннее первого. С дырявой крышей, через которую видно полсатое небо и гнездящихся птиц. Птицы это место любят, а вот крысы нет. На первом этаже граффити, а тут просто надписи. И несколько рисунков. Моё внимание привлекла дверь. Нарисованная, деревянная. Я приложила к ней ухо. Повеяло сквозняком. Я отняла ухо и легла на пол. Тут не было мусора. Даже окурков не было. Из пустых окон дует ветер, врываются стаи листьев.

На этот раз были кошмары. Вереница кошмаров, ровно сто лет — я отрывала листы календаря. Сто лет и рекурсия неуловимых дней. И черное озеро, похожее на нефть. И

разбитый циферблат часов. И катакомбы, ведущие в бесконечную неизвестность. Никто не мог составить их точную карту, потому что никто не мог пройти их полностью. Из них вообще мало кто возвращался. И то — не совсем. Если заглянуть в глаза вернувшихся, то модно увидеть эти темные извилины тоннелей и слизистые стены. Серые-серые катакомбы, темные и непонятно какого времени. О них мало кто знает, это и к лучшему — как можно жить, зная, что под вашими ногами гудит полая тьма, полная всякой гадости?

Я исходила эти грязные тоннели, в мою кожу впиталась грязь, в легкие забились гниль теплого воздуха, а барабанную перепонку больше не тревожил звук. Да и что это — слышать? Обрывочно помнила, что это такое, но не представляла, как это работает. Я забыла и о свете, и о ветре, и о свежем воздухе, даже о поверхности. И мне казалось, что так было всегда — виляющие коридоры, наполненные ощущением присутствия чего-то неуловимого. **Кого-то** неуловимого. И я сходила с ума от страха, покрываясь холодным липким потом, загибалась от боли в животе, меня рвало, кружило, мутило. А потом я подумала — вдруг это я? Тогда я, получается, боюсь самой себя?

Весь мир коллапсировал до размеров этих катакомб. Микроскопическая бесконечность и полнейшая непроницаемость. Я забыла, что есть другие. Забыла лица знакомых, потом вообще забыла, как выглядит человек. И тогда мне стало по-настоящему страшно. Я наедине с бесконечностью, лицом к лицу, я наедине с тьмой и катакомбами, и некому меня вытащить. Я даже не помню, как я выгляжу. А есть ли у меня вообще облик?

Страх стал частью меня. Я стала страхом. Не рвалась наружу — некуда. Меня не пугало одиночество — не с чем сравнивать. Я сливалась со слизистыми стенами, потоками нечистот и гнилым потолком. И растворялась, растворялась...

Когда я проснулась, то удивилась, что не состарилась. А потом долгое время вспоминала, кто я, что это за место и зачем я здесь. Ущипнула себя, чтобы убедиться, что реальна.

— Засыпать здесь — это не самое лучшее решение, скажу я тебе, — сказал голос из темноты.

Я вздрагиваю. Вспоминаю, что есть ещё люди кроме меня. Вспоминаю, кто такие люди. Рыскаю вокруг в поиска незнакомца. Обнаруживаю его в углу, сидящего на корточках. Зеленая куртка с капюшоном. Лица не видно, как бы я ни силилась его разглядеть.

— Ты лучше напиши своё имя. Забудешь ведь.

Кто я? На глаза попадается брелок, на котором написано:

КЛЭР

Клэр... Это моё имя? Странно... Так странно. Но что-то внутри отозвалось на это причудливое сочетание букв и звуков.

Я выцарапываю его ногтём на руке. У меня черная кровь. Я пугаюсь и вскрикиваю.

— Плохо дело, — говорит он, — Теперь процесс не обратить.

— Что это значит?! — взвизгиваю я, — Как от этого избавиться?!

— Да никак. Из тебя выпустили твою кровь и заменили её тьмой. Теперь тебя не спасти.

— Но... Но... Я не понимаю!

— И не понимай. Лучше такие вещи не понимать. Особенно если они происходят с тобой.

— Значит, от тьмы не избавиться?

— Вообще-то можно. Если кто-нибудь согласится за тебя разбить сердце. Спроси Маму

— она охотно поведаст тебе об этом. Хотя нет, вру, неохотно. Я бы сказал, крайне не охотно.

— Зачем тогда сказал?

— Сам не знаю. А ты уникальная личность, — я почувствовала его сверлящий взгляд на себе, — И Тьма, и способности Знающего. Черная кровь охотно пропускает кошмары. А вот не кошмары — не слишком охотно. Очень мешает это вздохнуть полной грудью. А порой она создаёт кошмары. Большой ошибкой будет им поверить, спутав их с настоящими воспоминаниями...

— Ещё бы не мегало вздохнуть. Меня с детства таскают по специалистам. До 11 лет я каждую ночь мочилась в кровать.

— Это бремя Знающих. Тот, кто разбил своё сердце, прекрасно бы понял тебя. Хотя Тьмы в нём не было.

— Знающие — это мудрецы, что ли? Пророки?

— Нет-нет, — засмеялся он, — Просто очень проницательны. Видят воспоминания и суть вещей. Ну, не всю суть и не всяких вещей, но больше обычных. даже больше Иных. И этим уязвимы. Хорошо, что их не так много.

— Вот как. Остальные считают меня странной. Рассказывающей небылицы. Слышащей голос стен. Шутят, что это заживо замурованные в стенах кричат. А мне после этого кошмары с этими самыми замурованными снятся.

— Этому горю можно временно помочь. Кошмары не исчезнут, но их станет меньше. Ничего гарантировать не буду, но это лучше чем ничего, так? От тебя потребуется педантичное исполнения всего, что я скажу.

— Убийство девственниц и пожирание плоти младенцев?

— Нет.

— Тогда ладно.

— Тогда вот что. Тебе придется не спать. Пока я опять не позову, не спи. Даже глаз не смыкай. И опасайся темноты. И тишины. Глуши её чем угодно.

— А как ты позовёшь меня? Снова записку напишешь?

— Записку? А, ну да... Да. Напишу записку. А ты пока иди отсюда. И держись подальше отсюда, пока не позову. Как и от любых заброшенных мест.

Я спускаюсь по лестнице. Сердце колотится. Практически выбегаю из дома, пересекаю пустырь и бегу по улицам.

Прочь, прочь. А куда прочь? У нас некуда "прочь". Ни фестивалей, ни концертов. Город, давящий со всех сторон. Город, в котором задыхаются. Город, сводящий с ума. Не похожий на других. Здесь и сходишь с ума по-другому. Тем немногим, кому удастся отсюда вырваться, мы завидуем и горько вздыхаем им вслед.

Из развлечений — несколько ночных клубов, частные вечеринки и уличные тусовки. Я вклиниваюсь в одну из компаний. Подростки у машины, с колонками и музыкой. Им плевать, кто с ними. Они пьяные, веселые и безрассудные. Я кричу что-то, танцую, подпеваю песне. Болтаю без умолку, чтобы перебить что-то во мне, стремящееся вырваться наружу. Напрасно надеюсь, что черная кровь станет красной. Прогоняя кошмары. Громкая музыка, смех, дебильные шутки делают своё дело. Я на время забываю о себе, кажусь себе обычной.

Утром они расходятся, и я иду в школу. Строю из себя примерную ученицу, при этом

стараясь не заснуть на уроках, вклиниваюсь в беседы на переменах, ругаюсь с невыносимой компашкой во главе с Нэнси, бегаю по коридорам. На обеде даже подралась. И, вроде как, победила. А после школы записалась в кружок. Вроде как он занимался шахматами, но на деле мы просто гоняли чай. А потом смотрела на игру нашей футбольной команды с соперниками из другой школы. Вопила вместе со всеми, не вникая в ход игры, один раз даже поймала мяч.

Ночью гуляла с Мирой и её приятелями. Мира обделена чувством такта, а вот Риша не задаёт лишних вопросов, и потому она мне нравится больше Миры. Но Риша необщительная и тихая, а мне сейчас нужен кто-нибудь шумный. А Мира — маленькая неиссякающая батарейка, стихийное бедствие и мисс Затыкаешься Ли Ты Хоть Когда-нибудь. Мы пускали салют, ходили на крышу самого высокого здания, отговаривали пьяного приятеля орать в три глотки "Я КОРОЛЬ МИРА", испуганно вслушивались в маты жильцов дома, когда он всё-таки заорал, убегали от деда, пытающегося побить нас метлой, играли на гитаре посреди площади, кормили бродячих собак. Утром все разошлись с ощущением тепла, разлившегося в груди. Даже Мира это подтвердила, Как-то особенно весело было этой ночью, но хорошего понемножку.

Утром украдкой поглядывала на дом. Черный силуэт на фоне бирюзового неба. Никто оттуда меня не звал. Может, не позовет? Может, просто пошутил? Или забыл? Или передумал?

Я уселась в кафе и принялась ждать. Рядом сидела компания девушек. Немного подумала и под села к ним. Они принялись мне что-то рассказывать, а я энергично кивала им. Потом они ушли, мы попрощались, и ко мне снова полетела записка, но теперь не скомканная, а в виде самолетика. Я развернула её и прочитала:

Готово.

Просто и лаконично. Я рассмеялась, распугав подбирающих крошки птиц. Молодой парень, собравшийся убрать посуду со стола, за которым я сидела, испуганно отшатнулся от меня. Я приветливо кивнула ему, встала и пошла в сторону дома, не горя желанием ещё раз входить туда.

Заморосил дождь, трава вместе с грязью и букашками прилипала к моим ногам, и я пожалела, что не взяла резиновые сапоги. Дом возвышался, величественный и пустующий. Несмотря на то, что он завален мусором, я никогда не чувствовала воню.

Он подждал меня на втором этаже. Не успела я войти, он швырнул мне шляпу. Я повертела её в руках. Черная, широкополая, бархатная, пропахшая нафталином.

— И что мне с ней делать? — спросила я.

— А что делают с шляпами? — съязвил незнакомец..

Надела на голову.

— Что-нибудь чувствуешь?

Страх, таящийся на задворках сознания, спрятался в этой самой шляпе. Кажется, гора, долгое время давящая мне на плечи, наконец свалилась.

— Не снимай её. А то тьма выйдет из-под контроля. Она не любит, когда её запирают. Помни это.

Он кивнул мне и исчез, оставив меня стоять в лучах малинового рассвета. Где-то запели птицы. На небе показалась радуга.

Песня о танцах у дороги

Что такое дождь? Песня осени и лета, питьё для изголодавшейся земли, разлитая радуга, неясное отражение в луже, барабанная дробь по стеклу, запах мокрого леса. Теплый ливень, в котором ты промокаешь насквозь, из-за чего приходится выжимать одежду; лужи, в которых можно плескаться, брызгая в прохожих и меряясь яркими резиновыми сапогами. Это серые клочки туч. Это радость, которую никто не замечает.

Люблю сидеть на скользкой шиферной крыше, пытаясь задеть облака, кричать в небо и пугать прохожих. На пальцы приземляются бархатнокрылые бабочки, под ногами курлычут голуби, а где-то поют соловьи в окружении роз, усеянных капельками воды, словно бриллиантами.

Я сумасшедшая? Ну, что ж... Безумная? О да! Бегаю, сломя голову, по каменистым аллеям, радуюсь ливню и снегу, мечтаю выбраться на море. Слишком радостная для этого места. Слишком осенняя для этого города. Слишком громкая для этой тишины.

Потому меня запирают дома. На улице бушует гроза, родители не выпускают из дома, боясь, что что-нибудь опять натворю. Внизу орёт телевизор и пахнет шарлоткой. А на втором этаже тихо и скучно, на чердаке сушится укроп. Оттуда идёт едва уловимый, но такой приятный аромат сухой травы.

Всё, что я могу — это слушать в музыкальном центре Бритни Спирс и смотреть в окно. Пейзаж статичный: тенистые сады с ярко-зелеными деревьями и растениями, опутавшими забор, клочками просматривающиеся вагонки или кирпичи, шиферные крыши и плоски дыма. Небо — словно большое ведро, безостановочно льющее воду. Только птицы и нарушают эту статичность, пролетая косяками над небом. И изредка молния сверкает вспышкой, живущей доли секунды. Живущей, чтобы осветить небеса и исчезнуть, оставив после себя раскаты грома и запах озона. В руках у меня дымится чашка с чаем с медом. Я вздыхаю. Закрываю глаза. Воображаю себя на дискотеке. Танцую. Танцующая дурочка в пустой комнате с бегающими по стеклу каплями и барахлящим музыкальным центром. На кухне суетится мама, отец читает газету и дымит в гостинной. Бесхозный телевизор надрыдается, но на него никто не обращает внимание. Мысли в этом доме текут медленно, размеренно, и всё в них увязает, как в желе.

В какой-то момент шляпа падает на пол, неслышно приземляясь на паласы. А дальше...

.
. .
.

Яркий свет, режущий глаза. Головная боль. Я вскрикиваю. Потом тру виски и оглядываюсь по сторонам. Я посреди проселочной дороги и навстречу мне, мигая фарами, несутся машины, громко рыча. Ночь. Когда успело так стемнеть? И как я там оказалась, хотелось бы мне знать?

— Стесняюсь спросить, это твоё любимое времяпровождение — торчать посреди оживленной автомагистрали? Не самое безопасное, скажу я тебе.

Парень хватает меня за руку и тащит меня прочь. нас объезжают машины, визжа тормозами, слышен мат водителей и тихое чертыхание незнакомца.

— Шляпа! — спохватываюсь я.

— Чего? — удивляется мой спаситель.

— Где моя шляпа?

— Какая ещё шляпа? Что ты вообще несёшь?

Он швыряет меня на землю. Я плюхаюсь в мягкую траву и устраиваюсь поудобнее.

— То стоять на дороге, то дрыхнуть в траве... Странные у тебя хобби, скажу я тебе.

— Мог бы и поаккуратнее с дамой.

— Ты-то с собой не слишком аккуратная. Иначе бы не стояла тут.

— Откуда ты знаешь, может, мне нравится стоять на дороге. Адреналин и все дела.

Он окидывает меня критическим взглядом.

— Ну-ну. Верю. Любительница экстрима.

— Ай-ай-ай, судишь людей по внешнему виду. Давай я про тебя кое-что скажу?

— Давай.

Я смотрю на него. Черные длинные волосы, открытый широкий лоб, бледная кожа, строгая одежда с преимущественно тёмными тонами.

— Мрачный тип, любишь тяжелый рок и зависать на кладбище, в тайне мечтаешь стать вампиром, чтобы пить кровь девственниц.

— А вот и не угадала!

Он неожиданно показываем мне язык.

— Итак, Дейл, приятно познакомиться. Люблю Эдгара Алана по и шить, у меня 10 котов и букет психических заболеваний.

— Прикольно. Да ты противоречивый тип. А я Клэр и я деревенская тупица. Люблю осень, скакать по лужам и безцельно зависать в кафе. А еще я постоянно тусуюсь в музыкальных магазинах.

— Мой отчим тоже очень любит музыку.

— Какую?

— Рок.

— А ты?

— Бритни Спирз.

— Да ладно?! А есть у неё сейчас что-нибудь?

— Шутишь?!

Он вскочил, порывлся в телефоне и врубил её песню. Мы принялись танцевать и громко подпевать, и нам сигналили машины, иногда останавливаясь, и из окон высовывались ржущие водители, щелкая камерами. Осознав всю комичность ситуации, я заржала вместе с ними, а Дейл заржал за мной. Я грохнулась на траву.

— Что за идиотизм! — хрюкала я, — Хоть комедию снимай!

— И не говори, — согласился Дейл.

— Есть хочу, — неожиданно для самой себя сказала я.

— Так пойдём, — сказал Дейл, — Вон там за углом французский ресторан. Лобстеров будем лопать.

— Очень смешно, — сказала я, — Учитывая то, что у нас никакого французского ресторана нет.

Мы пошли в ближайшую забегаловку. На улице было холодно, пахло мокрым асфальтом, сквозь ткань плаща чувствовался холодный осенний воздух. А внутри было тепло, пахло супом, в колонках играла ненавязчивая музыка. Через стекло просматривалась улица со снующими людьми: парочками, семьями, оравами детей, несущих в руках леденцы

на палочке, разношерстной молодежью в косухах и наушниках, одиночками, пристально глядящими куда-то вперед, офисными клерками в костюмах и с чемоданами. В белом полу из отполированной плитки отражались ноги посетителей и лампочки. Между столами дефилировали официанты, похожие на пингвинов.

Мы заняли столик у окна.

— И всё-таки, что ты забыла посреди дороги? — спросил он, изучая меню, — Видела бы ты свой взгляд. Как у бешеной собаки.

— Замени "собаку" на "кошку" — и я сочту это за комплимент, — сказала я, оглядываясь в поисках официанта.

— Ты не ответила на вопрос.

— Я... Не помню. Я помню только, как танцевала в комнате. Дальше... Даже не провал. Как будто вырезали кадр из киноленты и склепили обрывки степлером.

— Почему степлером?

— Потому что... Потому что. Почему я, собственно, рассказываю это тебе? Сейчас закричишь, наверное, и убежишь от психа. А то нападу на тебя, влекомая голосами в голове.

— Почему ты так думаешь? — приподнял бровь Дейл, — Мало ли у кого провалы в памяти. У моей бабушки тоже были...

— Намекаешь на то, что у меня маразм? — фыркнула я.

— Нет, — нахмурился Дейл, — Я вообще ни на что не намекаю. И, кстати, нет у неё никакого маразма.

— Извини-извини, — примирительно подняла я руки, — У меня как рефлекс уже огрызаться и язвить. Не так уж легко быть той, кого считают чуть ли не психопаткой.

— Понимаю...

Официант деликатно кашлянул, намекая на то, чтобы мы наконец сделали заказ. Дейл заказал суп с клецками, бифштекс с кровью и молочный коктейль. А я — огромную порцию спагетти.

— Вот это да! Ты разве съешь столько? — пристыдился Дейл.

— Ты недооцениваешь мой желудок? — фыркнула я, — Мне вот интересно, как ты всё это жрать собираешься.

— Да всё нормально, — махнул он руками.

Я принялась уплетать за обе щеки спагетти, обильно поливая их соусом. Он поковырялся в тарелке с супом и горько вздохнул.

— И о чём я только думал? — пробормотал он, — Я ведь ненавижу клёцки. И от бифштекса с кровью тошнит.

— Тогда отдай мне, — предложила я, — Вот сейчас расправлюсь со спагетти...

Я доела своё блюдо и приступила к супу, параллельно вгрызаясь в бифштекс.

— Да ты монстр, — уважительно отозвался Дейл.

— Ага. Уделаю всех монстров у тебя под кроватью, — прощамкала я.

Я доела, он допил коктейль, и мы нехотя двинулись из кафе. Безцельно шатались по городу, рассматривая витрины дорогих магазинов, неоновые огни, машины, бродячих кошек, деревья и цветы. Я куталась в плащ, он, присвистывая, щеголял в пиджаке и брюках.

— Да лааадно? Клэр убегает из дому и зависает с парнем? Вот это да!

О, я узнаю этот ехидный голосок. Мира, мисс коварная ухмылка, любительница подшучивать над друзьями и шантажировать их компроматными фотками.

— Жаль, что не со мной, — надувается Герман.

— Что за сальные намеки? — вспыхнула Риша, — Она же несовершеннолетняя! Это так отвратительно.

— Кто бы говорил, Риша, — улыбка Германа расползлась на весь рот.

— Заткнись, Герман, просто заткнись, а то башку откручу, — пригрозила Риша.

— Я не сбегала из дома, — вмешалась я, чувствуя накал страстей.

— Да? А почему тогда тебя разыскивает мама? — сощурилась Мира.

— Ууу, попадос, — загоготал Герман.

— Иди домой, Клэр, — сказала Риша, — Попадёт ведь тебе. А этого придурка не слушай, — она кивнула на Германа.

— Проводить? — вызвался Дейл.

— Ты смотри, какой галантный, — заржал Герман.

— Заткнись, Герман, — сказала Риша.

— Не стоит, я в деревне живу, — сказала я.

— Автобусы отсюда больше не ходят... — протянул Герман.

— Я пешком хожу, — сказала я, — Либо автостопом езжу.

— Пешком?! — обалдел Дейл, — Это же далеко!

— Эх вы, городские, — усмехнулась я.

— Давай подброшу, — вызвался Герман.

— Мы с вами, — вызвалась Риша, — Веселее будет.

Мы садимся в машину. Едем. Шумит мотор, играет музыка. Бьёт по мозгам. Я прошу выключить.

— Серьезно, что это с тобой? — удивляется Мира, — Ты же всегда любила музыку. Чтобы, как ты выражаешься, по мозгам било.

— Да это клон, а настоящую Клэр похитили, это же очевидно, — объяснил ей тоном учителя Герман.

— Инопланетяне? — оживилась Мира, — Похитили её и сдали на опыты. А чтобы земляне ничего не заподозрили, к нам подослали клона.

— Может, это доппельгангер? — подхватил Герман, — Засунул её в зеркало, а сам разгуливает в её облике.

— Вот дебилы, — проворчала Риша, — Она просто устала. Не у всех шило в одном месте, как у вас.

— Откройте окно, — попросила я.

Открыли. Я вдохнула влажный ночной воздух, но на этот раз он мне не принес успокоение. Мне стало вдруг очень страшно. Мне хотелось вырваться отсюда. Все краски этого мира вдруг исчезли. И друзья стали невообразимо бесить.

— Долго ещё? — сварливо спросила я.

— Скоро, — отозвалась Мира, — Вот, уже вижу дома. Эх, наверное, у тебя сейчас печка растоплена, молоко свежее налито и пирожки пекутся...

— Ага. И свежий навоз намазан и хлеб, смолотый в мельнице, — ехидно сказал Герман.

— Что за стереотипы? — возмутилась я, — Вы же тоже, считай, провинциалы. Мы в одной лодке, ребята.

— В крупных городах, наверное, так круто, — с тоской в голосе сказала Мира, — Можно танцевать на фестивалях, обливаясь водой, фотографироваться с разношерстными компаниями, устраивать акцию бесплатных объятий, покупать милые безделушки. А ещё фотографироваться в кабинке и гулять по магазинам.

— Гулять по магазинам ты можешь и у нас, — сказал Герман, — Вот, например, магазин сельскохозяйственных товаров у моего дома. Сейчас туда поступила партия ну просто умопомрачительных лопаток. Последний писк сезона!

— Очень смешно, Герман, — сказала Риша, — А я вот понимаю Миру. Когда-нибудь я уеду отсюда...

Ветер сорвал последние листья, стайкой бордовых мотыльков понесшихся в небо листьев, разлохматил мои волосы и сорвал кепку с Миры. Чертыхаясь, она понеслась за ней под общий смех ребят. Я пошла в сторону своего дома, приветственно мигающего огнями. Горел свет на первом этаже и из трубы тянулась полоса дыма. Открыла скрипучую калитку, и собака бросилась мне навстречу, гремя цепью. Разулась в прихожей. Вошла в гостиную. Игнорируя вопросительные взгляды родителей, поднялась в свою комнату и включила свет. На полу лежала шляпа, целая и невидимая. Надев её на голову, я заплакала, сама не зная, почему.

Песня о море

— А потом она пошла по длинным катакомбам. И чем дальше она шла, тем ярче разгорались эти огни. Утром они опять пропадут и появятся в осеннюю полночь, когда тучи затмят небесный свет. Говорят, это звёзды спускаются, чтобы осветить землю. А старики рассказывают, это это множество горящих глаз неведомого зверя, который смотрит и выжидает.

Не знаю, что насчет тех огоньков, но эти явно никому вреда не причинят. Просто крохотные угольки-звездочки, живущие от силу секунд 5, выбрасываемые в небо и летящие к своим небесным двойникам, чтобы затухнуть на полпути.

— И вот она идёт, замороженная этими огнями. Сирены привлекают песней, а огни привлекают светом. Он похож на свет из окон или от бенгальских огней. Но самое главное: сколько бы к ним не приближались, они всегда далеко, хотя вовсе не сдвигаются с места. Потому она шла долго, и натерла мозоли на ногах. В конце концов она обессилела и плюхнулась в сточные воды и утонула в темном омуте.

Ноги укрывает клетчатый плед. Дейл жарит для всех маршмеллоу. Герман возится с кофеваркой. Трава мокрая и холодная, а земля мягкая. Вдали — равнина, уходящая в глубокую, испещренную тучами синеву, и деревья, словно нарисованные тушью. Воздух влажен и прохладен, вдали кричит ночная птица и стрекочат кузнечики.

— И в том же самом месте возник такой же огонёк. Позже он присоединился к другим. Я вздрогнула. Шляпа слегка покосилась.

— Жуть какая! — кричит Риша, — Хватит такие вещи рассказывать, Мира!

— А ты знаешь ещё такие истории? — спрашивает Герман, — Клевые же.

— Да вы в своём уме?! — набросилась на него Риша, — На Клэр лица нет! Да и мне они не нравятся, если хочешь знать моё мнение!

— Может, я не хочу, — осклабился Герман.

— Хватит ссориться, — взмолился Дейл.

— А ты что думаешь? — оживился Герман, — Я уверен, ты просто без ума от этой страшилки!

— Честно говоря, мне вообще не нравятся страшилки, — Дейл окинул присутствующих затравленным взором, судорожно сжимая в руках пальце, — Может, лучше поговорим о чём-нибудь хорошем? Ну, или споём...

— Агрх, какой ты скучный, — тут же скис Герман, — Такой же кайфолом, как и Риша. Дейл вжал голову в плечи.

— Перестань на него гнать, Герман, — взбесилась Риша, — Что ещё за "кайфолом"?! Это ты без тормозов! Мы собрались здесь посидеть и отлично провести время, а не пугаться каждого шороха. Если хочешь страшилки — то идите с Мирой и уединитесь где-нибудь. А у этого костра мы будем петь хорошие и веселые песни.

Риша отобрала у Германа гитару и стала наигрывать аккорды и петь. Дейл принялся вышивать, Мира лопала маршмеллоу, громко чавкая, Герман добил примус и теперь перед каждым из присутствующих дымилась чашка черного кофе. Вдали загремел гром.

— Это небо вскрикивает от того, что ему приснился кошмар, — сонным голосом сказала я.

— Да? — спросила Мира.

Она встала и задрала голову, помахав небу рукой. Её теплая шапка упала к моим ногам.

— Не бойся, небо! — закричала она, — Всё хорошо!

— Если прислушаться, то можно услышать шум моря, — сказал Дейл как бы самому себе.

— Какой ты всё-таки смешной. Где же у нас море? — язвительно спросил Герман, — У нас красная пустыня с выжженным воздухом. И люди здесь такие же выжженные. Тут морю не место.

— И где же морю место? — спросила Мира.

— У скалистых берегов и белых песочных пляжей, — сказал Герман, — Рядом с мечтающими о парусниках и трубящих в рог после полуночи. Там, где киты и пираты.

— Но ведь всё это невозможно без моря, — пробормотала Мира, — Бессмыслица какая-то получается.

— Какие вы скучные, — сказала я. И прислушалась, — А знаете, я тоже его слышу.

И правда. Вдалеке, скрываясь среди шелеста травы, воя ветра, крика птиц и шума дождя шумел океан, шелестели белогривые волны и бились о скалы. И если принюхаться, то можно почувствовать запах соли и ощутить на своей коже дуновение северного ветра.

— А? Я ничего не слышу! — сказал Герман, — Опять вы придуриваетесь? Море они слышат, с ума сойти...

Мы с Дейлом многозначительно переглянулись. Сразу стало тепло на душе. словно прошлась босиком по пляжу.

— А ведь было бы здорово, если бы у нас было море, — сказала Риша, — Хотя бы крохотное.

— Ага! И пляж с пальмами, — подхватила Мира, — И пляжный продавец, и коктейли, и кафе-терраса, и буйки, и бананы, катера, парусники, водные лыжи, сёрфинг, дайвинг, и дельфины на фоне заката, и медузы, обжигающие ногу...

— И акулы, кусающие за задницу, — загоготал Герман.

— Кто ещё из нас кайфолом, — хмыкнула Риша.

— Да ну вас, — сказала я, — Я спать.

— Да ты чего? Сейчас же самый кайф, — затормошила меня Мира, — Скоро рассвет будет. Это всегда так!

— Рассвет лучше встречать на вершине горы, — сказала я, — Укрытой пледом, с кленовым сиропом в руках, глядя на простирающиеся внизу лес. Вот там рассвет — само доказательство того, что ты жив. А на здешние рассветы я насмотрелась.

— И много ты на них смотрела? — спросил Дейл.

— Почти каждую ночь, — махнула рукой я, — Всегда ждала его с замиранием сердца как избавление.

Символ наш — рассвет, а гимн — вечерняя песнь соловья.

Откуда я знаю эти строчки? Кто-то нашептал мне их ночью, стоя у изголовья кровати. Или не у изголовья кровати? В любом случае, этот кто-то очень хотел, чтобы я их услышала и запомнила.

— Гляди, уже небо вдали светлеет, — сказала Риша, — Я с самого детства смешивала краски, пытаюсь получить такой же цвет. Но у меня ничего не получалось. Всегда какой-то мутный выходил.

— Что поделать, природа не наградила тебя истинным гением художника, — подтрунил

над ней Герман.

— Не бывает неталантливых художников, — сказал Дейл, — Бывают просто криворукие. Или уникальные. Но всем нам есть, что сказать и показать.

— Пожалуй, ты меня вдохновил нарисовать картину. Я давно хотел осуществить этот замысел, — с комичной серьёзностью сказал Герман.

— Правда? — обрадовался Дейл.

— Да. Я нарисую сортир и чпокающихся... — начал было Герман, но тут же схлопотал подзатыльник от Риши.

— Хватит ахиною нести, — прошипела она, — Ты хоть когда-нибудь бываешь серьёзным?!

— Чего? — опешил Герман, — Обижаешь! Я?! Да никогда!

Я встала и отошла от других, застегнув отлетевший ремень запога. Вдали занимался рассвет. Запел соловей. Стало светло и тепло. Тучи ушли к другому концу гнеба, туда, где всё ещё ночь. Вдали колыхались деревья. а за ними что? Вот бы превратиться в одну из птиц, прямо сейчас пролетающих у меня над головой, и посмотреть, что там, далеко-далеко, куда не достаёт мой взор.

Я раскинула руки в стороны и закрыла глаза. Как по команде, поднялся ветер, хлопая плащом, развевая подол юбки и волосы, он огибал моё тело, заставляя кожу покрываться мурашками от холода. Холодный, мокрый осенний ветер, несущий в себе дыхание пока ещё спящей зимы. Я не чувствовала своих ног. Быть может, я уже стала птицей, и если я взмахну своими руками-крыльями, то поднимусь в воздух?

БОЛЬ

Запульсировало в висках. Всё стало красным. Превращение неудачное. Может, я превратилась в пробегающую мимо бродячую собачку? Или...

Сорок ног и размывающаяся граница между светом тенью. Ни глаз, ни ушей, ни кожи, ни волос, только тело-гармошка. А вокруг всё такое огромное и непонятное. Тёплая земля, сладкие корешки, гиганская трава и множество муравьёв, снующих куда-то и не замечающих меня. Они не слышат меня, потому что говорят на языке ароматов. А я не слышу их. Не слышу и крылатых злобных жуков, и слепых бездумных червей, и мерзких мух. Я не слышу ничего, чувствую только сотрясение земли и смертельную опасность. Надвигается что-то непостижимое, топя ногами и сотрясая воздух. Я бегу. Куда бегу? Ноги путаются. Пытаюсь закричать, но как я могу? Ни зубов, ни языка, ни гортани. Только жалкие подобия челюстей. Хитиновая нелепость. Ха! Я всего лишь сороконожка — что же ещё?!

— Ну ты и debil! И что нам теперь делать?!

— Я-то тут причём?! Сказал же, что ничего ей не давал!

— Ну да, ну да, конечно! Оправдывайся!

— Знаешь что?! Мне уже надоело, что ты мешаешь меня с грязью!

— Кто ж тебе виноват, что ты меня постоянно провоцируешь?!

Я не выдерживаю.

— Заткнитесь! — кричу я.

Они в изумлении уставились на меня. Розовые косички, рваное каре, конский хвост и черные лохмы. На меня обрушивается град вопросов.

- Ты в порядке?
- Что это было?
- Ты что-то приняла?
- Ты идиот! Она ничего не принимает!
- Может, отвести тебя к врачу?
- Ага, в психушку, ещё скажи, сдать!
- Я не...
- **Шляпа.**

Четыре пары глаз вопросительно уставились на меня.

- Дайте мне мою шляпу.
- Ты в душ тоже ходишь с этой шляпой? — хмыкнул Герман, но всё-таки подал мне её.
- Спасибо, — сказала я, надев её, — Какой сегодня день недели?
- Понедельник, — удивленно сказала Риша, — Ты точно в порядке, Клэр?
- А разве я говорила, что в порядке? — огрызнулась я, — Значит, сегодня в школу...
- То есть ты только что отрубилась с блаженным выражением лица, и первое, что тебя волнует — это школа? — ехидно спросила Мира, скрывая нотки беспокойства.
- Пойдёшь? — спросила Риша.
- Прогуляю, — сказала я, — Нет ни сил, ни желания туда идти.
- Я тебя отмажу, — сказал Дейл.
- Нет уж, — оскалилась я, — Ты пойдёшь со мной.
- Ну, тогда я пошла, — сказала Риша, — Спать хочу ужасно. Если что-то нужно — звони.

— Мне не с чего, — усмехнулась я.

— Тогда приходи, — замялась Риша, — Адрес помнишь? Ну вот... Если что, у меня депрессанты есть. Брат может рецепт палёный достать.

Риша ушла, махнув на прощание рукой. Герман и Мира тоже разбрелись в противоположные стороны.

— Эта компания кажется крепкой, но, если приглядеться, то не такая уж, — заметил Дейл.

— Как и большинство компаний вокруг, — ответила я, — Есть клей, держащий их вместе. В данном случае я этот клей.

— Не надоело? — участливо спросил Дейл.

— Надоело, — нехотя согласилась я.

Мы взялись за руки и пошли по проселочной дороге. Вдали просыпался город в тумане. Горящие осенним цветом деревья и лужи с отражающим и исходящим волнами солнцем. И кошки, греющиеся на теплой поверхности машин и камней, и молодёжь, сидящая на крыше, и ряд аккуратных домов, и птицы, рядом сидящие на проводах. Мост, перекинутый через журчащую речку, девушка в белом, кормящая птиц. Очаровательная блондинка и олицетворение невинного девичества и озортва. Не её ли зовут Талый Снег, Апрель и Семь Часов Утра? Мы встали рядышком, кормя плавающих в воде уточек. Те хлопали крыльями, плескались и крякали, а мы с девушкой смеялись. Дейл стоял в стронке, деликатно помалкивая. Когда я оторвалась от дивного зрелища, чтобы посмотреть на него, девушка исчезла. Показалось, что ли?

Мы сидели на перилах и болтали ногами. Холодный ветер всё пытался сдуть с меня шляпу. Мимо изредка проходили люди, чтобы зайти в сквер, сесть в тени деревьев и

почитать книжку. Всё пыталась почитать на улице, но то солнце слепило глаза, то ветер пытался перелистнуть странички. В общем, не судьба.

На улице ходил какой-то загорелый человек и разносил на подносе жареный каштан. Многие подходили, брали, хрустели, смеялись, такие румяные и довольные. Кто-то играл на гармонии. Детишки лет 13-ти перекидывались мячом. Две девочки лазали по деревьям. Художник продавал картины. Я купила одну — натюрморт с персиками, апельсинами и вишнёвым соком. Так он и назывался.

— Зачем? — удивился Дейл, когда мы отошли на приличное расстояние.

— Я не в первый раз его вижу и у него редко кто что-либо покупает, — объяснила я, — А мне его жалко, старается ведь.

— Транжиришь? — усмехнулся Дейл, — Учись у гуру.

Мы пошли в палатку с сувенирами и купили браслеты дружбы. Там ещё продавались яркие ниточки, тесемки, подвески и подобные кусочки лета.

— С ума сойти! — сказала я, — Сувениры! Да разве кто-то приезжает сюда? Назовите мне хоть одного такого полоумного туриста!

— Ты, например, — усмехнулся Дейл.

— Справедливо, — сдавленно сказала я.

Потом мы безцельно слонялись по городу, натыкаясь на знакомых, многие из которых в нашей школе и тоже прогуливают занятия. Гуляли по заброшенной железной дороге. Остановка со стеклянной крышей с многолетним слоем листьев и веток, пол, устланный лепестками, и полуразрушенная перрона. Гуляли по рельсам, стараясь не ступать на шпалы, воображали, что нашли заброшенный поезд и даже смогли пробраться внутрь, обнаружив там теплое купе, зашторенные окна и полутемные коридоры.

— Кстати, почему эту железную дорогу не достроили? — спросил Дейл.

— Не знаю, вроде, финансов не хватило, — пожалала я плечами, — Да и зачем нам ещё одна? У нас есть одна, которая ведет в город на берегу океана. А остальные пускай на машине сюда добираются.

— Или пешком, — губы Дейла растянулись в широкой улыбке.

— Ну, это уже совсем жестоко, — сказала я.

— Скоро сезон дождей, — вдруг сказал Дейл.

— У нас не тропический климат, — сказала я, — Так что у нас лето, а потом осень, осень и весна...

— Знаю, но звучит красиво, согласишься, — сказал Дейл.

— И правда, — кивнула я.

И правда, повторила я про себя, глядя на самолёт, оставляющий после себя белую полоску на фоне ярко-голубого неба.

Песня об одиноких

— Дождь?

— Похоже на то.

Барабанная дробь воды за окном. Склоняющиеся к земле ветви деревьев. спешащие в класс ученики с урока физкультуры — одинаковые белые футболки и черные шорты до середины бедра. Уходящие с крыльца старшекласники, прячущие от дождя еду.

— Подай сахар.

— У тебя ничего не слипнется? Уже 5 кубик кладешь.

— Ну, я-то буду ртом есть, в отличии от некоторых...

На крыльце стоит блондинка и черлидерша. Черлидерша трясет помпонами. Её черные волосы вьются от воды. Парень пьёт пиво из банки. Другой парень с хвостиком разглядывает блондинку. В сторонке стоит девочка с короткими русыми волосами. Нетрудно догадаться, какие отношения между этими пятью. По крайней мере мне.

— Скорей бы выпуск. Тогда я уеду поступать в Лос-Анжелес.

— Ха-ха! Мечтай дальше!

— Мой папа оплатит! А ты до конца жизни просидишь здесь.

— А вот и нет!

Укрываясь дождевиком, бежит кудрявая девочка и смеётся. У неё джинсовые шорты и резиновые сапоги до колен. За ней бежит мальчик в бежевых бриджах, доедая на ходу буритто.

— Ты слышала историю о Майке?

— Майк?

— Ну... Он в соседней школе учился. И в год выпуска разбился в овраге.

— В том самом?

— Я знала Майкла. Он боялся выпуска, потому что тогда Нелли уедет. И Рейчел и Раймондом тоже.

— Тогда почему он не мог уехать с ними?

— У его родителей нет денег. Их зарплаты едва хватает на то, чтобы прокормить всех.

Да и отец против.

— Да уж, обидно...

— Но самое главная причина: он боялся перемен и неизвестности. Он был не из тех, кто бросался в путь по большой дороге. и не из тех, кого незнакомые города встречали с распростертыми объятиями.

— Фига, Эми, ты говоришь, как поэтесса!

— Не перебивай! Дай ей досказать!

— Все знали, что это будет неизбежно. Нелли уедет поступать в консерваторию. Рейчел и Раймонд — на север, посвятить себя судебному делу. Раймонд всегда говорил, что никогда не любил юг. А Майк бы не смог прожить на севере. Он всегда легко простужался и мерз даже при нуле.

— Тоже мне, проблема! А СМС? А скайп? А вайбер?

— Ну ты же понимаешь, что это всё не то... Да и когда это у нас сеть ловила нормально?

— Понимаешь, для него это было большой проблемой. Мир рушился на куски. Рейчел и Раймонд были его первыми и единственными друзьями, которые спасли его от травли и ввели в круг популярных. Без них его ничто не связывало бы с той шайкой. Они общались с ним только ради Рэйчел и Раймонда. А Нелли... Нелли его не защищала, не смешила, не выводила в люди. она была на него похожа — и потому понимала больше остальных.

— Всё-таки жалко парня...

— Ну, люди приходят и уходят. Их надо отпускать. Особенно школьных. Особенно здесь. Потому что школьники могут быть очень сплоченными, но всё, что их связывает — это школа. Когда они выпускаются, то поймут, что у них нет ничего общего. И разойдутся, кто куда. А Майк был консерватором и это его в итоге погубило.

— Может, хватит? Слишком грустная тема для чаепития, вы не находите?

Двор опустел. одиноко болталась на ветру волейбольная сетка. Зеленело футбольное полу. Стадион намок.

— А я хочу поступать в соседний город.

— Соседний? Ты издеваешься?

— Ну, который к нам ближе всех!

— А че не Нью Йорк?

— Ну, там море... И жареный каштан. И орехи. И булочки.

— Развлекуха для туристов...

— А я кулинаром хочу быть.

— А я в бродячем цирке.

— И перед кем ты будешь выступать? Перед баранами, что ли?

— Ну, не стоит быть такой самокритичной...

— А ты куда хочешь поступать, Клэр?

Я вздрогнула. поправила шляпу. Перекинула ногу на ногу. Отпила горячий чай.

— Хиппи. Разъезжать на тарантайке, не мыться и петь Джона Леннона.

— Очень смешно.

— Это к Джозефу! Он у нас в 60-х застрял.

— Странно, почему не рокеры? Вон, те из шайки Джоанны такие же мрачные и мутные...

— Да она скорее дамочка из 20-го века. Шляпка, длинная юбка, красная помада... Не хватает пальто.

— А почему у нас одни девочки? — спросила я, — Где ботаны?

— В компьютерном клубе. Джо, скотина такая, переманивает всех.

— Нехорошо... Шахматы — это очень интеллектуально.

— Питьё чая и перемывание всем костей тоже, я полагаю?

— А Дэн сделал игру, где можно ходить по школе и раздевать наших девочек... В смысле, просвечивать рентгеном.

— Новый Кларк Кент, блин.

— А мы там есть?

— Ты — нет.

— Вот даже не знаю, радоваться мне или плакать.

— А Клэр есть! Клэр, как тебе такое?

Я фыркаю, давлюсь чаем, вода стекает у меня из носа. Девочки понимающе кивают.

— И этим все сказано, — усмехается капитан клуба и по совместительству главная

сплетница. Впрочем, она абсолютно безвредная, только без тормозов совсем.

— А ты чего не пришла? — обращается ко мне типа "интеллектуалка" и скромница, но я спалила её за просмотром тамблера с голыми мальчиками.

— Ну... — замялась я, — Мне хреново было.

— Да? Опять приступ? — сочувствующе спросила капитан, — Может, тебе реально сходить к психотерапевту?

— Ага, или к нашему школьному психологу, — заржала мулатка, которую выгнали из клуба болельщиц.

— Уж он-то проведет над ней терапию, — ослабилась девочка с брекетами, — Ох, какая терапия это будет, инновационная, с внедрением новых технологий лечения!

— Да-да, и таблетки ей надо будет принимать, — поддакнула мулатка, — Только вот это не совсем традиционные препараты будут...

— Хватит уже, извращения, — покраснела очкастая, — Что за грязные намеки? Просто отвратительно, девочки.

— Какие грязные намеки? — захлопала глазами девочка с брекетами, — Как ты можешь про нас такое говорить? Мы милые невинные девушки, мы даже не знаем, откуда дети берутся!

— Вообще-то их аист приносит, — с умным видом сказала мулатка, — Эх, темнота!

— А что за тема с психологом? — не поняла я.

— Ну, он нарушает частные границы учениц, — нехотя сказала мулатка, — Причем девчонки боятся что-либо сказать начальству.

— Почему, Лия сказала, а директор сказал, что она наговаривает на опытного специалиста, которые с неба не падают и вообще нечего расхаживать разряженной как проститутка, — сказала девочка с брекетами.

— Что, прямо так и сказал? — ахнула я.

— Нет, но смысл был примерно тот же, — пожала плечами девочка с брекетами.

— О, Габи вроде тоже от него пострадала? — оживилась мулатка.

— Да Габи сама ко всем лезет, — махнула рукой девочка с брекетами.

— Кто-кто? — вставила капитан, — Габриэль что ли? А почему я её не видела?

— Потому что ты пялишься только на еду, — проворчала очкастая.

— Габриэль — местная достопримечательность, — пояснила девочка с брекетами, — Не умеет общаться по-другому, кроме как приставать. Причем ко всем без разбору.

— Ты ещё не видела, как она себя в начале вела, — сказала очкастая, — Это просто что-то!

Габриэль. О да, я знала её. Причем не так, как они. Потому я встала, стукнув кулаками по столу, и окинула присутствующих сердитым взором.

— Хватит уже, — закричала я, — Мне надоело слышать, как её поносят! Вы же ничего не знаете, почему такое говорите о ней?!

— А что тут знать? — пожала плечами девочка с брекетами, — Приставучая, развратная. Обычная девушка легкого поведения.

— Да пошла ты! — взвизгнула я, — И слышать не хочу твое шепеляние в её сторону! Она пережила насилие!

— Не горячись ты так, — сказала капитан.

— Да что с вами не так?! — не своим голосом заорала я, — Вы видите лишь то, что хотите видеть! Невооруженным взглядом понятно, что это поведение травмированного

человека!

— Погоди, насилие? — перебила меня очкастая, — Травмированного? Ты о чём?

— Она пережила насилие в дошкольном возрасте! — кипятилась я, — Причем неоднократно! И от родного человека! Когда она пошла в школу, все вели себя, будто ничего не произошло, а мать даже обвиняла её! А когда она перешла в среднюю школу, он умер. И все говорили о нем, как о хорошем человеке. И это было так! Он кормил бездомных кошек, жалел сирот, защищал других от хулиганов, всегда был готов прийти на помощь. Но не для маленькой девочки, которой он разбил сердце! Её всё время спрашивали, почему она не плакала на похоронах...

Капитан шмыгнула носом и внезапно разревелась. Мулатка в шоке смотрела на меня. Девочка с брекетами убежала, опрокинув стул и разлив чай. Очкастая закрыла рот руками. Я тяжело дышала, мои щеки горели, а глаза метали молнии.

— Теперь мне очень стыдно перед ней, — проскрипела мулатка.

Все согласно закивали.

— Надо найти её и извиниться, — сказала мулатка, — Я и предположить не могла, что всё настолько... Ты молодец, что рассказала правду, Клэр.

— С каких это пор единственно правильный поступок считается подвигом? — фыркнула я.

— Для некоторых это подвиг, — сказала мулатка.

— Я тоже извинюсь, — сказала очкастая, — Я ведь была одной из инициаторов её травли. Какая же я...

— Ты ничего не знала, — сказала мулатка, — пойдём.

Они вышли. Я осталась стоять, опустив голову. Шляпа закрыла мне лицо, так что, если бы кто-нибудь вошел, то не увидел бы, что я беззвучно плакала. Но никто не вошел.

— Что там случилось? Почему Габи в кладовой ревет, а очкастая и мулатка её успокаивают?

Дейл разворачивал буритто. Я ела начос, макая их в кетчуп.

— Они помирились. И если что-нибудь выкнешь в сторону Габриэль, то я тебя урою.

— Я и не собирался...

Он взял у меня начос.

— Тогда поделись буритто, — сказала я.

Он сунул мне сверток. Я откусила кусок. Кажется, мистер Лонси наконец-то научился правильно его готовить.

— А что за история? — спросил он.

— Я рассказала им, почему Габи так себя ведет.

— И почему она так себя ведет?

Я пересказала ему её историю. Дейл слушал, и в конце у него в буквальном смысле отвисла челюсть.

— Но это же ужасно! Ей надо немедленно к специалисту! Так нельзя жить!

— И тогда её заклеят психом, — пожалала я плечами.

— Знаешь, если бы я выбрал, жить вот так или быть заклеенным, то я бы выбрал второе.

— Но ведь она не ты.

— Да, точно... Прости.

— Но ты подумай, что врачи смогут сделать? Положат её в больницу, будут пичкать лекарствами и водить на тупые терапии. Всё, что ей нужно — раскаяние того ублюдка и принятие матерью. Но ни того, ни другого не произойдёт.

— Пусть хоть что-нибудь сделают. Вообще, в соседнем городе есть реабилитационный центр. С пляжем, рестораном и понимающим персоналом. Я читал отзывы, очень многим помогало.

— А деньги она откуда возьмет?

— Ну... Можно собрать. Но нужно хоть что-то сделать. Ты же понимаешь, что когда-нибудь она не выдержит? Повторное пережитие травмы никому ещё не помогало.

— Да... Надо. Но как?

— Я знаю одного психиатра... Она сможет ей помочь. Она всегда понимает своих пациентов и относится к ним как к людям. Одна такая на весь персонал. Поищу дома визитку. Или у отца спрошу. Он должен знать. Или дядя.

Я расправилась с начос. Он — с буритто. Мы допили колу. Сидя на краю крыши, болтали ногами. Внизу шли, держась за руки, парень и девушка. Парень глядел на неё с нежностью, а она — со скрытой болью.

Песня о дереве

В зеркале я вижу бледное изможденное лицо с отеками вокруг глаз, потрескавшимися губами, едва заметными шрамами за левой скулой, короткими прямыми ресницами и нависшими веками. Тонкие кривые губы, по цвету слившиеся с бледной с желтизной кожей. Волосы разлохматились, шляпа покосилась. Жалкое зрелище.

Сначала тональник, чтобы скрыть желтизну и шрамы. Потом тушь, подводка, тени, кроваво-красная помада и карандаш для губ. На том месте, где должна быть ямочка от улыбки, наношу мушку.

Открываю шторы. За окном — утренний город. Легкий туман, светло-серое небо, прохладный воздух. А здесь — почти белая комната. Белая кровать, белый балдахин, белый ковёр. На белой стене — плакат с белой кошкой. а белом столе — белая тарелка с белым шоколадом.

Я заночевала у Дейла. Напросилась, чтобы узнать, каково это — просыпаться в городе. Мы спали в отдельных комнатах и после ночевки ничего между нами не изменилось. Да и не хотелось ни мне, ни ему.

Иду по коридору. Рядом дверь с надписями:

НЕ ВЛЕЗАЙ — УБЬЁТ

МОЯ ТЕРРИТОРИЯ — МОИ ПРАВИЛА

ПРИ ВХОДЕ ГОВОРИТЬ ПАРОЛЬ

Это комната его сестры. До самой ночи я слышала оттуда звуки тяжелого рока и не могла заснуть. А потом мне снились кошмары. Как она такое слушает, не представляю.

Спускаюсь на кухню. Отец сидит и читает газету. Дядя роется в холодильнике. Мама безцельно переключает телевизор. Сам Дейл рассеянно ковыряется в тарелке с хлопьями. На нём халат и домашние тапочки.

— И долго мы тут прохлаждаться собираемся? — скрестила я руки на груди, — Занятия уже начались.

— В смысле?! — подскакивает Дейл.

Вливает в себя молоко, жуёт хлопья, давясь ими. Я ржу, отец тоже.

— Я пошутила, — смилостивилась я, — Сегодня воскресенье, дурья башка.

— Ненавижу выходные, — сказал Дейл.

— Ты всегда был странным, — раздался голос сестры откуда-то сверху.

Она спускалась, сонно потирая глаза. Джинсы на бедрах из 60-х, при этом драные, майка, ожерелье, фенечки, и рваная стрижка, создающая ощущение того, что её волосы наэлектризовались. И рваная челка, которую давно не подравнивали. По щекам растеклась тушь.

— Что за вид у тебя такой, Ребекка? — проворчала мать, — Сейчас же иди умойся и причешись. Не позорь меня перед соседями.

— Блаблабла, — передразнила её Ребекка.

— Ты как со мной разговариваешь? — подбоченилась мать.

— Успокойся, Моника, ты опять заводишься с полуоборота, — спокойно сказал дядя, гремя банками в холодильнике.

— Сначала работу найди, психолог недоученный, — фыркнула мать, — Долго я должна

терпеть, как ты каждый день пердишь в диван и опустошаешь холодильник?

— Ника, это всё-таки мой брат, — вставил отец из-за газеты, — Будь с ним помягче. У него не самый лучший период в жизни.

— Этот "не самый лучший период в жизни" длится уже 10 лет! — взвизгнула мать, — Мы даем ему кров и пищу, а в ответ не получаем ни капли благодарности! Мне это уже надоело! Пусть немедленно съедет!

— И что же, ты выгонишь его на улицу? — спросил отец, — Не будь ребенком. Войди в его положение. Он старается изо всех сил.

— Расслабься, брат, — сказал дядя, — Это типичные манипуляции. Она на чувство вины давит посредством своих истерик. Не ведись.

— Что ты сказал, щенок?! — мать от возмущения выронила чашку.

— Успокойтесь, пожалуйста! — взмолился Дейл.

— Ну вот, что и требовалось доказать, — усмехнулся дядя.

— Мне уже надоело, что меня постоянно мешают с грязью и выставляют истеричкой и манипулятором! Я уже и манипулятором побывала, и психологической садисткой, и неуравновешенной психапоткой! А может, это просто ты козёл, а?! — заорала мать, грозно надвигаясь на дядю.

— Оставь в покое моего брата! — привстал отец, не откладывая газеты, — Истеричная дура!

— Пожалуйста, дядя, ты же сам видишь, что провоцируешь её! — попытался перекрыть мать Дейл.

— Прошу тебя, Дейл, я не хочу сейчас разбираться с твоими болячками. Иди в свою комнату, — сказал дядя.

— И как это ты определил, что у него болячки? — вмешалась сестра, — Может, хорош уже на людей ярлыки навешивать? А я тогда кто, скажи мне?

— Нет, Ребекка, у тебя просто переходный возраст, — мягко сказал дядя, отбиваясь от нападков матери, — Ты хочешь привлечь внимания, вот и всё. А вот твой брат любит манипулировать людьми, этим он в мать пошел.

— Ты идиот, — сказала сестра, — Когда это он манипулировал кем-то?

— Ладно, пошли, Ребекка, — вяло сказал Дейл, — С ним бесполезно спорить.

— Кстати, девушка, — обратился дядя ко мне, — Я, конечно, понимаю, что у нынешней молодёжи беспорядочные связи считаются чем-то обыденным, но Дейл — это не самый лучший выбор. Если Вы забеременеете, то он не сможет потянуть ребенка.

— Мы спали в разных комнатах, — жестко сказала я, — И ни я, ни мои знакомые не практикуют случайные связи. И я уверена, что Дейл будет отличным отцом.

— Да, если по Вашим меркам отличный отец — это человек с букетом психологических проблем и комплексов, — рассеянно отозвался дядя как раз в тот момент, когда мать огрела его вазой.

— Бежим! — заорала сестра.

Она схватила нас за руки и потащила из дома. Мы выбежали на дорогу и припустили вдоль проезжей части, остановившись у моста. Только тогда она нас отпустила.

— Она его не убила? — забеспокоилась я.

— Неа, — весело сказала сестра, — Такое постоянно случается. Он её провоцирует, она бросается в драку.

— Дурдом какой-то, — проворчал Дейл, — Мать просто неуравновешенная личность, а

не манипулятор.

— Которую довели эти двое придурков, — добавила сестра.

— Мой отец не придурок, — нахмурился Дейл, — Он просто пытается быть на стороне всех. И мамы, и дяди.

— Но при этом защищает только дядю, — сказала Ребекка.

— Мать он тоже защищает, — сказал Дейл, — И просит дядю не провоцировать её.

— А почему твой дядя называет тебя манипулятором? — спросила я, — Никогда не замечала тебя за этим...

— Да фиг его знает, — пожал плечами Дейл.

— Просто ты требовал внимания к себе постоянно, — сказала Ребекка, — Ненавидишь ссоры. Обидчивый. Раннимый. Привязчивый. Ревнивый.

— Это как ты так решила? — скрестил руки на груди Дейл, — Все дети требуют к себе внимания, разве нет? Да и ревновать своих родителей тоже нормально для ребенка. А ссоры кто любит?

— Да и ранимость и обидчивость — это нормально, — рассеянно сказала я, — Многие обижаются. Так что они, сразу манипуляторы?

— Ага, — неожиданно повеселел Дейл, — Вообще-то если грудничок кричит и требует молока — то он нарцисс-манипулятор, ты знала?

— Тогда я тоже манипулятор! — с притворным испугом воскликнула Ребекка, — Я ведь в детстве и молоко требовала, и по ночам орала, и голодная постоянно была! О, и боялась от матери отойти!

— Да ты просто зверь! — схватился за голову Дейл.

Я подняла булыжник и кинула его в воду. Он исчез, оставив после себя расширяющиеся круги.

— Как-то близко кинула, — цокнула Ребекка, — Я дальше могу.

Она взяла камень, как следует размахнувшись, кинула его. Отлетел он далеко, превратившись в маленькую точку.

— Круто, — восхитилась я.

— Я ещё и блинчиками могу, — гордо сказала Ребекка.

И кинула блинчиками. Камень оттолкнулся от воды 3 раза.

— А я так не умею, — расстроено сказал Дейл.

— Ну и что, — махнула рукой Ребекка, — Зато ты шьешь хорошо. А я, сколько не пыталась, ни разу не смогла.

— А как же тот носок? — спросил Дейл.

— Это тёмная история, — мрачно сказала Ребекка, — Она должна исчезнуть из людской памяти как страшный сон.

— Как раз страшные сны врезаются в память, — тихо сказала я, но меня всё равно услышали.

— Мне всё детство снились кошмары, но я их сейчас забыла, — сказала Ребекка.

— Забыли, — сказала я, — Не хочу об этом говорить.

Я повернулась к воде, дав понять им, что больше не собираюсь обсуждать эту тему. У Ребекки зазвонил телефон. На мелодии стояла Скай Свитнам. Она принялась безостановочно болтать, потом положила трубку, сказала, что её ждут, и ускочила.

— Ну, погуляем, что ли? — неловко предложил Дейл.

— Ты-то чего жмёшься? — фыркнула я, — Знаешь ведь, что не укушу.

— И куда мы пойдём? — спросил он.

— Прогуляемся по городу, — сказала я, — Будешь Эдгара По цитировать.

— Ворона? — обрадовался Дейл, — Я его наизусть знаю.

— Ну вот его и расскажешь, — сказала я.

И мы шли по улице, он декламировал стихи, распугивая прохожих. Ребенок заплакал, дед стал снимать на телефон, группа подростков принялась апплодировать. Он смутился и замолчал.

— Не хочу возвращаться домой, — сказал Дейл, когда уже было ближе к вечеру.

— Я тоже, — сказала я.

— Пойдёшь к своим? — спросил он.

— Что угодно, лишь бы не спать, — сказала я.

— Кошмары опять, да? — сочувственно спросил Дейл.

— Ага, — подтвердила я, — Хоть вообще не спи.

— Спать-то надо, — сказал Дейл, — Может, антитревожные пропьёшь?

— Нужен рецепт, — сказала я, — Для того, чтобы его получить, надо сходить к психиатру. А он меня в психушку положит. Мне это нафиг не надо.

— Какая ты всё-таки упрямая, — сказал Дейл, — Тебе же помощь нужна. На тебе лица нет. Думаешь, я не разгляду синяки за слоем тоналки?

— Вот сам и сходи к нему, — буркнула я.

— Но ведь это тебе нужно, а не мне... — пролепетал Дейл.

— Вот именно, мне. Тебе-то что? — взбешённо спросила я и, отвернувшись, зашагала от него прочь.

— Клэр, ты чего? — как сквозь бурю, донёсся до меня голос Дейла.

Я дерево. Мои руки опутывают веревки, мои пальцы срезают пилой.

Нет, не думать об этом. Сейчас не время.

Я дерево. Мои кости согревают дома. Из моей плоти делают книги.

Сопrotивляться. Почему шляпа не работает?

Я дерево. На моей коже ножом вырезают инициалы влюблённых. Машины обливают меня своей кровью.

Нет, нет, нет, нет, нет, нет.

Я дерево. Никто не смотрит на меня. Мои дети умирают у меня на глазах, а мои цветы разъедает пылью. Моё дыхание пропитанно прахом этого города. Я дышу им и выдыхаю его. Меня спилят, и остатки моего тела будут уродливым пеньком торчать из клочка земли как безымянный памятник, никем не замечаемый.

— Очнись!

Меня бьют по щекам.

— Очнись, псих несчастный.

Обзывается Нэнси. Бьёт Дейл.

— Что за... — я попыталась встать, но это отдалось такой болью у меня в голове, что я громко охнула. В голове всё пульсировало. В ушах шумело. Изображение перед глазами плыло.

— Ты какой-то бред несла! — сказала Нэнси, — Психованная, блин. Тебе в дурку пора.

— Вы с Дейлом сговорились, что ли? — простонала я.

И вдруг поняла, что шляпа упала. Я судорожно подняла её и дрожащими руками нахлобучила по самые брови.

— Ну вот, теперь и тремор в конечностях, — расстроенно сказал Дейл.

— Знаешь что?! — я рывком вскочила на ноги, — Иди сам к психиатру, если тебе так хочется! Может, он даст тебе справку, что у тебя нет никаких болячек и твой дядя заткнётся! А от меня отвали!

Я побежала прочь. Вся дрожала, в голове всё гудело, кожа горела. Я сама не знала, куда бежала и зачем, да и маршрута своих хаотичных передвижений не запомнила, так что быстро заблудилась. Окончательно пришла в себя на заправке. Окруженная машинами, я жадным взглядом впиалась в паренька, который нёс канистру с бензином.

— Заблудилась, цыпочка?

Меня окружили бугаи не самой приятной наружности. Оки кружили вокруг меня, как свора, и мерзко хихикали.

— Отвалите, — сказала я.

— Ты че такая дерзкая? — набычился, судя по всему, их вожак.

Ошиблась. Они были не сворой, а шайкой. Хохочущими генами с горящими в темноте глазами.

— А ну валите отсюда, — устало сказал парень в рабочем костюме, приближаясь к нам, — Тут вам не место для тусовок. Всех клиентов распугаете.

Сердито на меня посмотрев, парни ушли.

— А тебе на каком языке объяснить? — зыркнул на меня парень, — На испанском? Нечего мелочи здесь делать. Вали к мамочке.

— А я заблудилась, — просто сказала я, — И не могу найти дорогу обратно.

— Серьёзно, что ли? — закатил глаза парень, — Никогда больше не буду работать с потоком. Так, где ты живешь?

— В деревне, — ответила я.

— В какой деревне? — прорычал парень.

— В обычной, — сказала я, — Которая на Юго-Западе.

— А тут ты что забыла? — нахмурился парень, — Сейчас ты машину не поймаешь. Окей, сейчас смена закончится и я тебя отвезу. А пока иди в служебное помещение и не высывайся.

Он отвел меня в тесную каморку. Половину помещения занимал стол, заваленный бумагами и тетрадами. На голом проводе болталась лампочка. Стул был увешан потной одеждой.

— Чего уставилась? — бурнул парень, — Тут тебе не хоромы. Садись давай. Чай? Кофе? Глитвейн с черной икрой?

— Обойдусь чаем, — миролюбиво сказала я, усаживаясь на стул.

Тот жалобно скрипнул под моим весом. Парень нагрел в примусе воду и насыпал туда чая. И дал мутную чашку мне.

— Всё, сейчас отработаю смену, дождусь Джорджа и пойдём.

Он выскочил за дверь, захлопнув её. Я принялась читать записи, не особо вникая в их содержание. Так, лишь бы хоть чем-нибудь заняться.

Вскоре парень вернулся. Схватил куртку-камуфляж, которую, походу, стянул у деда и поманил меня жестом. Мы сели в его драндулет, который и машиной-то назвать будет кощунством в сторону последней. Издав серию агонизирующих воплей, с пятой попытки данное недоразумение завелось. И мы покатали по проселочной дороге.

— Показывай дорогу, — буркнул парень.

— Да прямо едь и всё, — небрежно сказала я, устраиваясь на заднем сидении. Я свернулась клубочком и заснула под визг старого радио. Было хорошо и уютно, и даже не снились кошмары...

— Проснись, это она?

Я приоткрыла один глаз. Узнала свою деревню.

— Ага, — сказала я, — Она, родимая. Спасибо, чувак. Ты очень выручил меня.

— Давай, вываливайся отсюда, — буркнул парень, не глядя на меня.

Я "вывалилась" и побрела навстречу своему дому, в котором уже все спали.

Песня о дороге домой

Я лежу посреди дороги, и небо синее грозит упасть. Асфальт покрылся инеем. небо покрылось инеем. Я покрылась инеем. Примерзаю. Облака плывут с бешеной скоростью, забирая с собой тепло.

Я лежу посреди перекрестка. Голые деревья окружили меня забором. Моё оперение промокло насквозь, и вода обратилась льдом. В замершем глазу отражается бессмысленное небо.

Я лежу, распластавшись. Тепло утекает под землю, прямо в центр земли. А вокруг только холод. И я — это холод. ни больше, ни меньше. Мои мечты горят рядом в мусорке из ржавого железа. Черный дым скоро тучей окутает облака и будет нечем дышать, только прахом и палёной пластмассой.

Я лежу, а все высоко и далеко. один остановился, посмотрел на меня и пошёл дальше. Я не могу ни закричать, ни прохрипеть, я говорю тишиной. но все вокруг слишком громкие, чтобы слышать. А внутри у них слишком тихо, чтобы говорить со мной. Я — ярко-красное пятно с плавающими перьями. Ни больше, ни меньше.

В ужасе просыпаюсь. Всё в порядке: белый потолок, желтые стены, одеяло на животе, измятая наволочка. Только шляпа лежит на полу, на коврик для ног. Я надеваю её и смотрю на часы. 6.00, в школу идти нет ни сил, ни желания, а спать дальше я под страхом смерти не стану.

Как заставить себя вставать рано? Видеть кошмары. Просыпаться от них вместе с петухами и бояться дальше заснуть. Только главное научиться вовремя просыпаться. У меня это вроде как получается. Только я сначала получаю свою дозу страха — как будто ледяной водой окатывает.

Спускаюсь вниз. Родители ещё спят. За окном темно. Роюсь в холодильнике, восклицаю от негодования, найдя там лишь просроченный сыр, и выхожу на улицу. Понимаю, что ехать в школу нет ни сил, ни желания. Да и вообще выходить на улицу. Я бы могла сослаться на плохое самочувствие и остаться в постели, но так будет ещё хуже. Голова раскалывается, виски пульсируют. Сажу во дворе, слоняюсь по нему бездела. Пью анальгетик. Потом вспоминаю, что меня ждут соседи. А они терпением не отличаются.

Вот они. Черная блестящая машина, из которой доносится ламбада. Я сажусь внутрь, протискиваясь между здоровенными тушками. Одна в наушниках, другой дымит, третья ругается с кем-то по телефону, четвертая подпевает. Отец ведет, мать ругает кого-то из сестер. В этой оживленной атмосфере мы доехали до школы.

— Кстати, мисс Черинг, Вас вчера видели ночью в компании молодого человека, — заметила мать, — Не стоит молодой девушке вести себя подобным образом. Вы можете подпортить себе репутацию, и тогда мы не сможем Вас подвозить, поскольку не хотим, чтобы говорили и за нашими спинами.

— Благодарю за беспокойство, но я просто заблудилась и он подвёз меня домой, — ответила я, выходя из машины.

— Вам не следовало садиться в машину к взрослому мужчине, — сказала мать, — Люди

могут неправильно понять. И к тому же, он может оказаться преступником и ограбить вас. Или ещё хуже...

— Да успокойся уже, Лана, — сказал отец, сплюнув, — Отвали от ребенка.

Они стали переругиваться, перейдя на испанский и забыв обо мне. Я отошла от них.

Всё как обычно: шарфики, распущенные волосы, кардиганы, джинсы, машины, велосипеды, громкие разговоры, обособленный компании. От мала до велика, все единой толпой двинулись внутрь каменного здания под аккомпанимент школьного звонка. Я последовала за ними навстречу запаху духов, книг и грязной обуви. Хотя мне совершенно не хотелось.

Первым уроком была химия. И, как назло, лабораторная. Все паниковали, никто не понимал, что происходит, а я, словно рыба на суше, сидела с выпученными глазами и хлопала губами. Рядом присела Нэнси, которая была моей напарницей по лабораторным.

— За что мне такое мучение? — вопрошала она меня, — Почему я должна сидеть с тобой?

Ах, Нэнси, если бы ты знала, насколько малое значение имеют для меня твои слова в данный момент. После этой ночи всё остальное меркнет.

Она принялась переливать колбачки и что-то записывать в тетрадь. От шума разболелась голова. Тогда я молча встала и вышла.

В туалете сидели девчонки. Мулатка, очкастая, Габи и парочка синеволосых дам.

— Прогуливаете? — спросила я.

Девчонки молча кивнули.

— Ай-ай-ай, как нехорошо с вашей стороны... Не пригласить меня!

Я уселась рядом с ними, не дожидаясь рассвета.

— Ты че, с психом мутишь? — спросила та синеволодая, что повыше.

— Нет, — ответила я, — Мы не мутим. И он не псих.

— Ну псих же, — возразила та, что пониже, — Все так говорят.

— Закрыли тему, — отрезала я.

— Я ухожу из клуба, — заявила очкастая.

— Почему? — опешила я.

— Потому что захотела, — заявила очкастая, — И, я надеюсь, ты помнишь, что меня зовут Кларисса, а не Очкастая, Прыщавая и так далее.

— Ну, Так Далее тебя не называли, — усмехнулась я, но тут же сникла под грозным взглядом Клариссы.

— Ты че злая такая? — спросила Габи, — Совсем не похоже на тебя. Ты ж у нас полоумная оптимистка.

— Откуда ты таких умных слов набралась? — огрызнулась я.

— Всё понятно, — сказала мулатка, — Настоящую Клэр похитили, и вместо её подослали клона.

— Ну, с клоном они прогадали, — сказала Габи, — По крайней мере, характер запороли.

— С Клариссой, похоже, то же самое, — сказала мулатка, — Она же всегда любила этот клуб.

— Я в него вступила, потому что мне нечего было делать, — хмуро сказала Кларисса, — А сейчас ухожу, потому что у меня появились занятия поинтересней.

Я посидела так ещё немного, но потом поняла, что рядом с ними мне делать нечего.

Встала, вышла из туалета, наткнулась на учительницу химии.

— И что же ты тут забыла? — скрестив руки на груди, спросила она.

— В туалет ходила, — невинно ответила я.

— Врёшь, — сказала она, — Ты вышла ещё полчаса назад. Опять прогуливаешь?

Я промолчала.

— Уже не в первый раз замечаю твои прогулы. Ты в последнее время совсем запустила учебу. Я должна буду поговорить об этом с твоими родителями.

Я должна была испугаться, но вместо этого почувствовала лишь тупое равнодушие.

— Хорошо, — сказала я и дала их телефоны.

Оставив изумленную учительницу, вернулась в класс. Нэнси уже доделывала работу, а парочка им подсказывала. Парня звали вроде как Марк, и он был отличником и тусовщиком. Как ему удавалось совмещать в себе эти вещи, не представляю. Он взглянул на меня своими грустными зелеными глазами и улыбнулся.

— Устала? — спросил он.

— От чего?

— Да от чего угодно.

— Ну... Да. устала.

— Хочешь развеяться?

— Ты её на свидание, что ли, хочешь пригласить? — нахмурилась его девушка.

— Только на вечеринку, — сверкнул глазами Марк.

— Я не пойду, — сказала я.

— Она предпочитает тусоваться с психом и фриками, — сказала Нэнси.

Но Марк её не услышал: он уже уходил с девушкой, обнимая её за плечи.

— Так нечестно, — цокнула Нэнси, — Всю работу делала я, а высший балл получишь и ты.

— А ты думаешь, за эту работу мы получим высший балл? — осведомилась я.

— Конечно, — фыркнула Нэнси, — Ты что, сомневаешься в Марке?

Училка собрала работы. Ученики хлынули со звоном из класса. Скука.

— Я не знаю, что с ней случилось... Всегда же милым ребенком была.

— Она прогуливает уроки, ничего на них не делает, хамит учителям и вызывающе одевается и красится. И постоянно носит эту дурацкую шляпу.

— Клэр, что случилось?

Я молчу. Смотрю на часы с маятником. Она их из ламбарда стащила? Качаю головой в такт маятнику.

— Ну вот, что и требовалось доказать, — с победоносным видом сказала учительница.

— У неё просто переходный возраст, это пройдёт, — ласково сказал отец.

— Тогда сделайте с этим что-нибудь, — сказала учительница, — Она должна учиться, если хочет дальше оставаться в этой школе. А если нет — то подыщите ей колледж.

— Я хочу бросить школу, — сказала я.

— Ты что такое говоришь, дочь? — ахнула мать, — Ты подумай... Я поговорю с соседями, они помогут тебе.

— Марк может подтянуть тебя, — сказала учительница, — Он умный и хорошо

объясняет.

— Не нужно, — сказала я, — Я не хочу больше ходить в школу.

— Ты расстроена из-за плохих оценок? — спросила мать, — Ну, не стоит... Попроси друзей помочь тебе. Я тоже не всегда понимала школьную тему. Всё будет в порядке.

— Твоя мать права. Не стоит принимать опрометчивых решений, — мягко сказала учительница, — Хорошенько всё обдумай. Тебе лучше закончить школу. Всего год остался.

— Нет, — сказала я, — Я бросаю школу. Не могу больше.

Я встала и вышла из кабинета, дав понять, что разговор закончен.

Действительно, чего это я? Что со мной творится? Как будто сама не своя. Сама не понимаю, что несу. Вся радость куда-то испарилась вместе с красно-золотым пламенем осени и мурлыканьем городских кошек. Раньше я любила прогуливаться по городу, а сейчас видеть его не могу. И деревню тоже. И своих друзей тоже. Тогда куда мне податься? Что мне делать?

Я вышла на улицу. По ушам ударил шум машин и ор подростков. Шел дождь, и песнь его была похожа на белый шум. Или это был шум у меня в голове? Капли отскакивали от луж. Я утопала по щиколотки в воде, не замечая, что низ моей юбки и сандалии на босу ногу промокли насквозь. Волосы свисали черными сосульками. Я плакала, но мои слёзы не смешивались с каплями дождя — мешала шляпа.

Пронеслась мимо машина, и меня обдало брызгами. Я не почувствовала злости, только странную остервенелую радость. мне хотелось рассмеяться, нет, даже ржать, кататься по асфальту, держась за бока, вываливаться в грязи. Но я этого не сделала. Я только ещё больше разревелась, но на этот раз громко, со сморканием.

Навстречу шел Дейл. Он был в плаще-дождевике и больших резиновых сапогах, которые ему были по колено.

— Скажи, Дейл, это я? — спросила я, — Или, может быть, не я?

— Что за странные вопросы, — удивился Дейл, — Конечно, это ты. Только тушь растеклась.

Он достал салфетку и принялся вытирать мои щеки.

— Иногда мне кажется, что во мне сидит другой человек и говорит всякие гадости, — сказала я.

— Да, мне тоже, — согласился Дейл.

И мы замолчали. Мимо нас проходили люди, толкая и ругая, что стоим на дороге, а мы молчали, потому что не знали, что сказать. Слишком были поглощены собой, слишком глубоко спрятались в свои панцири.

— Я пойду, — наконец сказала я.

И пошла. Прямо в парк. Пересекла мост. Капли оставляли круги на воде. Уточки спрятались под мост. Пахло мокрой зеленью. Я легла на мокрую скамейку в парке и заснула. И опять видела кошмары. Один за другим, неясные образы, похожие на солнечные вспышки. Снилось, что я обездвижена и не могу даже закричать о своём страхе. Обливаюсь пеной и слюной, не в состоянии заплакать. Тряпичная кукла, абсолютно беспомощная и беззащитная. Одна-одинёшенька в парке под холодным ливнем.

— Сыграем на желание, — сказала Кларисса.

Я вытаращила глаза. С разговора в туалете прошло три дня, и всё это время она не разговаривала с нами. А теперь вдруг под села ко мне на ланче.

— Давай, — согласилась я.

А почему бы и нет? Играть я люблю.

Она разложила карты. Мы сыграли одну партию, и, несмотря на то, что я хорошо играла и старалась изо всех сил, победила всё-таки Кларисса.

— Ваше желание, госпожа? — иронично спросила я.

— Ты пойдёшь со мной к психиатру, — сказала Кларисса.

— Вы что, сговорились, что ли? — я закатила глаза, — Всем коллективом меня хотите упечь в психушку, да? Избавиться от меня захотели?

— Мне просто страшно идти одной, — призналась Кларисса, — Я знаю, что женщина хорошая, многим помогала, но всё равно. Так что ты пойдёшь со мной. Тебе не помешает.

— Нет, — сказала я.

— Да, — отрезала Кларисса, — Ты должна мне одно желание.

— Нет, — повторила я.

— Спасибо, что согласилась. Сейчас я нас запишу, — невозмутимо ответила Кларисса.

Она вытащила телефон, позвонила по нему и записала нас на завтра.

— Смотри не забудь, — сказала она, — Встретимся завтра после занятий.

Ну что за женщина?

Ночь я провел без сна, рассеянно глядя в окно, и вспоминала страшилки, рассказываемые друзьями о психушке. Вспоминала невольно, так как не могла угнаться за собственными мыслями. Всёбольше и больше отдалялась от себя, всё больше и больше мне казалось, что кто-то мной управляет. Причем кто-то недобрый.

На следующий день после уроков я надеялась улизнуть от Клариссы, но она меня подкараулила чуть ли не у самого крыльца.

— Машины нет, так что пройдемся пешком, — сказала она.

Мы шли по мокрой улице, с витрины на нас глазели дорогие товары, вокруг сновали люди под зонтами. Опять шел дождь. Действительно, настоящий сезон дождей...

Мы подошли к зданию психиатрической клиники. Во дворе нас поглотила тишина, словно опустили гигантский купол. Здание глядело на нас впадинами черных окон, говорило с нами ветром и шелестом кустов. Скрипели ржавые качели, на скамейку опускались листья. Стены были исписаны и изрисованы. Людей снаружи не было. Больше походило на заброшку, но тем оно мне и нравилось. Старые здания о многом могут рассказать. Неказистые, полуразрушенные, с древней системой отопления и водоснабжения, протекающей крышей и подвалом, полным крыс. Новые, аккуратные и состоящие из современных материалов хранят пустоту и молчание. Им нечего сказать, и это взаимно.

— Жуткое место, — сказала Кларисса, разорвав голосом, как перочинным ножом, поток моих бессвязных мыслей.

— А мне нравится, — сказала я.

Мы вошли внутрь. Сырые, холодные коридоры, облупившиеся обои, ободранный цемент, мутная плитка. Ряды вешалок, лес курток. Кругом мокрые люди, недовольные, ругающиеся, толкающиеся.

Поднялись по лестнице. Навстречу нам шли люди в белых халатах. Катили перед собой тележки с лекарствами и едой санитары. Из палат выглядывали больные. У кабинетов

выстраивались очереди. Наконец мы нашли кабинет этого психиатра. У него была самая длинная очередь.

Мы уселись подальше от всех. Кларисса стала читать книгу, а я рассматривала других пациентов.

— Красивая шляпа.

Ко мне подошел темноволосый мальчик. Он был в свитере и в потертых джинсах. Улыбался, но глаза его смотрели грустно.

— Спасибо, — сказала я, — Ты больной?

Он фыркнул.

— Вот уж не думал, что меня так отблагодарят за комплимент.

— Ну, — смутилась я, — В смысле, ты тут постоянно лежишь? Или только дневной стационар?

— Как видишь, постоянно, — развел руками мальчишка, — На мне нет верхней одежды.

Он подсел ко мне, приблизился, обдав запахом аммиака, и шепнул на ухо:

— Тебе повезло, что у тебя есть эта шляпа. У меня и её нет. Мой способ спастись только один.

— А у меня и его нет, — вздохнула я, — Как только снимаю шляпу, всё начинается заново.

— Я тебе больше скажу: когда-нибудь она перестанет помогать. Но сейчас она тебя защищает. А я беззащитен.

Он встал, махнул мне рукой и ушел куда-то вглубь коридора.

Очередь постепенно рассосалась. Наконец настала очередь Клариссы, а потом и моя. Я не без боязни открыла дверь, ведущую в чистенький кабинет, пахнущий бумагой и спиртом.

В кресле сидела девушка в овальных очках. Молодая, видимо, недавно прошла ординатуру.

— Здравствуйте, — сказала она мягким, успокаивающим голосом.

Он обтекал меня, ласкал, словно южный ветер, словно теплая вода. Мне даже показалось, что сейчас лето, только день пасмурный.

— Вы, наверное, мисс Черинг? Итак, на что жалуетесь?

И я ей рассказала. И о снах, и о видениях, и о провалах в памяти, и о утерянной радости. Она кивала головой, записывала что-то в медицинскую карту и задавала уточняющие вопросы.

— Похоже на шизофрению, — наконец сказала она, оторвавшись от записей.

— Класс, — сказала я, — Как скоро появятся голоса в голове?

— Не обязательно она проявляется так, — сказала она, — Вы, главное, не пугайтесь. Я могу Вам помочь, только если вы этого захотите и поверите в свои силы.

— А если их нет? — скрестила я руки на груди.

— Поверьте, есть, — сказала она, — Многие не находят в себе силы даже на то, чтобы обратиться за помощью. Ладно, я поставлю вас на учет и выпишу лекарства... Эй, мисс Черинг?

Я плыла на диване, его качало на волнах. Теплая вода ласкала мои босые ноги. Я плыла куда-то вперед, гонимая безбрежных океаном, навстречу мне неслись облака, с юга несущие кусочки тепла. Я плыла, и вся печаль стекала в этот океан, оставляя место для безграничного счастья. Чайки приземлялись мне на плечи и вили гнёзда в моих волосах.

— Мисс Черинг? С вами всё в порядке? Позвать на помощь?

— Всё в порядке, — со смехом сказала я, — О, даже слишком. Жаль, что вы этого не видите.

Она принялась рыться в ящиках. Я вскочила. И тут же всё исчезло. Я снова была в кабинете.

— Со мной всё в порядке, — заверила я, — Просто у Вас так хорошо. И тепло. И котятки на обоях. Простите.

— Точно? — недоверчиво сощурилась психиатр.

И тут же принялась строчить в тетради.

— Так, я вам выписала лекарства. Рекомендую незамедлительно купить и начать принимать уже сегодня. Также рекомендую дневной стационар. То есть Вы будете приходить ко мне днём, но не оставаться на ночевку. Но это всё добровольно. Если Вы откажитесь, Вас никто насильно укладывать не будет. Если хотите знать моё мнение, Вам нужен присмотр психиатра, так что лучше согласиться.

— Спасибо, но что-то не хочется.

— Что ж, Ваше дело. Время нашего сеанса закончилось. Когда Вам будет удобно придти опять?

— Ровно через месяц. То есть в этот же день.

— Как скажете. В 18.00 свободны?

— Да.

— Если станет хуже — обязательно дайте об этом знать.

— Да.

— Хорошо. Тогда решили. Вы можете идти.

Я встала. Голова закружилась, но я решила не подавать виду. Надеялась, что больше не сунусь сюда. По лицу психиатра видела, что мы ещё скоро свидемся, и уж точно не через месяц. Вышла из кабинета. Клариссы уже не было. Пациентов тоже было мало. Больные попрятались по палатам.

— Ласка, хоть и понимает нас, не может усвоить одну вещь: человек — не статья в медицинском учебнике и не голый набор симптомов.

Позади меня стоял всё тот же темноволосый малый и крутил в руках йо-йо.

— Думаешь, таблетки мне помогут?

— Они затупят твои чувства, сделают сны редкими и вызовут усталость, — сказал он, — Но тьму не уберут. Её можно только одним способом убрать.

— Разбив чьё-то сердце?

— Да. Я соулмейт, мне повезло.

Он криво усмехнулся, перевернув йо-йо два раза.

— Кто-кто? — округлила я глаза.

— Ай, неважно, — махнул он рукой, — Отсталая молодёжь.

— А Йо-йо — прошлый век, — парировала я.

— Как и широкополые шляпы, — не уступил он, — Мы товарищи по несчастью с тобой. Только твою тьму не ты создавала. Она переплетается с твоими снами, искажая их. Ткёт собственные. В конце концов, она засосет тебя в свой сюрреалистичный кошмар. А ты даже не поймёшь, потому что не с чем будет сравнивать. Знаешь, как страшно, когда ты в плену у иллюзий? Лучше смерть от руки маньяка-психопата. Так что носи шляпу, не снимая. Носи, пока она действует.

— А потом?

— А потом мы вместе подумаем, что с этим делать, — подмигнул он мне.

Мы попрощались, я покинула больницу с облегчением. На улице бушевал дождь и ураган. Я придерживала шляпу и шла, прижимаясь к стене дома. Люди попрятались по домам, сидели с семьями, друзьями, парами, одни. Смотрели телевизор, слушали музыку, читали, разговаривали. Я заглядывала в окна и представляла, что одна из них. Меня всё ещё колотило от слов странного мальчика.

— Эй, двоечница! — послышался задорный голос.

Ко мне подкатил на машине Марк. С ним сидела его девушка и парень с хвостиком, явно чувствующий себя не в своей тарелке.

— Отвези меня в деревню, — взмолилась я.

— Всё попрошайничаешь? — усмехнулся Марк, — А соседи как?

— Они уезжают сразу после занятий, не дожидаясь меня, — сказала я, — Успела — молодец, не успела — перебьёшься сама.

— А машину завести не судьба? — спросила девушка, — У Гарри есть дешевые тачки.

— Денег нет, — сказала я, — Да и люблю ездить с попугайчиками.

— А ты наглая! — восхитился Марк, — Мне это нравится. Запрыгивай, детка!

Я села в машину рядом с хвостатым мальчиком. Он раскуривал трубку с какими-то ужасными благовониями. Марк включил радио.

— О, Бонни Эм! — хмыкнул Марк и принялся дебильно подтанцовывать.

— Что за старьё? — сварливо спросила девушка, — Пацаны нас увидят — засмеют.

Она переключила станцию на какую-то электронику. Хвостатый и Марк одновременно скривились. А девушка нарочисто писклявым голосом принялась подпевать.

— Где там твоя деревня? — пытался перекричать её Марк.

— Просто поезжай прямо, — сказала я.

— Поезжай прямо, куда глаза глядят, — наконец подал голос хвостатый, — Романтика дороги. Просто кайф.

— Какая тут романтика дороги? — рассмеялась девушка, — Её же не видно за каплями дождя.

— Сейчас, по законам жанра, выскочит призрак маленькой девочки, который мы собьем, — сказала я.

— Ой, да не гони, — сказала девушка.

— Ты должна была испугаться, — назидательно сказал Марк, — И прижаться к моему плечу. А я бы тебя утешил.

Марк переключил радио на рок. Хвостатый докурив трубку и принялся набивать её снова.

— Прекрати, Том, тут нечем дышать, — проворчал Марк, — Открой окно.

Том недовольно цокнул и открыл окно. Тут же в салон ворвались мелкие капли дождя и ледяной пронизывающий ветер.

— Так, подышали свежим воздухом и хватит, — сказала я, — Холодно ведь.

— Мне нет, — пожал плечами Марк.

— А мне да, — проворчал Том, — Поэтому я закрою.

— Хотя бы не кури, — взмолился Марк.

Под рок-музыку и возбужденную болтовню ребят мы доехали до деревни. Я вышла, попрощалась с каждым из них и пошла в дом. А они зачем-то поехали дальше, вместо того, чтобы повернуть обратно, в город огней и кафетериев.

Песня о живой

Кукушка из часов. Охалка листьев, разлетающаяся в сторону юга. Как будто так уже было. Как будто так уже будет.

Кукушка из часов. Сквозняк, открывающий дверь. Кто-то стоит на пороге. Кто-то, пахнувший смолой и хвоей.

Кукушка из часов. Начало отсчета. На последнем издыхании бьют куранты. Когда закончится бой, всё исчезнет. И запах хвои, и золотые листья, и белые перья в воде, и гранитовые скалы.

Кукушка из часов. Только она да старый дом, единственная тропинка, ведущая к нему, заросла вереском и полынью. Снег уже не греет — он обжигает. Пламя в камине превратилось в тлеющие угольки. Прямо как я.

Больше не сплю. Больше не сижу дома. По ночам я гуляю по тропинкам, слушая уханье сов и стрекот кузнечиков. Похожа на взъерошенного мокрого птенца. Вернуться бы в теплые дни.

Я начинаю слышать шепот колосьев. они говорят о загорелых босых ногах, порхающих мотыльках, дождевых червях и пылью из-под колес машин. Деревья поют о старых жильцах, которые сбежали из этой тишины, побросав дома, полные секретов, старых игрушек и музыкальных шкапулок. Птицы рассказывают о прошедшем лете. Кроты — о поверхности, для них такой же недостижимой и смутной, как для нас небо.

Они смешиваются воедино, а я, сколько бы не затыкала уши, не могла от них скрыться. Сначала я пугалась, потом мне стало всё равно. Всё смешалось в единую кашу, явь с наваждением и радость со страхом. Это было как дремота, как сон, в который иногда пробираются частички реальности. Никто не замечал этого, или я не замечала других.

Когда я засыпала, я ходила во сне. Ходила по пустырям и заброшенным местам, бродила безцельно, резко просыпаясь и пугаясь. Потом с трудом находила дорогу назад, едва помня, где я живу и как меня зовут. Воспоминания куда-то утекли.

А потом я перестала видеть лица. Люди были лишь размытыми пятнами. Вокруг Нэнси было пусто, и сама она была прозрачна, а Дейла всегда окружал осенний ветер и пожелтевшая хвоя. Габриэль была изранена и вывернута наизнанку, а с Клариссы стекала вода.

Да и я сама представлялась себе одной сплошной раной, в которую попадало все. Одна язвенная, гноящаяся рана, полная всего скверного. Магнит, который притягивался ко всему. И самое страшное было в том, что сопротивляться я могла с трудом. Шляпа оказалась запертой в шкафу и благополучно забытой.

Так началась зима. А вместе с ней — дождь, смешанный с мокрым снегом, слякоть и лужи, по утрам корка льда, серое небо, голые деревья, пальто и шарфики, дыхание, превращающееся в пар и воющий ветер. Собаки, кошки и птицы попрятались. Да и люди заперлись в своих домах в обнимку с обогревателями.

Зимой было хуже всего. Я уже была на издыхании. Бросила школу, сожгла учебники, разругалась с родителями и послала всех друзей.

Кто знает, что бы было, если бы одной морозной ночью я не сунулась в заброшку? А сунулась я потому, что кто-то играл на флейте. Это было так странно и неуместно, что я, забыв обо всем на свете, медленно зашагала в сторону дома, как замороженная. А я и была замороженной. Крысоловом.

Грань пустила меня к себе в ту ночь, распахнув двери с облупившейся краской. Хотя, никакой Грани и не было. Точнее, она была во мне. В нас. Пропать, отделяющая Иного от всех остальных. И я её перепрыгнула, влекомая игрой на флейте.

Эта песня была откуда-то с горных лугов и цветочных садов. Слишком светлая для меня. Я шипела, как настоящая крыса, но всё же подходила ближе и ближе к Крысолову. А ему только это и надо было.

— Тебе нужна помощь.

Его голос был как бы продолжением мелодии. Такой же певучий, переливистый и ласковый.

— Да, — только и сказала я, но тут же поправилась, — То есть нет! Мне не нужна помощь и твоя тупая дудка, мерзкий ты говнюк.

— Ты это потеряла?

Он достал откуда-то мою шляпу и надел мне её на голову. Я сопротивлялась, визжала, разбрасываясь кровью, заходила кровавой пеной, но он был сильнее. Он повалил меня на землю и усмирил.

— Ну вот, видишь? Всё хорошо. Это не ты, это черная кровь в тебе. Она слаба, когда ты уверена в своих силах. Будь сильнее.

— А какая разница? — удрученно спросила я, — Она всё равно не уйдёт. Разве что кто-то согласится разбить своё сердце за меня.

— Но ты можешь подавить её. Не снимай шляпу. Даже если очень хочется. Приклей её к своим волосам, привяжи толстыми канатами, пришей шипы. Но не снимай.

— Я...

— Знаешь, на что Дарящий пошел, чтобы подарить её тебе?

— Я не знаю...

— Перестань её мучать, Крысолов. Ты же видишь, она и так напугана.

Из тени выступила Королева. То, что это настоящая королева, я поняла сразу: и по мягкой, горделивой походке, и по по-кошачьи изогнутой спине, и по уверенному, умному взгляду пронзительно-черных глаз. Как черный нос белого медведя на фоне белой шерсти.

— Но в одном он прав. Тебе нужна помощь. И тебе помогут.

— Что? Неужели надеется тот, кто согласится разбить своё сердце? — скрестила я руки на груди.

— Нет, но они облегчат твою участь. Ты создана для Грани, ты чувствуешь мир так, как чувствуют его дети или глубокие старики.

— То есть у меня маразм? Ну спасибо.

— У тебя есть все задатки, чтобы стать Знающей. Но Кит тебе расскажет больше.

— Кто-кто?

— Крысолов, дай мне ручку и бумажку.

Он протянул ей названные вещи. Она что-то чиркнула туда и протянула мне бумажку.

— Ищи мальчика по имени Ромео. Он поможет тебе. Ласке можешь доверять: она надежная. Ты ведь это почувствовала, не правда ли?

— Ласка... Неужели та..?

— Не медли. Любое промедление опасно. Крысолов, конечно, подавил черную кровь, но это временно. И не снимай шляпу!

Утром я проснулась и произошедшее ночью показалось мне сном. Но на мне шляпа, а я её на ночь не надевала.

Я набрала по телефону Ласку. Записалась на сегодня. Собралась и поехала. прибыла на час раньше, поэтому слонялась по больнице без дела.

Автоматы с кофе и водой. Захаживающие через дырку в заборе собаки и кошки. Ютящиеся на проводах птицы. Сидящие на подоконниках подростки. Гитарная трель. Засохшая трава, припорошенная инеем. Запах пирожков и супа из столовой. Веяние теплом из кухни. Открытые форточки. Свитера и шорты. Шлепающие сандалии. Смех и крики. Старый музыкальный проигрыватель, то и дело барахлящий. Пыльный телевизор, накрытый вязанным ковриком. Воздух, пропахший лекарствами. Длинные подола белых халатов. Полусонный проспиртованный охранник.

Я иду по коридорам и у меня такое чувство, будто это мой дом. Будто я была здесь всегда. И всё так знакомо, будто я видела это тысячу раз. Весь страх куда-то пропал.

Наконец настало время приема. Я протиснулась в очереди и вошла в кабинет.

— Здравствуйте, мисс. Есть жалобы?

— Да. Я думаю, что хочу лечь в больницу.

— Подумайте хорошенько. Врать не буду, скажу сразу: будут проблемы с трудоустройством. И не только. Люди с предубеждением относятся к тем, кто лежал в психиатрической больнице.

— Лучше я отмучаюсь месяц-другой, чем сойду с ума и перестану отличать реальность от выдумки.

Я рассказала её о своём состоянии последние два с половиной месяца с тех пор, как я ушла от неё.

— Выходит, поэтому Вы пропустили приём?

— Поэтому.

— Вы не оставили ни рабочего домера, ни домашнего. Я не знала, как с вами связаться.

— Но теперь я здесь. и я прошу о помощи.

— И Вам её окажут.

Я ушла по-английски. Не стала предупреждать друзей, только родителям коротко бросила, что ложусь в больнице. Они меня поняли и не стали ни осуждать, ни задавать лишних вопросов.

Приехала, заняла первую попавшуюся в палату и завалилась спать. Не было абсолютно никакого желания ни с кем знакомиться. С больницей я уже познакомилась, и мы обе остались довольны друг другом. Поэтому я просто разглядывало окно с запотевшим стеклом, нюхала свежее постельное белье и пробовала матрас на мягкость. Слилавалась с окружающей обстановкой.

Перед ужином ко мне заглянул мальчик, которого я встретила, когда в первый раз попала сюда. Выглядел он похуже, чем раньше: опухшие глаза, торчащий скулы и погасший

взгляд.

— А я знал, что ты попадёшь сюда, — он улыбнулся. В одном из передних зубов была дырка, — Ты наша. Я это понял с первого взгляда.

— Я ничья, — буркнула я, — Сама по себе.

— Кошка, которая гуляет сама по себе, — промурлыкал он, приближаясь, — Нет, это точно не про тебя. Но выглядишь ты просто ужасно.

— Ты не лучше.

— Я знаю. Поэтому я ищу ту, которая посылает мне приятные сны. Может, это ты?

Он провел рукой по моему лбу.

— Горячий, — сказал он, — У тебя температура, но ты даже не замечаешь этого.

— Я не посылаю тебе сны, — сказала я, — Мне бы со своими разобраться.

— Я понял уже. Та, кто это делает, должна быть без тьмы. И не мёртвая.

— Может, она не отсюда.

— Нет, она живет рядом. И я её уже долго ищу.

Прозвенел звонок, оповещающий о начале ужина.

— Прямо как в школе, — вздохнула я.

— Я не помню, когда в последний раз был на уроках, — рассмеялся мальчик, — Да и вспоминать не хочу.

— А я хочу, — сказала я, — Я теряю воспоминания. А потом нахожу их искаженными.

Они пропитаны черной кровью.

— Тебе нужен Кит! — вскочил мальчик, — Он что-нибудь придумает. Я бы и сам помог, но я провалил Инициацию.

— Да, мне тоже говорили про Кита. Где его найти?

— Сейчас поищем. Может, произойдет чудо и его величество снизойдет до того, чтобы пожрать.

Мы отправились в столовую. это было просторное помещение с огромными окнами и яркими лампами. Вокруг витал запах какао, овсянки, пирожков и приправ. Воздух был нагрет дыханием людей и обогревателями. Вытяжки запыхалились, протертые столы блестели.

— О нет, только не овсянка! — простонал мальчик, — Почему нельзя дать пиццу?

— А ты не знаешь, кто мои соседки? — вспомнила я.

— Ты в 5 палате? Там вроде бы только Зои лежит. Бесноватая девушка, персонал её до смерти боится. Но с тобой она поладит.

— Откуда такая уверенность? Может, она в меня какашками начнет кидаться.

— Хорошее у тебя мнение о нас, — скрестил руки на груди мальчик, — Типичным психом у нас выглядит только Джей. Но он лежит в одиночке и вижу его только я, хотя это запрещено, — он подмигнул мне, — Кстати, я Брайан.

— А я Клэр.

Кто-то сзади меня толкнул. Послышались возмущенные возгласы.

— Куда прёшь без очереди, шмакодявка малолетняя?!

— Заткнись, тупая корова! Куда хочу, туда иду!

— Эти тупые детишки вообще офонарели!

— Это точно!

— Где уважение к старшим?

— Варезку прикрой, старуха!

— Ты кого старой назвал?! Сейчас волосы повыдергаю!

— Убери от меня вилку, псих несчастный!

— Ай! Кто меня кашей облил?!

— Так тебе и надо, тупая лохудра!

Завязалась потасовка. В этой куче мала невозможно было разобрать, кто есть кто. Да и никому уже не надо было, все были слишком раззадорены дракой. Подбежали санитары и растащили всех.

— Тут всегда так весело? — спросила я.

— Только раз в неделю, — сказал Брайан, — Или два. Зато очередь освободилась!

Мы взяли по тарелке каши, кружку с какао и сели за стол у окна.

— Ненавижу здешние зимы, — цокнул язычком Брайан, глядя на внутренний двор, — Это даже снегом не назвать.

— А я осень люблю, — сказала я, — Только раннюю. Чтоб и иней, и золотые листья.

— И слякоть, — оскабился Брайан, — Идёшь такой, видишь лужу, думаешь, что она неглубокая и с веселым свистом пересекаешь её, а в результате увязаешь в воде по щиколотку.

— Люблю лужи, — сказала я, — Я взяла свои любимые резиновые сапоги. С уточками.

— Йоу, Брайан, кто это с тобой?

К нам подошел смуглый парень с черными волнистыми волосами. Черепок с его футболки ехидно поглядывал на меня.

— А это Ромео, — представил его Брайан, — Или...

— Мы не говорим об этом днём, — предостерег его Ромео.

— Какой ты педантичный, — закатил глаза Брайан.

— Сам такой, — обиделся Ромео.

Он критически оглядел меня с ног до головы.

— Ужас, — вынес приговор он, — Просто тихий ужас. Вы с Брайаном стоите друг друга. С обоими вами душно находиться рядом. Но хотя бы не пусто. Тебе ещё можно помочь, и я даже скажу, как. Но не сейчас, а вечером. Приходи в 3 палату.

— Это ко мне, — ухмыльнулся Брайан, — Мы с ним в одной палате лежим.

— И поэтому я с тех пор, как ты приперся, не могу уснуть нормально, — проворчал Ромео, — Брайан, ты есть собираешься? Выглядишь, как ходячая социальная реклама против анорексии.

— Но овсянка... — с мученическим видом протянул Брайан.

— И слышать ничего не желаю, — прикрикнул Ромео, — А ну жри, а то силой в тебя запихаю.

Давясь, Брайан принялся есть. Ромео с удовлетворением наблюдал за ним.

— Сейчас у них новая повариха. Готовит просто шикарно, ты не заметил? Уж точно лучше, чем старая.

— Ничего я не заметил, — пробурчал Брайан, — Как было отвратно, так и осталось.

Я вскочила, опрокинув стол. Мне стало так хорошо, что из глаз брызнули слёзы. Только сейчас я поняла, что жива. И никакая черная кровь не отнимет у меня этого.

— Я жива, — сказала я ошалевшим мальчишкам, — Я не научилась радоваться. И сейчас я рада, когда смотрю на вас. Я рада!

Я дышу. я чувствую. Я живу. Разве этого не достаточно? Я не отдам всё это черной крови. Пусть я буду видеть каждую ночь кошмары. пусть я разобью своё сердце. Я не отдамся черной крови. И не отдам ей никого.

— Пускай меня называют сумасшедшим, но я никогда не отпущу твою руку.

Я села на пол. Ромео ко мне подбежал и поставил на ноги.

— Я хочу жить, — прохныкала я, — Я не хочу, чтобы тьма поглотила меня! Я жить хову!

Я хочу видеть сны! Я не хочу превращаться в монстра!

— Ты не превратишься, слышишь?

Ромео развернул меня к себе и хлопнул по щекам.

— Всё будет хорошо. Тьма тебя не поглотит. Всё хорошо, только успокойся, пожалуйста!

К нам уже бежали санитары. Вокруг столпились пациенты.

— Она обречена, — удрученно сказал Брайан, — Как и я. Просто признай это, Ромео.

Ты не можешь всех спасти.

— Заткнись, Брайан! Просто захлопни свою пасть!

Санитары растолкали всех и подбежали к нам.

— Что здесь происходит? — спросил один из них.

- Всё в порядке, — сказала я, — Просто небольшое недоразумение.

Санитары недоверчиво переглянулись.

— Они просто немножко повздорили на политической почве, — миролюбиво сказал Брайан, — Вы же знаете, какой Ромми ранимый. А она этого не знала, вот и...

— В следующий раз ведите себя более сдержанно, — бросил санитар, — Вы привлекаете к себе лишнее внимание. Мы будем вынуждены принять соответствующие меры.

Все разочарованно разошлись.

— Это что такое было, Брайан?! — едва не задохнулся от возмущения Ромео.

— Это я тебя спасал, — проворковал Брайан, — Мог бы и спасибо сказать.

— "Спасибо"?! За вот это вот?! Одно "Ромми" чего стоит!

— Старался, — фыркнул Брайан.

— Я тебе это припомню, Брайан, — процедил Ромео.

— Не стоит благодарности, Ромми, — показал язык Брайан.

— Вырву, — пригрозил Ромео.

— Что, так голоден? — сострила я, — Давай, я отдам тебе свою порцию.

— Лучше сама ешь, — скрестил руки на груди Ромео, — Брайан у нас жуткий болтун, кому хочешь зубы заговорит. Ты его не слушай, ешь.

— По-моему, больше тут болтал ты, — заметил Брайан.

— И от кого я этому, по твоему, научился? — процедил Ромео.

Мы доели и я вернулась в свою палату. Там уже лежала рыжеволосая девочка и читала журнал про садоводство.

— Ну как, интересно читать про удобрения для огурцов? — спросила я.

— Весьма, — жеманно протянула девочка, — У нас как раз весь урожай убит. Жрать нечего.

— Поэтому я закупаюсь в магазинах, — хмыкнула я, — Но чаще жру в кафе. Иногда за меня даже платят.

— Кто бы за меня заплатил, — мечтательно вздохнула рыжеволосая, — Эрик мне на день рождения подарил семена помидоров. Семена помидоров, представляешь?! Да и с курицей в придачу. Гляди, грит, как она похожа на тебя, вы даже ходите одинаково.

— Вот говнюк, — сквозь смех сказала я.

— И не говори, — жалобно сказала она, — Спряталась от него здесь, а потом вижу: он с премиленьким лицом сидит возле кабинета Ласки!

— Может, просто на консультацию пришел, — предположила я.

— Зная его, врят ли! — хмыкнула она.

— А ты Зои? — спросила я.

— Я много кто. Но и Зои тоже, — согласилась она, — А ты новая соседка?

— Да. Меня зовут Клэр.

— Безумная Шляпница ты, — усмехнулась Зои, — Мартовский Заяц где? И Соня? А

Алиса имеется?

— Мартовский Заяц у нас Ромео, — сказала я, — Такой же бесноватый. А вот Соня — это, наверное, Брайан. А Алиса...

— А Алиса — я! — закончила за меня Зои.

— Тогда Стране Чудес и Бармаглот не страшен, — пробормотала я.

— Но он же из Зазеркалья! — возмутилась Зои.

— Ну и что, — махнула я рукой, — Всё равно не страшен. Ты уж всяко его страшнее.

— Это точно, — оскалилась во все 32 зуба Зои.

Вдруг Зои вскочила с кровати.

— Тогда пошли пить чай, Шляпник!

— Но ведь время чаепития прошло, — удивилась я, — Да и в меня больше ничего не влезет.

— Да у вас желудки размером с наперстки, — фыркнула Зои, — Я за раз могу 10 бургеров съесть.

— А моя знакомая — 10 порций сладкой ваты.

— Какой ужас! — всплеснула руками Зои, — Почему так мало?

— А больше тут никого нет? — спросила я.

— Нет, — развела руками Зои, — Пусто тут и уныло, — она притворно шмыгнула носом.

— Сдается мне, нас скоро ждёт пополнение, — облизнулась я.

Еле дождалась ночи. Зои быстро уснула и захрапела. А я стала красться по коридорам. Самым трудным было проскочить мимо поста с медсестрами. Одна сидела за компьютером, другая строчила что-то в тетради. У второй зазвонил телефон.

— Привет, милый, — проворковала она, сняв трубку, — Ты моя мусипулечка, мой сладкий котеночек. Бутерброд в холодильнике, сладенький. Уже целую...

Она вышла с поста и направилась куда-то в сторону. Работающая за компом недовольно цокнула, не поворачивая. Я быстренько пробежала мимо них.

Открыла дверь, ведущую в третью палату. Занято было лишь три кровати. Брайан ворочался во сне и стонал, другой мальчик играл в приставку, Кит кидел сверху на одеяле, я вно поджидая меня.

— Садись, — сказал он.

Брайан закричал, и Ромео бросился к нему и зажал его рот. Брайан резко открыл глаза и сел, тяжело дыша.

— Опять? — спросил Ромео.

— А ты как думаешь? — огрызнулся Брайан.

— Хорошие сны снятся тебе всё реже и реже... — сочувственно сказал Ромео, — Скоро совсем исчезнут. Тебе надо поскорее найти ту девочку.

— Надо бы, — согласился Брайан, — Но где? Я искал её везде, где можно.

— Плохо искал, — осадил его Ромео.

— А как надо? — буркнул Брайан, — Если я подойду к девушке и спрошу, не она ли моя возлюбленная, то меня в лучшем случае пошлют.

Он встал и направился в сторону туалета.

— Окей, оставим его в покое.

Ромео вернулся ко мне и сел по-турецки.

— Сейчас я Кит. И я вижу, что подобно Брайану тебе не отвертеться. Потому что у тебя другая проблема.

— И какая же?

— Ты не замечала, что отличаешься от других? Не замечала, что порой не можешь контролировать себя?

— Я провидица? Избранная, призванная спасти мир? Надеюсь, эта пометка в резюме поможет мне при трудоустройстве?

— Можешь шутить, сколько хочешь, но факт остается фактом. Ты очень чувствительная, ты словно открытая книга. Поэтому тьма в тебя так и лезет. Защищаться-то ты не умеешь. Я помогу тебе, потому что сам когда-то от этого страдал. Хотя до черной крови не дошло.

Он взял меня за руки.

— Подумай о том, что тебя радует.

О том, что меня радует?..

— Называй эти вещи в слух!

Меня радует... А что же меня радует? Стоп. Что эт со мной такое?

— Меня радуют золотые листья. Треугольные крыши домов. Уличные музыканты и художники. Мостик через реку, под которым всегда плавают уточки. Я люблю кормить их. А ещё меня радуют кошки. Белые, черные, сиамские, пушистые...

— Ну, чего замолчала? Продолжай!

— Серые тучи, сквозь которые пробиваются лучи солнца! Летний ливень, и чтобы обязательно шло как из ведра! Шлепать по лужам в резиновых сапогах! Чертить на асфальте цветными мелками! Играть на гитаре в старой комнате в свитере, изъеденным молью! Расстроенная гитара, кривые аккорды!

— **Громче!!!**

— Замерзшие листья клена! Каменистые тропинки! Уличные кафе! Плетенные стулы! Вишневый сок в летний полдень! Кленовый сироп на фоне осеннего заката! **Я жить люблю, и этого у меня никто не отнимет!**

— Правильно. Никогда не забывай этого. Это не магия и не медитация. Это простая истина. Радость — это ты. Осень — это ты. Детство и простое счастье — это всё ты. Борись с тьмой. Радуйся ей на зло. Люби ей на зло. Помни, кто ты. Сточатся когти — вгрызайся зубами. Сломаются зубы — бей кулаками. Раздробятся кулаки — пинай ногами. Как можно дольше держи верх.

— А Брайану так нельзя сделать?

— Он очень слаб и одинок. А тьма в нем засела глубоко, с самого детства. Он запрятал её глубоко в себе, чтобы не навредить другим. Остается надеяться, что девчонка всё же

найдется и вытащит это из него.

— И разобьет своё сердце?

— Да...

Он подошел к окну и раздвинул шторы. Окно выходило на восточную сторону. Шел снег. Не мокрый, настоящий. Я подбежала к Киту и встала рядом с ним. Снежные хлопья опускались на землю, накрывая траву белым одеялом. По дороге мчались машины. За рулем кабриолета сидел Марк, и его девушка привстала на сидении и расставила руки. Её светлые волосы развивались. И Том тут как тут, он грустно на них смотрел, раскуривая трубку. Рядом с ним сидела Леа, потупив глаза.

По дороге шла кудрявая девушка с большим ртом. Несла в руках туфли на каблуке. Оставляла за собой кровавый след от мозолей. Но при этом улыбалась. На секунду мне показалось, что мы встретились взглядом.

Дейл наверняка сидел в своей комнате, слушая ругань родителей. Бессмысленным взглядом уставился телевизор, переключая каналы. У него было спутниковое телевидение, но ни один канал его не радовал. Рядом валялся томик стихов Эдгара По и недошитый носок.

А Герман, Риша и Мира сидели прямо на улице, Герман играл на гитаре, не забывая отпускать ехидные замечания, а Риша на него кричала. Мира тихо наслаждалась моментом.

Нэнси была на вечеринке. Вместе с клубом болельщиц они перемывали друг другу кости, и каждая пыталась доказать что-то себе.

Габриэль мучали кошмары, но рядом никого не было, чтобы разбудить её.

А что же делала Кларисса?

— О чем думаешь? — спросил Кит.

— Моя любимая игра детства. Смотрела в окно и представляла, кто что делает и кто о чем думает.

— И как, угадывала?

— Не знаю, не спрашивала. Люди такие сложные. Цветы и кошки простые.

— Думаешь? Кошки точно сложные и загадочные.

— Простые. Гордые и не очень, ласковые и шуганные, но все они простые и изящные.

— А я не люблю смотреть в это окно. Остался бы тут навсегда. Встрел бы утро в этой палате, выходил погреться в столовую, безцельно слонялся по коридорам, носился по двору, как угорелый, сидел на крыльце.

— А мне бы вырваться отсюда. Сесть на первый попавшийся поезд и уехать навсегда.

— Куда?

— Куда глаза глядят.

— Думаешь, сможешь?

— Смогу.

— Тьма не пустит.

— А я вырвусь.

Он ничего не ответил, только смотрел прямо и думал о чем-то другом. В мыслях он находился далеко отсюда. Мне показалось, что лучше сейчас оставить его одного. Я вышла из палаты и вернулась к себе.

Песня о весне

Я шла по заснеженной тропинке. А навстречу мне шагала Королева. Я хотела с ней встретиться, чтобы поговорить, но вдруг мы разминулись, а я сама не заметила, как это произошло. И сколько бы я не пыталась к ней подойти, всё тщетно, что-то разворачивало меня обратно. И я поняла: мы и не услышим друг друга и не поймём. Это только кажется, что мы близко, на самом деле она находится по другую сторону зеркала. А я не могу пройти туда, потому что натыкаюсь на холодную поверхность. Черная кровь не пропускает: она вскипает, бурлит и тянет назад.

Черная кровь, густая, как нефть. Я тону в ней, захлебываясь, наполняя легкие ею, и пытаюсь кричать, но крик застревает в глотке. Ему не суждено вырваться на поверхность. Да даже если получится, будет ли кто поблизости, чтобы услышать его? Сможет этот кто-то помочь? Будет ли он готов разбить своё сердце? И самое главное: смогу ли я принять такую жертву?

И каждое утро я просыпаюсь с головной болью и тяжестью в груди. таблетки лишь заглушают страх и лишают способности думать и видеть сны. Но кошмары все равно видятся. Окружают меня, словно черные вороны.

— Нет, ты не ворон. Ворон — это я, — слышится голос Брайана, — Моё оперение черное, как сажа. А мои глаза налиты кровью. И когда я раскрываю клюв, из него вырывается не песня, а сдавленный хрип.

Мы страдаем на пару, он метается в поисках музыки, а у меня нет надежды. Его враг — одиночество, моя — сама я. А как сражаться с собой? Себя не победишь и себе не проиграешь. Есть только ничья, но никому она удовлетворения не приносит.

Они боятся осени и весны, а я боюсь зимы, потому что зимой всё хуже. Зима серая, темная и холодная. А весна — это надежда. Лето — это сладостная скука. Осень — это красивое увядание. А зима уродлива, как смерть. Потому что она и есть смерть.

— Смотри, подснежник.

Брайан показывает на одинокий белый цветок на фоне черного пятна земли.

— Чего это он так рано? — продолжил он, — Завянет ведь.

— А он первопроходец, — сказала я, — Знаешь, у меня во дворе росло дерево, которое распускало и скидывало листья раньше всех. Все деревья голые, а это уже с почками. Все деревья зеленые, а это золотой. Я могла заглядывать вперед и представлять, что уже разгар осени или лета...

— В больнице, в которой я лежал до этой, окно выходило на дерево, — кивнул Брайан, — Точнее, я видел только ветку. Если бы не она, я бы потерял счет времени.

— Не выпускали? — сочувственно спросила я.

— Не выпускали, — вздохнул Брайан, — Разгар весны, а они ребенка в заперти держат.

— Да уж, — рассмеялась я.

— Опять кислые рожи? — присоединился к нам Ромео, — Смотреть противно. Давайте уже, пойдёмте на улицу.

— Там же всё тает, — жалобно прохныкал Брайан, — А у меня сапог нет.

— А ты босиком иди, — посоветовал Ромео, — Заодно искупаешься.

Ромео приобнял его за плечи и они зашагали в сторону выхода. А меня что-то кольнуло

в груди.

— Мальчики, подождите!

Я бросилась за ними. На полпути меня догнала Зои.

— Че творим, ребята? Опять шалите без меня?

— Да куда нам без тебя, — рассмеялся Брайан, — Я не настолько отчаянный, чтобы оставаться наедине со злоюкой Ромми и страшной ведьмой.

— Сейчас в лягушку превращу, — пригрозила я.

— А что? Классная идея, — обрадовался Брайан, — Может, суженная побыстрее ко мне прискочит и поцелуем превратит в прекрасного принца.

— Ты-то прекрасный принц? — фыркнул Ромео, — Не смей меня.

Мы вышли на крыльцо. Дерево раздулось от сырости и скрипело.

— Сезон летних игр в саду объявляется открытым! — продекламировала Зои.

— Будто мы до него не играли, — хмыкнул Ромео, — Наших не остановишь даже в лютые морозы. Хотя здесь их нет.

— Смотрите, какая лужа! — восхитилась я и впрыгнула в неё со всего разбегу.

И плевать, что нет ни верхней одежды, ни резиновых сапог.

— Эй! Ты меня обрызгала! — возмутился Брайан.

И тут же начал брызгать меня. Я в долгу не осталась и нанесла ответный удар.

— Водная битва! — заорала Зои и принялась брызгать во всех подряд.

— Вы идиоты! — закричал мокрый Ромео.

Зажмурившись, он принялся отплевываться и вытирать грязь с лица. Мокрые лохмы прилипли ко лбу. Мы все захохотали, потешаясь над комичным видом друга.

— Ой, часы посещения! — вспомнила Зои, — Клэр, тебя же вроде навести хотели? Да уж, хороша, нечего сказать!

— Просто красotka, — вторил ей Брайан, — Нет, серьёзно. Пойди к ним в таком виде.

Я посмотрела на своё отражение в луже. Размытая тушь и помада, мокрые волосы, грязь на лице и мокрая одежда, прилипшая к телу. Обувь хлюпала, у левой отклеился носок.

— Халаты убьют меня, — сокрушенно сказала я.

— Буду приносить тебе цветы на могилу, честно-честно, — пообещал Брайан.

— Мы с ней будем лежать, — поправила его Зои.

— Окей, тогда сходим и переоденемся, — предложил Ромео, — Залезем через окно.

Мы с Зои залезли ко мне в палату, а мальчики пошли к своей. Я умылась, высушила волосы, накрасилась заново и пошла в общий зал.

За столом меня поджидала Риша.

— Всё нормально? — обеспокоенно спросила она, — Ты хорошо себя чувствуешь? Тебя часто навещают?

— Нормально, — лаконично ответила я, — Лучше расскажи, что у вас творится.

— Ну, Герман как был придурком, так и остался, — охотно принялась рассказывать Риша, — Мира завалила экзамены и решила бросить учебу.

— Работать будет?

— Ну... Да. Хочет фрилансером работать. Начиталась всей этой мути в интернете и воображает, что у нас это можно устроить. Хотя весь этот ваш фриланс — это сбыт подружкам старого белья да делание домашки за соседа.

— Может, и получится что-то.

— Город доживает своё. Все нормальные уже свалили. А мы вынуждены вариться здесь,

потому что нас он не захотел выпускать.

— Мы как моряки, тонущие вместе с кораблем.

— Скорее как крысы, которые не могут его покинуть, но очень хотят.

— А ты хочешь?

— Хм... Нет? Я неправильная крыса.

— А Блейн с вами не ходит?

— Нет. Не хочет, видимо.

— Может, стесняется? Герман с ним не лучшим образом обращался.

— Кто знает? Если это так, то Герман — это последний человек, о мнении которого стоит беспокоиться. Как и о мнении Миры, в общем.

— А о моём?

— Не знаю.

— А о твоём?

— Не знаю.

— Хочу мандарины.

— Дождись лета. Сейчас их нигде не достанешь.

— Я видела их в магазине перед тем, как лечь в больницу.

— Так это же химия.

— Мы тоже химия.

Она тяжело вздохнула, будто устала от всего этого. Может, так оно и есть.

— Мне трудно здесь находиться. Не люблю больницы. Я бы сказала, они меня пугают.

— Меня тоже. Каждую ночь я слышу крики пациентов, которых мучают электрошоком и лоботомией.

— Почему ты такая невыносимая, Клэр?

— К тебе тот же вопрос.

— Можно, я уйду? Не потому, что мне не нравится говорить с тобой. Просто я очень не люблю больницы.

— А кто-нибудь ещё меня навестит?

— Мира, наверное. А Герман тебе привет передавал.

— Это так благородно с его стороны. Я, правда, не знаю, что и сказать.

— Пока, Клэр. Может, приду ещё. Когда — не знаю.

Она встала, мы обнялись, и она ушла. Я не держала на неё зла. Риша не плохая. Она просто очень слабая. Даже самый легкий ветерок может её сломать. В этом мы с ней похожи.

Я вернулась в свою палату с испорченным настроением.

— Да ладно, чего киснешь? — спросила Зои, — Сейчас весна, март-месяц. Даже егс середина. Веселись!

— Ура? — вяло откликнулась я.

— А ну пошли! Сейчас зажигать будем.

Мы подбежали к музыкальному проигрывателю. Она включила какую-то жуткую песню в стиле диско и принялась так лихо отплясывать, что сам Элвис Пресли попросился бы к ней в ученики. На ней была белая юбка-солнце в черный горошек и блуза, так что смотрелась она весьма выигрышно, и действительно была похожа на танцовщицу из 20-го века. А я в шляпе и длинной юбке так же смотрелась?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Впрочем, меня это мало волновало. Я присоединилась к Зои и мы принялись танцевать в паре, виляя бедрами и постукивая каблучками в такт песне.

Нас не замечали. Остальные сидели на пушистом ковре, играли, рисовали за столиками, разговаривали, бегали, заплетали друг другу волосы, плели фенечки и браслеты дружбы. Смуглая девочка шила мягкие игрушки. Группа мальчишек катала паровозики. Девочки листали журналы 80-х. Компания подростков болтала с врачами, явно о чём-то споря. Они размахивали руками, как ветряные мельницы.

Песня закончилась. Заиграла другая, где пелось про ведьм.

— Че поделываем, девчонки? — к нам подошел какой-то чернокожий парень, закутавшийся в плед.

— Шабаш устраиваем, — сказала я.

— А где костер? Почему вы не раздетые и не вымазанные в крови? — с интересом спросил тот.

— Что за стереотипы? — возмутилась Зои, — Если мы ведьмы, это не значит, что мы убиваем младенцем и пьем кровь нецелованных дев. Мы вполне можем обойтись нецелованными юношами.

— Ты давай, не мешай нам, а то мы найдем тебе применение, — добавила я, — Даже если ты испорченный.

Раздался звонок, объявляющий об обеде.

— Мне тут напели, что у нас будет рагу, — сказал парень, — Будете есть?

— Фе, — сказала я.

— Достать вам пирожки? — осклабился парень, обнажив металлический зуб, — С капустой, мясом или картошкой.

— Давай с картошкой, — сказала Зои.

— А эклеров нет? — спросила я.

— Ишь чего захотела, — заржал парень, — Только пирожки могу достать.

— У мисс Алингтон есть пирожки, — фыркнула Зои, — Она мне их проносит.

— А у меня они лучше, — заверил парень, — Если хорошо попросите, могу и пироженные достать.

— Не люблю их, — скривилась я.

— А я обожаю! — возразила Зои, — Дай! Дай-дай-дай-дай-дай-дай-дай!

Она запрыгала на месте, хлопая в ладоши.

— Ну хорошо, — вяло отмахнулся парень, — Пронесу. А вы за это притворитесь моими подружками.

— Это ещё зачем? — охренела Зои, — Решил попонтоваться перед друзьями, что дружишь с психами? Да ты гений.

— Да я выбраться хочу, — сказал парень, — Если мистер Эррони увидит, что я больше не асоциальный элемент и научился заводить друзей, то он меня выпишет. Я тут уже больше месяца гнию.

— Мы тоже, — хором фыркнули мы с Зои.

— Вы — это одно, а я — это совсем другое, — откликнулся парень и заковылял прочь.

— Ну, зато в этом есть положительный момент, — сказала Зои, — Пи-ро-же-ны-е!

Она жадно облизнулась и принялась усердно мечтать.

— И, возможно, новый друг, — сказала я, — Который быстро уйдет отсюда. Но какая разница? Друзей слишком много не бывает.

— Это точно, — хмыкнула Зои, — В плане общения я ненасытная.

— Да ты вообще ненасытная, — хохотнула я, — Просто бестия. Страшная женщина.

Весна принесла с собой ручьи талого снега, капель тающих сосуллек, набухающие почки, пение вешних птиц, распускающиеся бледные цветы на фоне черной земли и завявшей травы и прохладные дожди, за которыми всегда следовала радуга.

Весной меня на какое-то время выписали, и я вернулась в старый дом, легла на постель и принялась реветь, сама не зная почему. Вернулась в школу и мне она показалась пустующей, какой-то не такой. на переменах и уроках меня преследовали косые взгляды и перешептывания. Материал я усвоить не могла: много пропустила и не было никаких сил. Помещения клуба тоже опустела. Были только капитан, девочка с брекетами и мулатка. Вскоре клуб закрыли из-за малого количества членов и вместо него появился клуб поэзии.

Габриэль много прогуливала, с ней общалась только Кларисса, которая тоже много пропускала, но по состоянию здоровья. Я иногда с ними общалась о всякой ерунде, и содержимое разговоров ускользало из моей памяти. Воспоминания стали скользкими и вертлявыми, словно угорь, и я никак их не могла поймать.

Я встретила Дейла, и он был весел. За всё время он так и не навестил меня, но когда увидел, то тут же выронил пялицу и уставился на меня во все глаза, словно не мог поверить увиденному.

— Снится мне это, что ли? — ошарашенно спросил он, — Или уже галлюцинации начались?

— Я сбежала прямо из-под электрошока, — сказала я, — Они чуть не поджарили мои мозги. Но я им живой не дамся!

— А мёртвой, значит, дашься? — расстроенно спросил он.

— Мёртвой тоже нет, — немного подумав, ответила я, — Голоса в голове приказывают сотворить с тобой кое-какие нехорошие вещи за то, что не навещал меня. Или общаться с психами не соответствует твоему социальному статусу?

— Какому статусу? — рассмеялся Дейл, — Я сам псих, каких ещё поискать. Да ещё и манипулятор.

— А как там твоя семейка? — спросила я.

— Отец и мать ссорятся из-за пульта, потому что отец хочет смотреть канал новостей, а мать — научный. Дядя шгудирует медицинскую литературу. Сестра громко врубает музыку. Всё как обычно. Я скучал, — неожиданно добавил он, — Просто я боялся, что тебе после разговора со мной хуже станет.

— А может, боялся, что я накинусь на тебя из-за голосов в голове? — огрызнулась я.

— Прости, Клэр. Мне правда не хватало тебя. Я каждый день думал о тебе.

— А ночью? — съязвила я.

— Ночью я спал, — ничего не заподозрил Дейл, — Но как-то раз ты мне приснилась. Мы гоняли на дельфинах.

— А они бы нас выдержали? — недоверчиво спросила я.

— Кто знает, — развёл руками Дейл.

— Должно быть, это специальные сонные дельфины. Ареал обитания — сновидения счастливых людей. Основной рацион — радость. Неиссякаемый ресурс, если им делиться добровольно.

— Наверное, — промямлил Блейн.

Он пристыженно опустил глаза, переминаясь с ноги на ногу. Мне стало жалко его.

— Да ладно, — сказала я, — Всё в порядке. Ко мне тогда в любом случае лучше было не соваться. А с Габриэль что? Её больше не обижают?

— Не знаю, она за Клариссой постоянно таскается, — сказал Дейл, — Они здорово подружились.

— Вот как? — спросила я, — Это хорошо. Я всегда хотела, чтобы у неё появился друг. Ну, кроме меня, конечно.

Он не нашелся с ответом. Я вздохнула и села на скамейку, закрыв лицо руками.

— Так хочется уехать отсюда. Или даже улететь. Сесть на самолет, занять место возле иллюминатора и смотреть на исчезающую в облаках землю. И чтобы ко мне подошла стюардесса, а я у неё заказала говядину с макаронами. И оливки.

— А я не люблю оливки, — сказал он.

— Тогда отдашь их мне, — сказала я, — Мне больше достанется.

— Ты возьмешь меня с собой? — удивился Дейл.

— А ты пойдёшь? — спросила я.

— Да... — прошептал Дейл.

Честно говоря, я вообще не придавала значения этому глупому обещанию. В отличии от него.

Песня о кусте

- Бррр! Холодно же!
- Нормально!
- Куда раздеваться начал, извращенец?!
- Ай! Меня что-то укусило!
- Это пиранья!
- Ты идиот! Они здесь не водятся!

Мира с разбегу вбежала в воду. Герман снял рубашку и задрал джинсы. Риша шла позади всех, то и дело вздрагивая от прикосновения холодной воды. Я подобрала подол юбки, скинула сандалии и брела по мянкому илистому дну.

Этот пруд был грязным, мутным, даже в летний зной холодным. В нём плавали водяные птицы, вокруг росли деревья, которые красиво цвели весной. как сейчас, например. К пруду вела небольшая лесенка, а дальше — зеленые просторы с далеким старым, но изящным и красивым желтым домом. Ходят слухи, что это родовое поместье семьи, от которой давно ничего не осталось. Какому психу приспичило поселиться у чёрта на рогах — это отдельный вопрос. Если это ещё правда.

— Эй, Дейл! Не будь занудой! Иди к нам! — позвал друга Герман.

Тот сидел на белых ступеньках с накиннутым на плечи плащом. Возле него лежала наша верхняя одежда, носки и обувь. И бутылка с лимонадом.

— Оставь его в покое! — взбесилась Риша.

— Хватит ссориться, — сказала я.

— Точно, — поддакнула Мира, — Не стоит злиться на неразумного.

Я вошла по пояс в воду. Кажется, наткнулась на теплый ключ. Нога наткнулась на осколок, но я вовремя убрала её. Волосы веером плыли сзади, а шляпа защищала от только начинающего входить в силу солнца.

— Я тут чуть не утонула, — сказала Риша, — Меня вытащил какой-то мужик. А наблюдавшая за нами тетка сказала, что тут уже 2 человека утонуло на её глазах.

— И она так же наблюдала, не предпринимая никаких действий? Жуть, — передернуло Дейла.

Я шла дальше. Вода тормозила мои движения. Я двигалась словно в замедленной съемке, и каждое моё движение было изящным и плавным. Было бы здорово, если бы люди додумались танцевать в воде. Тогда у всех бы это получалось, и все бы чувствовали себя грациозными ланями.

Вдруг звуки исчезли. Я очутилась один на один с плотным слоем грязной холодной воды. Если наткнешься на холодный ключ, то ногу может свести судорогой, и ты не сможешь всплыть. Кажется, мне и впрямь стало труднее двигаться.

Наткнулась на острый край консервной банки. Порезалась. Вскрикнула и в рот хлынула вода. Судорожно вдохнула, задержалась, замахала руками.

Чьи-то пальцы коснулись меня. Теплые. Мягкие. Я, как за соломинку, схватилась за них. Вторая рука схватила меня за локоть. Меня вытащили на поверхность, несли на руках на берег, положили аккуратно на землю. Чьё-то лицо приблизилось к моему. Я закашлялась, выплюнула воду, резко вскочила.

— Я в порядке, в порядке! — завопила я.

— Риша накинула мне на плечи свою ветровку.

— Надо отвести тебя домой, — сказала она, — И дать сменную одежду.

— Кто меня вытащил? — спросила я, — Не ты ли, Дейл?

— Нет, — как-то грустно ответил Дейл, — Это сделал Герман.

— Да, это так потрясно выглядело! — оживилась Мира, — Вынес тебя из воды, как принцессу! И шляпу не забыл на тебя нахлобучить, а то ты бы мозг нам вынесла всем.

— Хватит, — вмешалась Риша, — У кого дом ближе? Не вести же её до деревни.

— У меня, — сказал Герман, — У меня почти что у самого озера.

Риша взяла меня под руку и повела впереди всех. Меня всю колотило, ноги стали словно ватные. С воды стекала вода, с волос тоже, но у меня не было никаких сил отжимать их. Руки безвольно повисли.

— Как будто пробежала кросс, — сказала я.

— У меня так было после того, как меня вытащили, — кивнула Риша, — Ничего, скоро пройдёт. Приведем тебя домой, поешь, попьешь, обсохнешь. Всё наладится.

Мы пришли домой к Герману и заняли гостинную. Герман дал мне какую-то бесформенную футболку, которая мне в платье годилось. Я переоделась в неё в ванной, высушила волосы феном, наконец отжала шляпу, стараясь не снимать её.

Мы смотрели телевизор, умяли целую салатницу и погнали Германа готовить ещё. Включили телевизор на музыкальный канал, подпевали хитам, смотрели журналы, пытались научиться играть на гитаре. Дейл сидел в сторонке, и только Риша поняла, что ему некомфортно. Дейл заверил её, что всё в порядке, но теперь и я заметила, что это было не так.

— Пора бы домой тебе возвращаться, Клэр, — вечером сказала Риша, — Родители будут беспокоиться.

— Ну вы и скучные, — недовольно сказал Герман, — Вы ещё скажите про колледж и трудоустройство. А как же тусовки? Куда подевались наши ночные посиделки?

— Пойми, Герман, мы не будем вечно тусовщиками, — сказала Риша, — Когда-нибудь нам придется начать взрослую жизнь.

— Бла-бла-бла, — закатил глаза Герман, — Какая ты зануда всё-таки.

— Все компании когда-нибудь распадаются, — повысила голос Риша, — Потому что наступает время, когда пора уже задумываться об образовании, будущей работе и карьере.

— Вот и думай, сколько влезет, а я буду тусить, — заявил Герман, — Ты со мной, Клэр?

Он посмотрел мне в глаза. Как обычно, насмешливо и чуть лукаво. Но во взгляде сквозилась надежда.

— Извини, Герман, мне правда нужно идти, — с тяжелым сердцем ответила я.

Замешкайся я, и отказать было бы труднее.

— Ну и иди.

Герман отвернулся к стене. Скрепя душу, я встала, попрощалась и пошла с Ришей и Дейлом.

— Идешь? — спросила Риша у Миры.

— Наверное, — нехотя согласилась Мира.

Мы вышли из его дома. Мира и Риша направились в одну сторону, а мы с Дейлом в другую.

— Нехорошо получилось, — пробормотала я.

— Я хотел тебя спасти, — сказал Дейл, — Но промедлил. Боялся.

— Все нормально. Я бы тоже испугалась.

— А Герман не испугался. Он, не раздумывая, бросился тебя вытаскивать. И дом его был поблизости... Я такой бесполезный. Всегда был таким. Разочарование — так меня называли в детстве.

— Думаешь, Герман лучше?

— Он такой... Харизматичный. Есть в нем что-то, что заставляет других людей тянуться к нему.

— Нашел, кому завидовать. Герман — обыкновенный придурок, который никогда не повзрослеет. Такие, как он, обречены и в 40 лет вести себя как конченные раздолбаи, без работы, денег, зато всегда с бутылкой и в баре.

— Как мой дядя, в общем.

— Ты считаешь, что твой дядя лучше тебя?

— Я...

— Не считаешь. Вот и Германа не считай лучше себя.

— Но при этом я отталкиваю от себя людей. Только успеваю к ним привязаться, как они теряют ко мне интерес.

— Думаешь, Германа любят больше? Ришу он бесит, хотя её все бесят, Мира вообще ко всем относится ровно.

— А ты? Тебе он нравится?

— Может быть.

— А я?

— Может быть. Давай не будем. Мне плохо от этого разговора. Я замерзла.

Я принялась растирать руками плечи.

— Можем пойти в магазин погреться, — предложил Дейл.

— Не хочу, — сказала я, — Хочу вернуться в психушку.

— Что там хорошего? — спросил Дейл.

— Много чего, — сказала я, — Долго рассказывать. Просто там я чувствую себя как дома. Ты там то всеми ладишь, и со всеми дружишь, даже если вы знакомы всего минуту. И там даже скука сладостная.

— Здорово, — сказал Дейл, — Наверное, хочется остаться там навсегда.

— Не знаю. Навсегда не удастся. а до конца лета — пожалуй.

— А... Ну, болезнь все еще прогрессирует?

— Я уже давно не вижу кошмаров. Как и других снов.

— Вот как...

— Я надеюсь, у тебя есть, на чем меня подвезти?

— Нет... Но могу предложить переночевать у меня. Семья не против.

— Отлично!

Я легла вновь на ту мягкую постель. Может, и в эту ночь я обойдусь без сновидений?

Я становлюсь частью куста. Мои пальцы — хрупкие прутья веточек, мои ногти —

зеленые листья, мои ноги — корни в земле, моя кожа — жесткая кора, а моя плоть — древесина. Не вижу, не слышу, не чувствую боли. Не имею возможности двигаться. Только ветер колыхает мои ветви-пальцы, и птицы садятся и чирикают. В моих корнях ютятся мышки, жуки, вокруг летают шмели и пчелы.

Я куст. Не могу дотянуться до неба, даже не могу протянуть пальцы так высоко, как это делают деревья. Колосья не считают меня за свою, деревья смеются над моей низкорослостью.

Я куст, и ко мне приближается человек — для меня теперь это не более, чем едва ощутимое сотрясение земли. Говорят, есть те, кто могут двигаться, говорить, видеть. Есть те, кто дышат тем, что мы выдыхаем, и едят то, что мы производим. есть те, для кого углекислый газ — это яд. Но для нас они удобрения, часть теплой и рыхлой земли.

Раз, два — мои пальцы отваливаются, и кровь-опилки брызжет во все стороны. Меня срезают под корень, и я не кричу, только тихо шелестю листвой. Лежу горсткой веточек, и меня куда-то несут, чтобы поднести горящую спичку и заставить меня вспыхнуть. И я сгораю, куда-то лечу — то ветер разносит мой прах. Я наконец летаю, и я наконец могу дотянуться до неба. Теперь я выше деревьев.

— Я больше так не могу!!!

Я бью кулаком в подушку, потом прижимаю её к лицу, чтобы заглушить крик. Она впитывает мои слезы, сопли и слюни.

— Я слышал какой-то шум, — послышался голос Дейла в дверях, — Всё в порядке? Или мне уйти?

— Всё в порядке! — не своим голосом кричу я.

— Ладно... — обескураженно отвечает Дейл и уходит.

Я дрожащими руками ищу телефон. Набираю номер Ласки.

— Здравствуйте. Можно записаться на приём?

Песня о сновидениях

Мизинец к мизинцу. Крыло к крылу. пепел к пеплу.

Мы касаемся только мизинцами, кончиками фаланг. Холод фарфоровой плоти и оцепенение.

Мы красивы. До невозможности красивы. Прохожие заглядываются нашими лицами. Взрослые — с насмешливым любопытством, дети — с собственнической жадностью, художники — с желанием разобрать на малейшие детальки.

Мы замерли среди тряпичных декораций, застыли в одинаковых позах и смотрим на мир стеклянными глазами. Безмолвные. Не понимаем друг друга. не знаем друг друга. Мы даже двинуться с места не можем. Всё, что нас связывает — жесткое прикосновение мизинцев. И сиюминутный каприз мастера, тут же забывшего нас. У него было много таких, и он не мог понять, кто лучший. И он творил, творил, творил. Клеил, рисовал, вдевал нитки, шил. Пытался найти совершенство с рвением истинного творца. Истинного ли?

Говорят, внутри нас пусто. говорят, мы бездушны. Говорят, что у нас есть лишь наша красота, и если стереть все краски и раздеть догола, то ничего не останется, только никому не нужный мусор.

Поэтому, когда нас растаскивают, никто не смотрит на нас. Мы не кричим, потому что не может. Мы молчим, и эта тишина громче крика.

— Надо отдать жертву, — шепчет седая девочка, — Кому-то сердце, кому-то голос. Все что-то отдают.

— Но что я получаю? — хриплю я, — Только печальные истории. Хоть бы раз что-нибудь хорошее приснилось.

— Тьма не пропустит. Она окрасит твою одежду и шляпу.

— Вот как? Как окрасила оперение Ворона?

— Как окрасила его оперение. Знаешь, до тебя ведь были такие.

Она ведет меня по ряду кроватей. Словно нарисованные акварелью, они размыты, неясны, причудливы. Мы идем по коридору времени, и я молчу, боясь разрушить всё своими словами.

— Смотри. Справа от тебя.

Лежит. Грудь вздымается, дыхание свистит, словно ночной ветер. Лицо неподвижно и бело, словно высечено из мрамора.

— Он не мертв и не спит, — сказала Королева, но я уже догадалась, — Никто не знает, понимает ли он, что вокруг происходит. Но если ты его ударишь, он не вздрогнет.

Я стукнула его в грудь. Ноль реакции. Даже дыхание не изменилось.

— Наклонись, — приказала Королева.

Я склонилась над его лицом. Мои волосы рассыпались по его подушке. Я почувствовала затхлый запах, исходящий от него.

На секунду я увидела веснушчатого парня. Как будто шоколадом забрызгали. Вокруг него всегда дул ветер — для кого-то это был легкий ветерок, кого-то едва не сбивало с ног ураганом.

— Смерч? — спросила я, — Так его зовут?

— Нет. Теперь у него нет имени. А тогда он назывался Смерчем. Халаты его на дух не переносили. Зато дети обожали.

— Грустно.

— И вот, что теперь от него осталось.

— Я тоже такой стану?

— Кто знает? Может, чем-то похуже. Зависит от того, насколько сильно вцепишься зубами в ту часть себя, которая делает тебя человеком.

— Он тоже видел кошмары?

— А ты посмотри сама.

Я склонилась ещё ниже.

Коридор не был прямым, но не был и разветвленным. Он извивался, как змея, ломался, изгибался, рисуя причудливые фигуры. Весь в рисунках, и чем дальше в него заходишь, тем более жуткими они становятся. А назад нельзя — раскаленное дыхание опалает твою шею, и чтобы не быть схваченным в эти зубы, придется бежать изо всех сил. А чтобы оторваться, нужно бежать в два раза быстрее. А силы уже были на пределе.

Мне хватило пяти секунд. Я отпрянула и со злостью посмотрела на Королеву.

— Вот что. Мне осточертели эти сказки.

— Сказки? Думаешь, это сказки?

Глаза Королевы угрожающе сощурились. Две абсолютно черные черточки на фоне ослепительной белизны. Мне следовало остановиться, но я зашла уже слишком далеко, так что мне было уже неважно.

— Да, потому что это правда. А все сказки правдивы.

— Ты не понимаешь своего счастья. Чтобы научиться видеть, как ты, мне пришлось многое отдать.

— Ну и отдавай сколько влезет, раз для тебя это так важно. А мне надоело! Я не хочу видеть кошмары, я не хочу, чтобы моя кровь почернела, я не хочу зависеть от нелепой шляпы, которая быстро станет бесполезным куском тряпки. Мне надоело!

— Когда-то я тоже так говорила, — сказала Королева, глядя мне прямо в глаза, — Ты станешь такой, как я.

— Нет у нас с тобой ничего общего, — фыркнула я.

Поправила шапку и ушла в утро.

Весна легким прикосновением распускает на кустах нежно-розовые цветы и пахучие почки. Садовая зелень купается в лучах начинающего набирать силу солнца на фоне перистых облаков. Среди ветвей торжественно возвышающихся деревьев птицы поют свою трель. Оставшиеся сосульки и корочки льда на разлившихся лужах блестят на солнце. Зои вырезает фигурки из льда. Говорит, что это Мартовские Заццы. Больше они напоминают гоблинов. Подтаявшие ещё страшнее.

Весна означала радужную одежду, венки на головах, букеты цветов, которые все дарили друг другу без повода, игры с мычом во дворе, открытые окна и резиновые сапоги до колен. Даже Брайан отобрал у кого-то сапоги, которые доставали ему до бёдер, и гордо в них расхаживал, насвистывая какую-то невыносимую мелодию.

Вскоре к нам явилась Кларисса. Железная леди, рыцарь с непробиваемой броней, она была не похожа на человека, которому нужна была помощь. И только дрожащие ресницы, скрывающиеся за толстыми стеклами очков, её выдавали. Она расположилась в нашей палате и поначалу ни с кем не разговаривала, только увлеченно читала книги Шарлотты Бронте. А потом перешла на Джейн Остин. Потом перешла на Харуки Мураками. Потом на Урсулу Ле Гуин. Потом на кулинарные журналы. Потом на аграрно-экономические журналы. Потом на буклеты с отелями в тропиках. Когда чтение закончилось, она соизволила влиться в нашу компанию.

Брайан всё чаще запирался у себя и не желал ни с кем разговаривать. Сосед предпочел от них с Ромео свалить. Ромео был уже на исходе. Говорил, что у Брайана постоянно истерики, панические атаки и приступы лунатизма. Постоянно ходил в синяках и ссадинах. Даже мы иногда слышали какофонию бессвязных воплей. Из-за нестабильного состояния врачи уволокли Брайана в Клетку.

Душераздирающая сцена. Двое рослых Халата удерживают на кровати брыкающегося Брайана. Третий колет ему что-то в вену. Ему это удастся с пятой попытки — Брайан кусается, царапается, пинается, рычит, брызжет слюной и кровавой пеной. Один раз заехал кулаком в глаз колющему, и тот потом неделю с синяком ходил. Все трое матерятся, Зои плачет, Ромео ругается на Халатов и требует, чтобы они аккуратно обращались с другом. Наконец Брайан обмякает, и его, ещё совсем вялого, уводят, взяв под локти. Мы бежим за ними, несмотря на протесты.

Его запирают в Клетке, и я представляю, что его кидают туда, как собаку, и с громким хлопанием и скрипом закрывают ржавую дверь. И он остается там под круглосуточным наблюдением, словно под микроскопом.

Держат чуть больше недели. Потом выпускают. Вялого, безвольного, с ничего не выражающим взглядом тусклых серых глаз. Он тоскливо смотрит на меня и говорит:

— Я же сказал, что они сжирают сны.

— И не только сны, — качаю я головой.

— Не только, — эхом повторяет Брайан.

И он на какое-то время замолкает. Радость конца мая и начала июня проходит мимо него. Когда мы в полночь всем составом бросились к окнам, чтобы нестройным хором возвестить округу о начале лета, он молчал — так сказал Ромео.

Когда мы обдирали кусты, забирая у них последние цветы, он тоже молчал. И когда мы ловили бабочек, и когда мы пытались добыть сок клена, и когда мы плясали в последних лужах, и когда поедали с трудом отвоёванное мороженное — 6 стаканчиков на всех. И даже когда запускали бумажного змея, которого отобрали у какой-то новенькой.

Ромео приносил ему еду и питьё и иногда выводил на крыльцо. Тот сидел на ступенях, без всякого выражения глядя на сад. Иногда он закутывался в клетчатый плед, иногда на нем красовалась кепка, а иногда он держал вертушку. На него было больно смотреть, а разговаривать и того хуже.

А потом кошмары вернулись. Снова всё пошло по второму кругу: крики, визги, сомнабулия, драки, приступы, агрессия и затуманившийся разум. И снова его уволокли в

Клетку и долгое время мы то и дело слышали разговоры о нём. Безнадёжный случай, ничего не сделаешь. Кто такое сотворил с ним? — спрашивали Халаты со злостью. Высказывали своё непреодолимое желание по душам поговорить с его родителями и найти ту сволочь, которая превратила его "вот в это".

— Ужас, — сказала Зои.

— И не говори, — согласилась Кларисса.

— И главное, к нему теперь не подобраться, — пожаловался Ромео.

Лето только начинало набирать обороты, но уже было жарко. Мы сидели в одинаковых белых футболках, с одинаковыми пятнами от пота. Кларисса пила колу со льдом, я надвинула шапку на глаза.

— К Эрику присоединился ещё один, — перевела тему Зои, — Ты представляешь, Клэр? Целых два Эрика!

— Июнь — время интенсивного размножения Эриков, — пробормотала я.

В доме послышалась возня. Если вознёй можно назвать радостные вопли, удары о стену и истеричный смех. Мы с Зои побежали на шум.

— Что ты сделал?! Псих несчастный!

— Да ладно? А мы где, изволь уточнить, находимся?

— Ох, и начищу я тебе сейчас рожу! Подставляй табло!

— Что тут происходит? — с холодным любопытством осведомилась я.

Пациенты расступились, освобождая дорогу. На кожанной скамье вальяжно расселся косматый парень, держащий в руках альбомный лист.

— Что ты рисуешь? — любопытствовала я, — Ну-ка покажи.

Сзади послышались смешки.

— Это что?! — фальцетом завопила я, — Это чьи?!

— Вот его, — тыкнул парень пальцем долгового усатого парня с битловскими шмотками.

— Это в твоих краях считается актом вежливости при знакомстве? Типа как у нас привет-пока? — съязвила я.

— Странно, что у вас нет, — в тон мне ответил парень.

— Вот знай теперь, — кивнула я в сторону трясущегося от ярости усатого, — Имя?

— Имя, — ответил парень, — Не отчество же.

— Приятно познакомиться, Имя, — склонилась в реверансе я, — А меня Клэр зовут.

— Неа, — похабно ухмыльнулся парень, — Ты Коварная Колдунья. Приняла облик молодой девушки, а на самом деле горбатая старуха с бородавками.

— А он мне нравится, — протиснулся сквозь толпу Эрик в сопровождении какого-то волосатого парня с размазанными рисунками на руках, — Давай дружить.

— АА ты не ведьма? — недоверчиво спросил парень.

— Неа, — гордо ответил Эрик, — Я вожак этой стаи. Альфа, знаешь ли.

Зои где-то позади истерично заржала.

— Это просто нервное, — махнул рукой Эрик, — Она омега и очень переживает из-за этого.

— А это твоя альфа-самка? — кивком указал парень в сторону волосатого, — Пушистенякая.

Теперь уже заржала я. А Саймон обиженно нахмурился.

— Вот это я понимаю — талант, — наконец сказал он, — Так ломать комедию, лишь

бы не говорить своё имя. Далеко пойдёшь.

— Поэтому проси автограф, — жеманно сказал парень, — А имя я сказать могу, почему нет? Меня Блейном звать.

— Саймон, — представился волосатый, — И никакой я не альфа-самка. Да и вообще мы не альфа.

— Это почему не альфа?! — возмутился Эрик, — Очень даже альфа! Девушки штабелями падают к нашим ногам.

— Скорее уж халаты, — ухмыльнулась я, — Вручают вам лавры самых несноснейших из несноснейших. И коронуют как королей противнейших.

— Эрик Первый Противнейший! Как звучит-то! — мечтательно сказал Эрик, словно пробуя прозвище на вкус.

Так я и познакомилась с самым пронизательным человеком в округе. Блейн — невыносимая язва, любитель раздавать направо и налево длинные глупые прозвища, которые потом надолго к человеку прилипали, художник срамных мест, для которого хорошим тоном считается нарисовать чресла собеседника, поэтому он рисовал везде и всегда, и просто не мог остановиться. Блейн — мальчишка с веселыми янтарными глазами, которые всегда сохраняли задорную искринку, даже когда его лицо было мрачнее тучи.

Как оказалось, он уже здесь лежал, причем вместе с Клариссой, Ромео и Зои. Выходит, они старожилы. Хотя Кларисса лежала с перерывами, а Ромео долгое время был на дневном стационаре. И Ромео с Блейном лучшие друзья. Мы с Зои дружно стонали, представляя их убойный дуэт.

Как Вечность он мне открылся не сразу. Сначала последовала вереница кошмаров. И из этого бесконечного лабиринта он вывел меня, сжимая моё запястье.

— Не бойся, — по-отечески ласково говорил он, — Сейчас я тебя вытащу отсюда. Правда, только на одну ночь.

Он вывел меня на заснеженное поле. Прихожая. Так её называли. Развернул меня к себе. — Рад знакомству. Я Вечность.

Его глаза светили золотом и пламенем недр земли, солнечным светом и сиянием далеких звёзд. Застывшая смола. Ещё чуть чуть, и я увижу замершую древнюю муху. И правда. Вечность.

— Ты спас меня, — сказала я, — Но сможешь ли ты спасти его?

— Смогу, — сказал Вечность, — Без помощи Кита тут не обойтись. И твоя не помешает. Только контролируй кровь.

И мы собрались втроём, чтобы расчистить пространство. Чтобы запустить птичку сюда. Вольной птице не полагается клетка. Ей полагалось бескрайнее поле и небеса над головой. Мы вырвали из петел ржавую дверцу, и пернатый выпорхнул, благодарно махая своими черноперыми крыльями. Манили фонарем, завели в поле.

— Твори, — сказала я.

По кусочку, по ниточке он мастерил скромный уголок. Заполнил его северным сиянием и громадными причудливыми планетами, застывшим океаном и огнями далекого города. Заполнил звуками праздника и тонким шлейфом аромата булочной.

Мы ревностно охраняли границы, заглушая смехом и болтовнёй скрежет ржавой Клетки. Отгоняли ледяной пронизывающий ветер, грозящий вернуть Ворона "домой".

— С рассветом всё это растает, — сказала я, — Но после заката возродится заново.

— Спасибо, — с благодарностью в голосе прошептал Ворон. В его глазах показались

слёзы.

— Только одно условие, — сказал Вечность.

— Какое? — насторожился Ворон.

— Не исчезай, — сказал Вечность.

Когда мы убедились в защищенности границ и ушли, я спросила:

— А я вам зачем была нужна?

— Кит — для фундамента, — улыбнулся уголками рта Вечность, — Я — для стабильности. А ты — для счастья.

— Это я-то счастье? — фыркнула я, — Не смей меня. Мне одни кошмары снятся. Да печальные истории.

— Ты знаешь своё имя? — спросил Вечность, — Обязательно узнай его. Я уверен, что оно очень красивое.

— Что-то загадочное, — сказал Кит, — Типа Ведьмы, Колдуньи...

— Разве? — криво усмехнулся Вечность, — Странные у тебя понятия о загадочности.

— Что-то типа Гадалки, — подхватила я, — Провидицы... Оракула... Ворожеи...

— Во! — обрадовался Кит, — То самое! Вот твоё имя! Оно прямо подходит тебе! Ворожея!

— И кого это я приворожила? — фыркнула я, — Уж не тебя ли?

— Просто ты словно окружена туманом, — смущенно сказал Кит, — И движения у тебя плавные, и голос бархатистый. И ещё эта шляпа... Даже если ты не размалюешь лицо, сразу опытному взгляду будет понятно, что ты Ворожея.

— И ты действительно завораживаешь, — согласился Вечность, — Не знаю, как. Своим молчанием, своей родинкой, своими черными волосами... Ты приручаешь всех.

— И разрушаю всё, к чему прикасаюсь, — горько вздохнула я.

Песня о новых секретах

Даже когда Вечность не прошел Инициацию, он был самым пронизательным человеком. Он не видел воспоминаний и трагических историй, как я, зато видел души и читал их, как раскрытые книги. Он мог найти скрытую истину во лжи, прекрасное в уродливом и уродливое в прекрасном. При нём не захочешь соврать, стоит только посмотреть в эти золотые глаза.

Его Инициация была долгой и тихой. Его, как и остальных Знающих, отводили в некий подвал и запирали там в полной темноте. Не позволялось ни разговаривать с ним, ни даже думать о нём. Поэтому мы болтали о чём угодно. Даже о новом сериале с красивыми мальчиками, по которому с ума сходила Кларисса. А под утро он вернулся со снежинками в волосах, оставив после себя мокрые следы. Он молча удалился в комнату Кита, захлопнув дверь. Кит сказал, что его сейчас лучше не беспокоить.

И вся его напряженность куда-то ушла. Раньше он был угловатым подростком: длинные спутавшиеся разлохмаченные волосы, скрывающие почти прозрачные брови, острые колени и локтя, кривые ноги и прыщи на щеках. После Инициации это всё куда-то ушло. Вечность как будто повзрослел на тысячу лун, он молча рисовал в своём уголке и улыбался, как Мона Лиза, как будто владел какой-то приятной тайной. Рядом с ним даже мне становилось легче.

Буревестник несколько раз запирали, и возвращалась она какой-то выжатой, словно лимон. Однажды из-за стычки с Эриком её долго продержали в Клетке, и её взяла под опеку Ласка. Сам Эрик отказывался говорить на эту тему, да и я не приставала ни к нему, ни к ней. То, что произошло в кладовке, оставалось между ними.

А ещё в это время ненадолго к нам вернулся Ворон. Он больше не кричал по ночам, не кидался на людей. Он спал молча, по многу часов в день, и Вечность говорил, что рядом с ним всегда душно, даже если открыто окно. А Кит и вовсе перестал видеть сны.

— Что ты там делаешь? — спросила я у Ворона, — Мне бы лишь бы не спать, а ты только туда и рвёшься. Так любишь кошмары?

— Они меня затягивают, — сказал Ворон, — Как болото. И ни в одном из них нет её.

— Может, не там ищешь? — спросила я.

— Не там? О чем ты...

Ворон замолчал и нахохлился. Я трясла его, но он даже бровью не повел.

Это был наш последний разговор. Потом он снова оказался в клетке. Его забрали или он сам попросился, я так и не поняла. Но спать стало куда спокойней.

— Клэр, Клэр, просыпайся! Клэр! Клээээр!

Я с трудом разлепила один глаз.

— Это катастрофа глобального масштаба!

Я вскакиваю. Поправляю шапку. На голове бардак, глаза слиплись. А я не могу ни нормально умыться, ни расчесаться. Изловчилась принимать душ в шапке. И спать в ней же, не роняя её.

— Ты представляешь?! Нет, ну ты представляешь?!

Зои носилась вокруг меня, пока я пыталась оторвать косметику, припрятанную в шкафу.

Подошла к зеркалу. Впавшие глаза, сросшиеся брови, обветренные губы. Хороша красавица, нечего сказать.

— Ну что там? — спрашиваю я.

Наношу тональный крем, чтобы моя кожа приобрела фарфоровый оттенок. Накрасила глаза, чтобы скрыть их впалость. И губы, чтобы сделать их красными. У меня нет ни пышных ресниц, ни красных губ, только черные глаза и родинка.

— Ты представляешь, их теперь трое! Ужас! Три Эрика! Три, ты понимаешь?!

— Да не кричи ты так, ничего страшного не случилось, — сказала я.

— Не считая того, что самый невыносимый тип теперь размножился до троих, — ядовито уточнила Кларисса.

— Что же мне делать?! — схватилась за голову Зои.

— Тусить с ними, что же ещё? — хмыкнула я.

Зои посмотрела на меня как на извращенку. А я, накинув кардиган, двинулась в сторону палаты этой тройцы.

— Окстись, неразумная! — шипела Зои мне в след, — Ты сама не ведаешь, что творишь и с кем связалась!

Я постучала в дверь.

— Мальчики, — пропела я, — Мы с Зои пришли с вами тусить.

Эрик так резко распахнул дверь, что на моём лбу скоро будет красоваться синяк. Из-за него высунулись Саймон и незнакомый парень с бусинками в волосах.

— Привет, — представился длинноволосый, — Меня зовут Грег. Я просто скромный парень, самый-самый скромный в мире. Не нашлось ещё шавки, переплюнувшей меня в скромности.

— А я просто Злобная колдунья, — хмыкнула я, — У меня есть 10 лягушек и 20 бородавок, которые я прячу за слоем заклинаний.

— Здорово! — восхитился Грег, — А со мной поделишься лягушками?

— Нет, они мне для зелий нужны, — сказала я.

Сзади Зои простонала.

— Не ныть, — строго сказала я, — Сейчас будем веселиться. Зои не терпится повеселиться.

— О да, она обожает веселье! — проорал Эрик и схватил нас за руки. Мы побежали по коридорам. Вошли в общий зал. Играла какая-то тоскливая мелодия.

— Жуки? Вот тоска, — фыркнул Грег.

— Сейчас зажжем! — воскликнул Саймон.

Эрик переключил на рок-н-ролл. Схватил Зои и принялся кружить её.

— Да я не умею танцевать, идиота кусок! — выругалась Зои, выкидывая причудливые коленца.

Мы с Грегом загнулись пополам от смеха.

— Я тоже не умею, — перекричал её Эрик.

— Тут все не умеют! — подхватил Саймон и схватил меня.

— Ну ты и лох без пары, Грег, — сказал он оторопевшему Грегу.

— А у меня тоже пара есть, — не растерялся Грег и принялся танцевать с плюшевым мишкой, отобранном у какой-то малявки.

— Вот это красавица, — восхитился Эрик, — Завидую!

В отместку Зои закружила Эрика со всей дури и отпустила, так что он врезался в шкаф и

на него попадали тетради и листочки.

— Так тебе и надо, — с мрачным удовлетворением сказал Грег.

— Да ты просто зверь, — осклабился Саймон.

— Если стационар объявится, которому приспичит лечь сюда, надо бы попросить его принести новые диски, — сказала я, — А то старьё у нас одно. Прямо машина времени какая-то!

— Ты не понимаешь! В этом и есть вся суть! — вдохновенно сказал Эрик, — Барахлящий проигрыватель, потертые диски... Просто сказка, не правда ли, любительница музыкальных магазинов?

— А кого ты бы хотела? — спросила Зои.

— Бритни Спирз, — сказала я, — И Леди Гагу.

Парни присвистнули. Зои уважительно закивала.

— Зато я знаете, че покажу? — спросил Эрик, — Блейн нашел.

Он отвел нас в свою комнату. Порылся в тумбочке. Вывалил: гербарий из осенних листьев, радиоуправляемый вертолет, пульт от радиоуправляемого вертолета, батарейки от пульта от радиоуправляемого вертолета, рисунки дирижаблей, книжку про виды удобрений и их применение, справочник по химии, полосатый носок, клоунский колпак, баночку белил.

— Нихрена себе арсенальчик, — присвистнула Зои, — Неудивительно, что ты самый невыносимый тип в округе. У тебя даже радиоуправляемый вертолёт есть!

— Будешь хорошо себя вести — дам погонять, — подмигнул Эрик, — Во, нашел.

Он вытащил детину 20-го века. Весь пыльный, грязный, вонючий, громоздкий, со множеством ящиков, кнопочек и колёсиков, да ещё и с длиннющей антенной впридачу.

— И как это недоразумение работает? — поинтересовалась я, — Не завидую аллергикам!

— Да уж, — проворчал Грег, зажимая нос.

Эрик воткнул внушительную вилку на не менее внушительном проводе в розетку. Покрутил колёсико. раздалось шипение.

— Разве тут поймаешь что-нибудь? — нервно захихикала Зои, — Ой, насмешил. Когда это у нас что-то нормально работало?

— Не бузи, — сказал Эрик, — Лучше, кто-нибудь, помогите мне поставить его на окно.

Мы с Саймоном и Эриком, кряхтя, водрузили радиоприёмник на подоконник. Саймон покрутил колесо.

— Осторожней, Саймон, — приговаривал Эрик, — Станцию ловить — это целое искусство! Как ювелирное дело, например. Требуется высшей точности и живого ума.

— Без тебя знаю, — огрызнулся Грег.

Раздалось невнятное пение. В понимании Эрика лучшего и пожелать нельзя. Он прокричал троекратное "ура" и сказал, что теперь радио будет всё время работать, кроме ночи.

— А нам попользоваться? — жалобно спросила я, — Мне музыка не мешает. Даже такая.

— Вот за "даже такую" я и не дам, — обиделся Эрик.

То, что июнь будет чудесным, я поняла ещё в начале мая. Он и был чудесным. И ещё

только начинавшая входить в силу жара, и ласточки, и веснушки на щеках, и мезозы, и сандалии, и раскаленный асфальт, и зелень, купающаяся в солнечном свете, и нагретая на поверхности вода в бочках, и газировка со льдом, и панамки, и тенистая аллея и галькой, и скрипящий качели. Иногда там появлялся странный мальчик. Сколько бы людей не было вокруг, его никто не замечал. И он никого не замечал. Он вел себя так, словно на качелях рядом кто-то качался. Иногда они тоже тихо покачивались.

— Ты кто? — не выдержав, спросила я у него.

— Я? — переспросил мальчик, — Здесь никого нет.

— А с кем я тогда разговариваю? — спросила я.

— Сама с собой, — фыркнул мальчик.

Больше я от него не добила ни слова.

— Оставь ты его в покое, — вздохнула девочка с сухой веткой в волосах, — Он почти что сиа́мского близнеца потерял.

— Да ну? — ошеломленно спросила я.

— Ну, не близнеца, а возлюбленную, — дернула плечами девочка, — Но суть всё та же.

Так я и познакомилась с Мариам.

Мариам — хрупкое существо, которое очень легко сломать, разбить на кусочки, как старинную вазу. Она любила пластинки, трещотки, бубны, лошадей и пшеницу. Мальчик с качелей каждый вечер оставлял ей у изголовья кровати ветку, которую она вплетала в волосы. Зачем, я так и не поняла. Но то, что между ними была особая связь, было видно невооруженным глазом. Тут и Блейном быть не надо.

— Просто я его понимаю, — сказала Мариам в ответ на мой немой вопрос, — Это влюбленные-сиамцы. Один не может существовать без другого. Вот он и исчезает. Вся надежда только на ночь, Когда все Двери Открыты.

— А что за ночь? — любопытствовала я.

— Ты поступила сюда когда?

— В феврале, — сказала я.

— Значит, пропустила всё веселье, — сказала Мариам, — Я здесь на учете раньше состояла. Ночью к ребятам сбегала. Тут и эпидемия была жуткая, в результате которой умерла девушка. Блейн до сих пор не может простить Клариссу за это.

— А причем тут Кларисса? — раздраженно спросила я.

— Она принесла заразу, — сказала Кларисса, — Пришла сюда с соплями, температурой и натуральным таким баритоном.

— Да, она вроде как проболела месяц, — вспомнила я, — Уроки пропускала, зато на заседания клуба приходила. А иногда не приходила. Своенравная девица.

— Сначала мы думали, что всё обойдется, — сказала Мариам, — Но ей становилось всё хуже и хуже. Как и Блейну. Тот вообще размазня размазней, от дождя мог неделю с больным горлом ходить. А Травница билась в горячке, кашляла как кашалот, задыхалась в соплях и ночью тихо умерла. Халаты её даже спасти не могли. После этого я не хотела приходить сюда. Атмосфера была удручающая.

— А я ничего не заметила, — пожалала я плечами.

— Так ведь у тебя тоже жуткая аура, — усмехнулась Мариам, — Спелись вы. Блейн, как только выздоровел, молча собрал манатки и перешел на стационар. Приходил рано утром, ни с кем не разговаривал, потом уходил. Кларисса и вовсе ушла. Правда, мы связь поддерживали. И я уговорила её вернуться. Не место ей там, понимаешь? А она всё прочь

рвётся, дура.

— Почему не место? — спросила я.

— Потому что опустошенная она, — сказала Мариам, — Окружающие потихоньку разбирают её по кусочкам — кому волос, кому глаз, кому сердце. сами этого не замечают. и она не замечает. Скоро от неё такими темпами вообще ничего не останется. Нам-то от неё ничего не нужно — со своими бы проблемами разобраться.

— А почему Блейн думает, что она виновата в смерти той девушки? — спросила я.

— Потому что дурак он, — неожиданно разозлилась Мариам, — Хотя, чего ещё ожидать от влюбленного?

— Влюбленный Блейн? Это ж сколько её "портретов" он нарисовал? — заржала я.

— С десятков точно, — совершенно серьезно ответила Мариам, — Причем с разных ракурсов. Чуть в обморок не шлепнулась, когда увидела. А эта давай ржать.

— Да уж, — сказала я, — Сколько всего интересного происходило у меня под носом...

— Радуйся, — сказала Мариам, — У нас чуть до карантина не дошло. Блейн разоряется: это была эпидемия космического масштаба, Кларисса такую заразу к нам принесла, плутовка! На деле заболело от силы человек пять. Причем больше досталось этим двоим. Их и отвезли в инфекционку. Прямо болезнь на двоих, ха! Хором стонали, кашляли и потели... Кларисса ходила с белыми гландами, её сначала уволокли в инфекционку, продержали там полторы недели, и ей этого вполне хватило, чтобы заходиться нервным тиком при одном упоминании этого жуткого места. А я вату в носу таскала и ингаляторами дышала... Мда. Столько шума было. Что, неужели ничего не слышала?

— Нет... Да мне тогда вообще никакого дела не было до происходящего вокруг. Я была занята своими проблемами.

— Ну ты даёшь... У нас до сих пор вспоминают.

— Да ну, — сказала я.

— Впрочем, историю как-то удалось замять. Родители нашлись понимающие.

— Тяжело им, должно быть...

— Верно. Но они отказались от вскрытия. Просто забрали её тело и тихонько похоронили.

Мариам показала мне портрет в черной рамочке. Веснушчатая девочка с множеством косичек и сияющими брекетами. Типичная провинциальная девчушка, она вся лучилась счастьем, казалось, я слышу её смех.

— Так Вечность у нас вдовец... — пробормотала я.

— Ещё какой, — согласилась Мариам, — Теперь на девченок даже не смотрит, а раньше был тем ещё Дон-Жуаном.

— Даже представлять страшно, — поёжилась я, — Как он обольщал, интересно? Рисовал их чресла, что ли? И дарил им на День Святого Валентина?

— Скорее они его обольщали, — фыркнула Мариам, — До чего влюбчивым был типом, жуть просто. Бегал за ними, пытаюсь всучить им рисунок...

— А тебе он дарил? — поинтересовалась я.

— Я... — покраснела, как рак, Мариам, — Я не хочу об этом говорить! Блин...

— А я тебя что-то здесь не видела, — сказала я, — Давно пришла?

— Сегодня, — пожалала плечами Мариам, — И планирую надолго не задерживаться. Так, до середины лета... У меня на примете один реабилитационный центр есть...

— Который с морем? — уточнила я.

— С океаном, — педантично поправила меня Мариам, — Когда-нибудь я туда поеду...

Песня о потерянной любви

Она сидела на диване, болтая ногами в полосатых гетрах. А он подбежал к ней и показал листок бумаги.

— Смотри, я твой портрет нарисовал! — улыбнулся Вечность, — На мой взгляд, самый лучший...

— Опять ты за своё, — захохотала Травница, — Не так портреты рисуют. Давай, покажу. Смотри и запоминай: кружочек, глазки, брови, нос, рот, волосы... Н-да, больше похоже на обезьянку.

— Нормально, — сказал Вечность.

Он сел на диван и принялся рисовать. От усердия даже высунул язык. Спустя минуту скомкал листок и швырнул о стену.

— Опять! — в сердцах закричал он, — Задумываю одно, а выходит другое. Поэтому девченки меня шугаются! Надоело...

— Ничего, научишься, — миролюбиво сказала Травница.

Она закашлялась. Вечность постучал по её спине.

— Жесть какая, — сказала Травница утробным голосом, — Только и делаю, что кашляю. Скоро всё внутренности выкашляю. Горло болит!

— Мне это не нравится, — нахмурился Вечность, — Мне это очень не нравится.

— Да всё будет в порядке, — беззаботно махнула рукой Травница, — Сколько раз болела... Хотя я ни разу так сильно не болела.

— Вот видишь! — возмутился Блейн, — А ещё говоришь...

Он накинудся её, повалив на кожаный диван.

— Ах, что ты делаешь, бесстыдник? — шутливо шлёпнула его Травница.

Он принялся целовать её в щеки и шею.

— Я не хочу с тобой расставаться, — прошептал Вечность, — Я так не хочу тебя терять. Ты первая, к кому я не боюсь прикасаться. Понимаешь? Первая! И, возможно, единственная...

— Всё будет в порядке, — заверила его Травница.

— Я убью Отступницу, слышишь? — не обращая на неё внимания, продолжил Вечность, — Я из неё фарш сделаю!

Травница оттолкнула его и внимательно заглянула в его лицо. Улыбка сползла с её лица.

— Пообещай, что перестанешь её ненавидеть, — твёрдо сказала она.

— Пообещай не умирать, — сказал Вечность.

— Тогда... — дрогнувшим голосом сказала Травница, — Пообещай, что хотя бы не тронешь её.

— Хорошо, — сказал Вечность, — Обещаю.

Они скрепили клятву на мизинцах.

— Знаешь, как японцы клянутся? — спросил Вечность.

— Нет, — сказала Травница.

— Пусть я проглочу тысячу игл, если солгу, — сказал Вечность.

— Ограничимся тысячью леденцов, — улыбнулась Травница.

На календаре было 15 января.

— Ай-ай-ай, — сказал Вечность, — И не стыдно тебе?

— Что? — постаралась я напустить на себя невинный вид.

— Воровать сны, — осклабился Вечность, — Хороша новенькая! Ведьма, каких ещё поискать, любительница подглядывать, так ещё и воровка!

— Я не хотела, — честно сказала я, — Просто я думала о вас ночью. Это было так странно. Пока я отлеживалась у себя в конуре, тут такие страсти кипели.

— И хорошо, что отсиделась, — проворчал Вечность, — Жуткая была эпидемия. Дело тут не в количестве. Просто...

— Просто она унесла жизнь твоей возлюбленной, — сказала я, — Вот и всё. А ты от отчаяния переключаешься на ненависть.

— Это так, — согласился Вечность, — Я ненавидел Отступницу за то, что та нас заразила. Ненавидел Королеву за то, что та решила придти к ней в гости. Ненавидел Халатов, не сумевших её спасти. Ненавидел её родителей за то, что те даже как следует возмущаться не стали и решили замять шум, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но больше всего я ненавидел себя. За то, что меня даже не было рядом в момент её смерти. Даже во сне. Я только забрал часть её боли. Мог бы и больше. Но слишком испугался. Боль была слишком сильная.

Меня вдруг осенило. Да так осенило, что я аж подпрыгнула.

— Заболеть должна была только она, — высказала я свою догадку, — А ты разделил с ней свою болезнь.

— Если бы Королева не оборонила свой платок, она бы переболела ангиной. А я бы ходил с соплями и кашлем. Но Королева у нас жестокая. Поэтому я решил разделить с ней болезнь. Пневмония на двоих, знаешь ли. Травница сказала, что я дурак.

— Правильно сказала, — рассердилась я, — Чего удумал? Помирать вместе с ней?

— Да. Если понадобится, — сказал Вечность, — Но не понадобилось. Она ушла одна.

— Ты идиот, — сказал Кит, — Ты просто решил заразиться от неё, чтобы умереть в один день, как в сказке. Думаешь, ты бы спас её, а? Нихрена бы ты её не спас, чувак.

— Если бы Королева была такой, какой ты её описываешь, то она бы предложила нам обменяться участями.

— Ну уж нет, — нахмурился Кит, — Даже не думай об этом. Травница бы никогда не простила тебе такое.

— А что, так можно? — спросила я.

— Можно, — поморщился Кит, — Но нежелательно. Королева и это ей предлагала, но Травница ответила категорическим отказом. Даже договорить не дала. И Грань пересекать не захотела.

— Бросить его решила, — проворчала я.

— Он справится, — сказал Кит, — Она знала, что он сильнее, чем кажется. Безалаберный, глупый, доверчивый, но точно не слабый.

— Эй, хватит обсуждать меня так, словно меня тут нет! — возмутился Вечность, — И не сильный я. Слабак.

— Сильный, — сказал Кит, — Иначе бы не стал Знающим.

Вечность потупил взор.

— Может быть, — прошептал он, — И если бы я мог выбирать, я бы променял Грань на неё.

А скоро к нам попала Габи. Сначала её продержали в отделении для буйных, потом подселили к Мариам и ещё одной девочке, с которой я познакомилась следующим образом...

Я в одиночестве собирала цветы на заднем дворе. Среди веток деревьев чирикали птицы. За забором виднелся серый асфальт дороги, гремящий под колесами машин. Проехал какой-то тип на мотоцикле, помахал мне рукой. Из-за шлема я не видела его лица.

— Почему я, собственно, должна торчать тут? Это бесит, знаешь ли. Я абсолютно здорова!

— Радуйся, что ты не в отделении для особо буйных! А ваще, можешь попросить переселить в одиночную! Если они свободны...

— Ну уж нет. Что б я там совсем рехнулась в одиночестве?

В сад вышла Габриэль в сопровождении какой-то девочки с коричневым пиджаке. Она мне сразу не понравилось.

— А ты что, местный псих? — спросила незнакомка.

— Голоса в голове приказывают убить тебя, — сказала я, — Я ведь и послушаться их могу.

— Очень смешно, — сморщилась девочка, — Я Элис, и я ненавижу это место.

— Класс, — сказала я, — А я пить хочу. Габи, принеси мне сок.

— Сама принеси, — возмутилась Габи, — Я те официантка, что ли?

— Ну да, — осклабилась я.

Впрочем, заставляя её я не стала. Пошла в кухню и на полпути вспомнила кое что.

— Эй, Ромео!

Ромео выходил из палаты психотерапевта, будучи явно не в духе.

— Чего тебе? — грубо спросил он.

— Из наблюдательной палаты же можно выйти?

— Ну... Да. Типа того.

— Из наблюдательной палаты же можно выходить в сопровождении медперсонала? Да? Я вроде читала!

— Он не хочет, — прошипел Ромео, — Ты видела, в каком он состоянии был? У него пожрать сил нет, не то что выходить!

— Тогда почему они его там держат? — спросила я, — И это врачи называются?

— А что еще сделать? — развел руками Ромео, — С нами он видит кошмары. Короче, не хочу я об этом говорить...

Я зашагала от него прочь. Зашла на кухню, попросила у столовых работниц воды. Шла со стаканом воды по коридору и ловила на себе жадные взгляды пациентов. Потом меня поймала Ласка и затащила к себе в кабинет.

— Ну что? — спросила она, — Как с кошмарами и галлюцинациями?

— Снятся, — сказала я, — И затягивают.

— Ты пьёшь лекарства?

— Да. Но они не помогают.

— Не всегда лекарства помогают, — вздохнула Ласка, — Надо искать причину. С семьей как отношения? Не было насилия?

— Нет. Родители у меня хорошие, тихие мирные старички. Они мне даже слова поперек не говорили.

— А внимания много уделяли? Может, они от тебя отдалялись?

— Нет, всё было нормально. Они ласковые. Кстати, и ужастики я тоже не смотрела и не читала.

— А из родни никто не болел?

— Не знаю, не доводилось спрашивать. Как вы вообще себе это представляете? "Мам, а среди твоих предков случайно не было шизиков?"

— Смейся сколько хочешь, но это очень важно. Так, ладно... Всё это очень странно. В любом случае, у тебя на сегодня назначено МРТ. Надеюсь, ты не забыла?

— Нет. На 12.00. Я помню.

— Вот и отлично. Я пропишу тебе антипсихотики потяжелее и снотворное. Судя по синякам под глазами, ты давно нормально не спала. А здоровый сон очень важен.

Я взяла направление и пошла в кабинет МРТ. Шляпу пришлось снять, что мне очень не понравилось. В ушах загудело, но я решила не обращать внимания. Меня немного помучали, залезли в мою голову, подозвали к монитору. Мне стало не по себе, когда я увидела свой мозг. Впрочем, врач сказал, что всё в порядке и повреждений не наблюдается. Что-то начиркал в бумажке, сказал, что сам отнесет. Я вздохнула и вышла.

— Ну как? — спросила Ласка, выглядывая из кабинета.

— Все нормально, — сказала я, — Но я же говорила, что головой не ударялась. Врач сам принесет.

— Кстати, ты стакан с водой забыла.

Она протянула мне стакан. Я взяла его и продолжила свой путь в сторону крыльца. Удивлялась всю дорогу, почему мне не стало хреново после того, как я сняла шляпу. Видимо, ненадолго это было. А может...

— Вода!!!

— Водичка!!!

— Ты наша спасительница, Клэр, по гроб жизни буду тебе обязан!

Ребята сидели на крыльце, обмахиваясь газетами. Габриэль нахлобучила себе на голову сомбреро, Ромео сидел в цветастой панамке. Грег, Саймон и Эрик мазались кремом для загара. Зои читала утреннюю газету 10-летней давности. Причем за тот же день, что и сегодня.

— Чтобы стать достойными сего напитка, вы должны пройти испытания, — сказала я.

— Какие? — заинтересовался Эрик, — Рыцарский турнир? Ну, сейчас я всех вас уделаю, сосунки!

— Нет, — сказала я, — Давайте наперегонки к тому дереву, — Я указала на самое дальнее дерево.

— Так нечестно, — обиделась Зои, — Ты же победишь.

— Неа, — ухмыльнулась я, — Я бежать не буду. Башка раскалывается.

У меня действительно болела голова. И живот. В бессилии я села на ступеньки. Ко мне подошел Ромео и приложил руку ко лбу.

— Сильно болит? — заботливо спросил он.

— Да, — процедила я.

Всё перед глазами плыло. Я едва удерживалась, чтобы не упасть.

— Да что за черт?! — в сердцах вскричала я, — На мне же шляпа.

— Ты её снимала? — спросил Ромео.

— Да, — закричала я, — А как мне ещё сделать МРТ?! Что, тот тип получше способ не мог придумать?!

— Дура! — заорал Ромео, — Тебе же сказано было не снимать её! Это единственный способ, другого нет! Чем ты вообще думаешь?!

Его голос потонул в гуле машин. Каких машин? Множество шестеренок... Очень, очень много шестеренок.

Нет меня. И не должно быть. Что такое "я"?

Я растворяюсь в окружающем. Я растворяюсь в звездах и пылаю из последних сил перед тем, как остыть. Метеором падаю и стораю, чтобы люди могли ненадолго оторваться от своих дел и замороженно взглянуть на небо. Я кричу, но никто меня не слышит, потому что я слишком высоко.

Я и скала, которую точит океан, кровавой пеной ударяясь о меня.

Я и раскаленная пустыня, когда-то бывшая плодородной саванной, по которой ходили горделивые львы и изящные антилопы.

А меня нет. Хотя, кто я? Что я? Как меня зовут? Как звучит мой голос?

— А ну вставай давай, идиотка, а то халаты прибегут и уволочут в реанимацию!

Меня бьют по щекам. Больно. Ромео схватил меня за ворот.

— Как тебя зовут? — строго спросил он.

— Я...

Как меня зовут?..

— Клэр тебя зовут. Ну-ка ещё раз, как тебя зовут?

— Клэр...

Меня зовут Клэр?..

— Что ты любишь?

Я не знаю... Клэр. Это имя мне не о чем не говорит. Просто набор звуков. Причудливое сочетание. Но я не ощущаю себя Кэр. Я вообще себя ни кем не ощущаю.

— Как с тем мальчонкой, — побледнела Мариам, — Но у неё не могло быть этого синдрома. Ведь так, Ромео?

— Что ты любишь, Клэр? — продолжил наседать на меня Ромео, — Ты любишь осень, кошек, музыку. Тащишься от Бритни Спирз.

— Я люблю осень... — прохрипела я.

Начала вспоминать. Да, я люблю осень...

Ромео плотнее надвинул на меня шляпу.

— Спой, — приказал он.

— Что спеть? — опешила я.

— Бритни, — сказал Ромео, — Любую её песню.

Мариам сзади него начала петь. Я стала подпевать. Потом вырвалась из рук Ромео и

принялась танцевать. Ромео удовлетворенно смотрел на нас.

— Хорошо, что я вовремя успел, — сказал Ромео, — Тебя погружает всё глубже с каждым разом. Поэтому не смей снимать шляпу.

— Халаты заставят, — сказала я.

— А ты укуси их, — посоветовал Ромео.

Песня о превращении

Слёзами и кровью умою луну.
Потом и прахом омою я небо.
Раскаленную магмой обмою я землю.
Пеплом и пылью искупаю ветра.

— Не пой, пожалуйста, не пой. Помолчи хоть одну ночь. Я совсем обессилена.
— **Освободи меня.**
— Никогда.

Она тонет, причем тонет очень долго. Её тело тяжело, словно налилось свинцом. тонет затихшая песня в темных водах грязного пруда посреди ночи. Даже если бы она вырвалась на поверхность и закричала, её бы никто не услышал: вокруг никого нет и не предвидется. Наткнулась на холодный ключ и ногу свело судорогой. Теперь она даже бултыхаться не может. Безвольная тушка, вечно идущая ко дну.

Вскакиваю. Шляпа на месте.

— Так, видимо, о свидениях придется забыть, — бормочу я, — Мне надоело.

Бросаюсь к окну. За окном июль и фиолетовые сумерки. Форточка открыта, в комнату врывается теплый ветер, приносящий запах горелой травы. Скоро расцветет. И, кажется, пойдёт дождь.

— Скучно, — сказала я.

— Точно, — пробормотала Зои, — Тебя Мелодия убьет утром.

— За что? — опешила я.

— Ну, ты у неё сон украла, судя по твоим возгласам.

— Значит, у меня сноговорение... — проворчала я, — Отлично.

— Ой, а я вообще иногда кувыркаюсь с пеной, — хмыкнула Зои.

— А как я выгляжу во время приступа? — спросила я.

— Темнеешь, — охотно пояснила Зои, — Чудовищем становишься. И рычишь.

— Как Ворон?

— Ну... Надеюсь, у тебя до такого не дойдёт.

Июль — это замечательное время, когда к нам явилось стихийное бедствие по имени Элли. Почему стихийное? Да потому что сначала делает, а потом думает. И заболтает даже стену. Своей сумасбродностью и простотой она внесла иллюзию радости в наше гиблое место. Рядом с ней и я чувствовала себя светлой. Как оказалось, это было роковой ошибкой, но это была моя вина, а не её.

Элли — кудряшки и брови домиком, родинка под глазом и зубастая улыбка большого

рта. Пышные бедра и тонкие ручки. Юркие движения и поражающая способность очаровывать всех вокруг. Как будто это она Ворожея, а не я.

До её прибытия Вечность видел сон о том, как к нам придет муза возрождения, и в её следах прорастут цветы. Если Мелодия — муза песни и вдохновения, то Поступь — муза весны, и в отличии от Мелодии она целая.

Как только я увидела Элли, то сразу поняла, что она Поступь. Муза возрождения и весны, надежда на исцеления и вечный май. Радость и девичий смех, врачевательница разбитых сердец и солнечный свет. Теплая и родная. Когда с ней говоришь, то кажется, что знаешь её много лет. Даже асоциальные элементы её не боятся и тянутся к ней. Она не внушает ни страха, ни отвращения. Таким доверяешь сокровенные тайны и вручаешь свою жизнь.

Я ей сказала это, а она сначала не поверила. Но я поняла, что в глубине души она это знала. А я знала, что это её ищет Ворон. Это с ней он связан красной нитью судьбы и она делится с ним хорошими снами.

— Как-как ты сказала? Поступь? — удивленно переспросил Ворон.

— Поступь, — с нежностью повторил он, — Наконец-то я её нашел. Жаль только, что в клетке заперт и слабею.

— А сны тебе на что? — нетерпеливо спросила я, — Пригласи её сюда.

— А она примет приглашение? — задумчиво спросил Ворон.

— Примет, — кивнула я, — Поверь, примет.

И она приняла. И я, когда навещала Ворона, замечала, что он стал счастливей. А мне становилось грустно при мысли о том, что ей придется разбить своё сердце, чтобы выпустить его черную кровь.

— Я хочу пройти Инициацию, — заявила я.

— Уверена? — спросил Кит.

— Конечно, — закивала я, — Кошмары больше меня не мучают.

— Честно скажу, я не знаю, что будет, — сказал Кит, — Ещё не было Знающего с черной кровью. Про вас мы вообще мало чего знаем. Даже Дарящий.

— А что будет? — спросила я, — Как думаешь, что будет со мной во время Инициации?

— То, что ты не умрёшь, я тебе гарантирую, — заверил меня Кит, — Королева вытащит тебя, если что. Но если вдруг что-то пойдет не так, не строй из себя героиню и прерви Инициацию, а то пострадаешь.

— Хорошо, — сказала я, — Обещаю.

— Ночью приходи в сад, — сказал Кит, — Мы с Вечностью отведём тебя.

Я с трудом дождалась ночи. Стараясь, чтобы никто не заметил и не стал задавать лишних вопросов, я выскользнула из комнаты и бросилась в сад.

Сад дышал сыростью, мокрой травой, зеленью и ароматом цветов. Он пел голосом птиц и шелестящих кустов, стрекотом кузнечиков и журчанием воды. Я сняла тапочки и пошла босиком. Мокрая трава касалась моих ног, покрытых мозолями, и успокаивала их своей прохладой.

Меня ждали Вечность и Кит. Оба не по годам мудрые, у одного глаза сияли золотом и солнцем, у другого — тьмой южных ночей. Один бледен, как луна, другой смугл. Вечность улыбался, Кит оставался серьёзным.

— Идём, — коротко бросил Кит.

— Не бойся, — сказал Вечность, — Я подстрахую тебя.

— Королева и сама справится, — буркнул Кит, — Прекрати уже относиться к ней как к монстру.

— Если ты прекратишь ненавидеть Отступницу, — ответил Вечность.

— Чья бы корова мычала, — хмыкнул Кит.

— Хватит, — прервала я их.

В подвал вела лестница. Темная, темная лестница. Веяло холодом и сыростью. Но я продолжала спускаться. Сверху стояли Кит и Вечность, провожая меня взглядами. Я сделала последний шаг, отделяющий меня от неизвестности...

Обрастаю черной шерстью и когтистыми крыльями, крики не дают закрыть рот, глаза наливаются кровью. Тяжело дышать от собственной вони, волны жара исходят от тела. пытаюсь что-то сказать, но рычу. И это всё, что я могу. Я — чудовище.

Какого это — быть летучей мышью? Ты незряч, и видишь мир через эхо. Что такое свет? Что такое "видеть"? Непонятно. Да и зачем?

Я летучая мышь? О, я нечто хуже. Но я тоже слепа, и тоже не знаю, что такое свет.

Меня выворачивает наизнанку. То, что должно быть скрыто во мне, вываливается наружу. А то, что должно быть напоказ, скрывается в моих глубинах. Я словно и живу наоборот, как житель Зазеркалья. Я Бармаглот?

Я вырастаю и становлюсь размером с космическую даль. В моей шкуре светят звёзды. Но я не космос, увы — я могу лишь вырывать когтями звёзды. Я просто жалкий монстр, чудовище, исткаемое кровью. И пламя собственной ярости жжет меня. Я начинаю выделять пар. Пусть я сгорю, но тогда я лучше сожгу всё вокруг. Сожгу всех!

Направляюсь туда, куда меня тянет больше всего. И вижу ту, кого ненавижу. О да, муза весны. Я воспеваю смерть — она воспевает жизнь. Я ненависть — она любовь. Я ярость — она радость. Она так непохожа на меня. И она сильнее меня. Ненавижу. Ненавижу!!!

Её тонкий голос прорывается сквозь толстую пелену моего сознания. И достигает девчонку, сидящую внутри меня.

Клэр. Девчонка в шляпе, любящая воровать сны и гулять в саду. Девочка в черной шляпе, которая не умеет краситься. Девочка, которая чем-то на неё похожа. тоже любит жизнь. И эта девочка разрывает меня на части, вылупляется из меня, словно из яйца. Но я мигом засасываю её снова. Мы боремся — день и ночь, глубина и высь. Терзаем друг друга в долгой схватке, и сдержать нас способна лишь Клетка. Халаты, поящие ядом, бессильны — они глушат, но не побеждают.

Но Клэр сильнее. Её ведет тонкий голос музыки. Она наносит последний удар, и я исчезаю. Ты победила, Клэр.

Глоток воздуха. Слюни, стекающие по щеке. Перед глазами — окно в решетку. Чувствую себя Вороном.

Халаты спрашивают о самочувствии.

— Прекрасно, — улыбаюсь я, — Я чувствую себя такой свободной. Стало легче.

Они не верят и держат меня ещё какое-то время. Я послушно жру их еду, глотаю их лекарства и отвечаю на вопросы. Клетка кажется мне не страшной, а невыносимо скучной. А потом меня выпускают. И встречает меня, разумеется Элли.

Я шла по коридору, и она, увидев меня издалека, бросилась ко мне и повила на моей шее.

— Вау, тебя выпустили! А тут столько всего произошло! Ты не представляешь! Во-первых, Габи на меня набросилась! Жуть какая-то! Ну, Ласка её успокоила. Надеюсь, её вылечат! Жалко девчущку! Бедняга... Мы поможем ей. Я помогу. А ты поможешь? Мы подарим ей самые теплые воспоминания.

Я рассмеялась и одновременно расплакалась. Что за девчущка эта Элли! Жалко было отдавать её Брайану. Но я ему доверяла. Он не из тех, кто топчет цветы.

— Ты чего? — перепугалась Элли, — Это всё из-за клетки, да? Она всегда так действует на людей! Кошмар...

— Да я просто, — сказала я, вытирая слёзы, — Я от радости. Конечно, мы подарим ей лучшие воспоминания. Я рада, что ты, как я, её понимаешь.

И каждый из нас дал ей чуточку своего тепла. Вечность дал ей шум прибоя и ночную флейту, Кит — цветущие кусты, южную ночь и пальмы, Ковыль — бескрайние поля, выжженую траву и топот конских копыт. Троица — ловцы снов, млечный путь и песни индейцев, а Отступница — водопад, тюленей и прыжки дельфинов. Элли отдала ей всё, что могла — солнечный цвет и прикосновение лепесков, аромат сирени и шорох травы, веселый смех и песни у костра. А я отдала ей золотой свет осени, изогнутую тень кошки, обрывки мелодий и треск пламени в камине.

Жаль, что радио давно сломалось. Если бы она под него просыпалась, то её утро было бы самым счастливым. Так что мы решили выступать вместо радио. Вместо песен мы поведали ей секреты. И она была благодарным слушателем.

— Не знаю, что вы сделали, но вы определенно гении, — сказала как-то нам Ласка, — Она больше не пристает ни к кому. Так, дежурная привычка.

— Просто ей нужны были друзья, — сказал Блейн, — Она была очень одинокой девочкой и хотела близости. А это — единственная близость, на которую она была способна.

— Может, и так, — удивленно подняла брови Ласка, — Я не смотрела на проблему в таком ключе. Иногда стоит поучиться у пациентов.

Мы рассмеялись.

Конечно, это были чудесные деньки. Мы веселились изо всех сил, нутром чувствуя, что скоро расстанемся.

Всё решил тот пожар. Я знала, что Ромео был упрямец. Знала, что он не прощает. Блейн может дать второй шанс, и третий, и сотый. А Ромео — только один.

Пожар сжег их дружбу. Даже Элли была бессильна. Даже я. Хотя, куда мне?

— Дура! Он подверг вас всех опасности. Элли чуть не сломала спину и хотела взять всю вину на себя.

Он пил молоко прямо из пакетика. На нём были лишь шорты, и мокрый торс блестел на

солнце, отливая бронзой.

— Но не сломала, — улыбнулась я, — Блейн импульсивен. В этом они похожи.

— У Элли хоть мозги на месте, — пробурчал Ромео, — Знаю, это незаметно с первого взгляда.

— Но ты всё-таки прости его, — сказала я.

— Я не бросаю слов на ветер, — жестко сказал Ромео.

Его глаза сузились до двух щелочек. Этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Но это длилось лишь несколько секунд.

— Я так и не извинился, — смущенно сказал Ромео.

Я готова была поклясться, что он покраснел!

— За что? — недоуменно спросила я.

— Я не помешал тебе тогда, — сказал Ромео, — Ну... Тогда. Не думал, что всё настолько будет плохо. Понадеялся на Королеву. Я идиот.

— Всё нормально, — сказала я, — Я справилась.

— Знаешь, она сказала тебе не мешать, если тебе приспичит. Она сказала, что ты очень сильная. А я, дурак, её послушал. На тебя было страшно взглянуть. Ты на человека не была похожа, не то, что на себя.

— Но я победила, — сказала я.

— Я знаю, — кивнул Ромео, — но могла бы не победить. Так что больше не суйся. В следующий раз я тебя остановлю, даже если Королева собственной персоной вцепится в меня.

Песня об уходящей

Дальше мне было весело. Мы ели лимоны и давились ими, пели под гитару у костра, который разжигали на заднем дворе, рассказывали друг другу про созвездия, сочиняли страшилки и сами же потом боялись их, несколько раз ночью убегали из больницы и шлялись по дороге в свете фонарей. один раз я едва не попала под машину, другой раз нас спалил охранник Филин и мы поспешили ретироваться в свою комнату. Филин никому не стал рассказывать о нашем походе, но раз за разом я ловила на себе его нехороший взгляд.

Я знала о выборе Поступи. Я знала, что она выберет Ворона. Знала, что иначе один из них станет Застывшим. а я видела застывшего своими глазами и не желала никому из них такого.

Конец августа означал её решение. Конец августа означал засыпающее лето и маячившие призраки осени. Бабочки, сачки, жара, дожди, радуга, пыль дорог, ягоды, загоревшая кожа и выгоревшие волосы, драные коленки и запах засохшего пота. Мои волосы не выгорели, а у Зои кожа облазила. Я была итак смуглой, а кожа Блейна порозовела. Мы мечтали о том, как искупаемся в озере, отобрали у детей водяные пистолеты и устраивали каждый полдень водные битвы, а я вела учет. Элли не всегда на них присутствовала, а Зои с её "воздыхателями" не пропускали ни одной. Зои всегда побеждала, а они всегда проигрывали. Я выдыхалась к середине игры, но участвовала ради того, чтобы быть облитой и намеренно подставляла себя под удары.

Потом троица пыталась починить радио, Грег выпросил у брата соответствующую литературу и мы всем коллективом читали её, пытаюсь вникнуть в написанное.

— По-моему, он неисправен, — сказала Зои.

— Там что-то с антенной, — сказал Саймон, — Повредила и теперь плохо ловит.

— Провод отошел, — сказал Грег, — Вы постоянно за него таскали бедный прибор.

— По-моему, после того, как Эрик его уронил, в нём что-то сломалось, — сказала я.

— Между прочим, он прекрасно работал после этого, — возмутился Эрик, — Это с микросхемами что-то! Ничего удивительно, дешевые же и древние, как динозавры...

— У динозавров было радио? — хохотнула я, — Интересно, что по нему передавали...

— 100 способов приготовления молодого бронтозавра, — сказал Эрик, — И хиты от МС Т-Рекса.

— Тупость какая-то, — сказала я, — Ничего не понятно в этой энциклопедии.

— Просто кто-то прогуливал уроки физики в школе, — сказала Зои.

— Физика тут, типа, непричем, — сказала Габриэль, — Тут не школьная физика.

— Надо же, какие мы умные, — ядовито сказал Эрик, — Что, хочешь сказать, ты школьную отличаешь от нешкольной?

— Ну-ка расскажи, чем отличается резонанс от резистора, — попросил Грег.

— Ты дурак? — покрутила пальцем у виска Габриэль, — Резонанс — это явление, вообще-то. Объединение двух колебаний в одно более сильное. А резистор — прибор, предназначенный для регулирования тока в электрических цепях. Превращение силы тока в напряжение, напряжение в силу тока, поглощение и что-то типа того.

Саймон замороженно смотрел на муху в потолке. Эрик при последнем слове словно

пробудился ото сна. У Грега отвисла челюсть. Зои присвистнула.

— Идиоты, — сказала я.

— Че, выкусили? — показала язык Габриэль.

— Короче, я так понимаю, радио сдохло, — вынесла вердикт Кларисса, — Окей, я его выбрасываю.

— Стоп, стоп, куда намылилась?

Эрик одним прыжком преодолел расстояние между ним и Клариссой и вырвал из её рук радио. И согнулся под его тяжестью.

— Значит так, — сказал Эрик, поставив его на землю, — Мы его починим.

— Ты вообще в курсе, сколько ему лет? — поморщилась Кларисса, — Давно пора ему уйти на покой. Перестань мучить дедушку. В общем зале есть музыкальный проигрыватель. Вот его донимай, пока живой ещё.

Так мы и похоронили радио.

Я шла по пляжу, и волны ласкали мои босые ноги. Солнце ласково светило мне, грея мои плечи. Вдали показался дельфин. Он вынырнул из воды и скрылся в ней. Грациозное животное. И очень умное. Моей детской мечтой было попасть в дельфинарий. А ещё лучше поплавать с дельфином в открытом море. Они куда лучше ведут себя на свободе. Океан — их дом, а бассейны, где их держат — клетка. А клетка остаётся клеткой, даже если её прутья золотые.

Я погружалась в воду. по колена, по пояс, по грудь, по шею. Юбка вздулась куполом, ног касались водоросли и песок, щекочущий ступни. Глубже и глубже. Стая дельфинов подплыла мне навстречу.

— Давай с нами, — как будто говорили они мне.

— Я с вами, — кричала я, — Я иду к вам!

— Ты ещё далеко, — печально говорили они, — Ты ещё не с нами.

Я проснулась с острым желанием уехать отсюда. О чём я сообщила Ласке.

— Как твоё самочувствие? — спросила она, — Не снились кошмары?

— Они мне больше месяца не снятся, — проскулила я, — Когда меня выпишут? Мне так надоело здесь торчать.

— Тебе вроде нравилось здесь, — удивленно приподняла бровь Ласка.

— А теперь нет, — проворчала я, — Я тут уже всё лето торчу безвылазно. Безчеловечно это, знаете ли.

— За Вами нужен присмотр, — тяжело вздохнула Ласка, — Вы ведь понимаете, что у Вас не то состояние, чтобы вести нормальную жизнь. По крайней мере пока.

— Вот уж спасибо, — пробурчала я, — так когда меня выпишут?

— На этой неделе, — сказала Ласка, — Но Вы всё равно будете под моим наблюдением.

— Чего? — спросил Ромео.

Он ошеломленно смотрел на меня своими черными глазами, окаймленными ресницами.

Пушистые ресницы, как у девочки. На такие глаза больно смотреть. Я поспешила отвести взгляд.

— Я уйду, — повторила я, — Хочу уехать отсюда...

— Зачем? — почти что с мольбой в голосе спросил Ромео.

— Просто... — растерялась я, — Пойду на станцию со стеклянной крышей. Сяду на электричку и поеду. Буду смотреть в окно за поля, поросшие травой и залитые солнцем. Остановлюсь в городе у моря. Буду ходить по незнакомым улицам, слушать игру на гармошке, куплю жаренный каштан и эклеры, подойду к пляжу. тогда будет уже вечер, где-то в стороне будет пляжная вечеринка, а этот участок будет пустынным. И буду в одиночестве плавать, качаясь на волнах, и пить солёную воду.

— Воду пить не стоит, — нахмурился Ромео, — Мало ли какая гадость в ней находится...

— Хорошо, — кивнула я, — Воду пить не буду.

— Привези что-нибудь, — попросил Ромео, — Я бы ракушку хотел. Или морскую звезду. Помнишь часы посещения?

— Я не вернусь, — сказала я.

— Хорошо, — кивнул Ромео.

И всё. Он продержался мужественно. Уходя, я услышала, как он бьет кулаком в стену.

Прощаться с Элли было труднее. На дне её зеленых глаз таился секрет, который она не хотела высказывать, потому что знала, что я не поверю. Поэтому сделала вид, что отпускает меня.

Я говорила и говорила, надеюсь, что слова обернутся в правду и я уйду. Мне не было жаль покидать их. Неведомая сила тянула меня отсюда, и эта сила приказывала порвать все связи и оставить свою боль и нежелание отпускать здесь, в этом солнечном городе.

Я ушла, мою постель унесли, мою кровать, должно быть, займет другая девочка. Я вернулась домой и легла в свою постель, не раздеваясь. Всё ещё остаётся запах моих духов, всё ещё остались искусственные цветы на шкафу и раскрытый недочитанный журнал. Будто я не уходила вовсе. будто больница — затянувшийся сон.

Родители испекли мне пироги. Они вместе готовили, как всегда. Я чувствовала вкус горячего теста и запеченных яблок. Потом выпила какао.

В школу я приходить не стала. звонить друзьям тоже. Я их увидела один раз. Они шли вдоль дороги. Герман шел впереди, рамахивал руками, как ветряная мельница. Его хвост раскачивался из стороны в сторону. Неудержимо хохотал. Юбка Риши была похожа на свёрнутый плед. Она несла в руках букет из белых цветов. Похоже, их сорвали с соседского куста. Люблю такие букеты, они... Живые, что ли? Мира засунула в уши наушники и подпевала. Я не стала им кричать.

Я ничего не сказала Дейлу. Потому что тогда бы я захотела остаться.

А потом мне в голову пришла сумасбродная идея. Я сказала родителям, что уезжаю на несколько дней к друзьям, и они не стали возражать. Только попросили дать номер друзей. Я дала им старый номер Риши. Собрала немногочисленные вещи и встала около проселочной дороги.

Поездка автостопом. одно время Герман и Риша увлекались таким. С одноразовыми попутчиками они исколесили всю округу. Правда, потом Риша перестала ездить, а Герман

без ней не захотел.

Я выставила руку вперед, ловя машины. И заржала. Ни слева, ни справа от меня не намечалась ни единой машины.

— Что за идиотская идея, — сквозь смех сказала я себе, — И чего тебе в поезде не сидится?

Проехала какая-то машина. Старинный драндулет, издававший невообразимые звуки.

— Че, куда едем, красавица?

Из машины высунулся лысеющий мужик с сальными глазками.

— Пожалуй, подожду следующую, — сказала я.

— Пошла ты! — сплюнул мужик, — Разборчивая какая! Пока дождёшься другую тачку — состаришься! Полезай, кому говорят!

— Спасибо, не хочется, — улыбнулась я.

— Ну и сиди тут.

Машина уехала, оставив после себя выхлопные газы. Я закашлялась.

Дальше был дорогой спорткар. Он чуть притормозил, и из окна высунулась лохматая голова Тома.

— Ведьмочка? — хмыкнул он, выпуская клубы дыма, — Автостопом решила заняться? Куда едешь?

— В соседний город, — сказала я.

— Ой... — сконфузился Том, — Мы туда не поедем. Прости. Лови кого-нибудь другого.

Стекло поднялось. Автомобиль уехал.

Я сидела на сумке, голову напекло. Нестерпимо хотелось пить. Жужжали мухи, стрекотали кузнечики. На руках живого места не осталось от укусов насекомых. Я усердно чесала их, потеряв всякую надежду поймать машину.

— Опять ты?

Остановился до боли знакомый мне драндулет. Показалось недовольное лицо парня с заправки.

— Надо же, ты запомнил меня? — хмыкнула я, — А как я могла тебя запомнить из многочисленных попутчиков? Это судьба, чувак.

— У меня просто память на людей хорошая, — процедил парень.

— Я к морю, — сказала я, — Подвезёшь?

— Могла бы просто на поезд сесть, — проворчал парень, — Зачем с незнакомцами ехать? Дура, что ли?

— А вот взбрендило мне и всё тут, — пожалала я плечами, — Всё нужно пробовать впервые.

— Ага. И быть похищенной, избитой, без вести пропавшей... — парня всего передёрнуло, — Ладно уж. Садись. Твоё счастье, что твой попутчик порядочный.

— А ты почему не сел на поезд? — спросила я, — Так же быстрее. Да и цены на бензин сейчас, должно быть...

— Не люблю большие скопления людей, — перебил он меня, — Да и окно тут можно открыть, и никому не будет дуть. У меня от духоты обмороки.

— Какие мы неженки, — хмыкнула я.

— Хотя бы не сумасбродный, как ты, — огрызнулся парень.

Ты говоришь да — я говорю нет.

Ты говоришь "стой" — я говорю "уйди, уходи, уходи"

О нет!

Ты говоришь "прощай" — я говорю "привет"!

— Ты фальшивишь! — поёт парень в такт песне.

— Ты тоже, — пою я.

Песня заканчивается, мы включаем её снова. И снова. и снова. Потом нас начинает от неё тошнить и он включает "лимонное дерево".

Мы несемся по пустынной дороге, и впереди нас — только пустой горизонт и синее небо без единого облачка, которое пересекает шрам от пролетающего самолета. По бокам — высокая трава, дикорастущие цветы, перекасти-поле, репейник, ковыль, полынь. Кажется, я видела сурка, стоящего на одиноком пеньке. Вдали гоготали птицы, хлопали крыльями, поднимались в небо дружной стаей. Ветер перебивал вонь внутри машины, внося аромат горелой травы, дыма и цветов, остужал разгоряченную кожу, взлохмачивал волосы. Солнце светило прямо в лицо. Попугчик разбрызгал средство от насекомых. На шее красовался здоровенный укус слепня.

— Ехать будем долго, — предупредил он, — Надеюсь, ты взяла с собой еду? Потому что у меня её немного.

— Конечно, я... Ой.

Я обнаружила, что не взяла с собой ничего съедобного.

— Класс, — сказал парень, остановившись, — Будем, как первобытные, добывать себе пропитание. Я заточу копьё, а ты ищи давай коренья.

— А потом мы ничего не найдем и съедим друг друга, — мечтательно сказала я, — Ну, у тебя же есть немного еды? Будем экономить, значит...

— Ты же не прожорливая? — осведомился парень, — У меня только две банки консерв, упаковка печенья и газировка. Дам тебе половину банки, одну пачку печенья и 10 глотков газировки. На большее я не согласен.

— Идёт, — сказала я, — Мне этого вполне достаточно. Ем я мало.

Я давилась рыбными консервами, запивая их газировкой и заедая печеньем, которое было очень жестким и его было не раскусить с первого раза. Стало ещё жарче. Насекомые так и налегали. Вокруг меня принялась кружить пчела. Должно быть, за цветок приняла.

— Долго там? — раздалось откуда-то сзади.

Парень рылся в багаже.

— Закончила, — выдохнула я.

— Через минуту отправляемся, — сказал парень, не вылезая из багажника, — Проветри пока. Не хочу нюхать рыбную вонь.

— У нас итак окно открыто, — пробормотала я.

Попыталась включить вентиляцию. Не работала. Открыла дверцы, принялась махать газетой. Наконец парень закончил возиться с багажом и мы снова отправились в путь.

Вечером мы остановились. Спали прямо в машине. Я смотрела на звёздное небо, темную в сумерках траву и асфальт дороги.

Я не видела снов. Только чернильную тьму. Всю ночь она продержала меня в себе и выпустила только утром, да и то от настойчивых возгласов парня.

— Вставай, спящая не-красавица! — говорил он, — Давай, поднимайся.

Я посмотрела на небо.

— Шесть часов, — пробормотала я, — Ты мазохист, что ли? Или садист? Или и то, и другое вместе?

— Не знаю, как ты, а я хочу побыстрее приехать, — сказал парень, усаживаясь за руль.

— Окей, а меня зачем будить? — осведомилась я.

— А просто так, — усмехнулся парень, — Чтобы жизнь мёдом не казалась.

Мы снова гнали свыше дозволенной скорости и горланили старые песни. На сей раз нашей жертвой стали рок-н-рольные дядьки. Обедали опять ужаснейшей рыбой, жесткими печеньями и газировкой. Ближе к вечеру показался вдаль город. Невысокие дома, огни и кусок океана. Казалось, я слышу шепот волн. Что-то мне это наполнило.

— Ты там не обольщайся, — кинул парень, — До города ещё ехать и ехать.

Потом мы пели Фрэнка Синатру, а потом Джона Леннона и Йоко Оно.

— Почему все ругают Йоко? — спросила я, — По-моему, она изменила Джона в лучшую сторону. И вообще, она крутая.

— Мне вообще больше его сольная карьера нравится, — кивнул парень, — Хотя группа тоже ничего такая.

— Особенно Пол Маккартни, — облизнулась я.

— Избавь меня от своих фантазий, — фыркнул парень.

— А Леди Гага есть? — спросила я, — Или, как в психушке, самому новому диску 20 лет?

— Ты в психушке лежала? — приподнял брови парень, — Тогда ничего удивительного. Нет, новые у меня есть. Nirvana, например.

— И это, по-твоему, новое? — фыркнула я.

— Почему нет? — пожал плечами парень, — Учитывая то, что я слушаю в основном музыку от 20-х до 50-х годов.

— Ну ладно, включай свою Nirvanу, — разрешила я, — Слушать всё равно нечего.

Потом мы подпевали не самым приличным их песенкам, а я даже подтанцовывала, привстав с места.

Ночью мы тоже ехали. Приехали к четырем утра. Парень припарковал машину у мотеля.

— Деньги хоть есть? — вздохнул он.

— Деньги есть.

Мы расположились в соседних комнатах. Сразу же после бронирования я побежала к пляжу...

Песня о побеге

Несколько одиночек сидели на песке, расстелив полотенце. Смотрели вдаль, зарывая босые ноги в песок и закрывая лицо панамками. Фотограф возился с фотоаппаратом и лихорадочно читал учебник. Парочка держалась за руки и прогуливалась вдоль берега. Старик читал книгу Харуки Мураками. семья разжигала костер и жарила шашлыки, отец пел под гитару, старший сын возился с мясом, а дочка читала журнал. Из прибережного кафе доносилась музыка и если как следует принюхаться, то можно было почувствовать запах свежей выпечки.

Я рассеянно пела "так и быть", сняв шлепанцы. Ноги едва не обожгло нагретым песком. Галька врезалась в кожу ступней. Они у меня огрубевшие, потому что привыкли к постоянному хождению босиком, но всё равно неприятно. Ветер приподнимал юбку и грозился сорвать шляпу. Люди на меня пялились со странным выражением лица. Ещё бы: летний день, зной, жара, хоть прямо сейчас ложись и помирай, а я вся в черном и длинном хожу, да ещё и выгляжу как ведьма.

Шляпа оказалась в сумке, которую я рассеянно таскала с собой и тут же забыта. Следом за ней там оказалась одежда. И остался только купальник, который я всё это время носила под одеждой.

Подошла к океану и вошла в воду прямо в одежде. как во сне. неведомая сила влекла меня к горизонту. Дальше, дальше, ещё дальше. Туда, откуда не видно берега. Туда, где есть лишь волны, небо и дельфины. Где до дна не достать, даже если тонуть весь день.

Тут не было скал, гор и травы. Только пляж с каменными джунглями с одной стороны и бескрайняя водяная рябь с другой. Вода была тёплой и солёной. Но если отойти подальше, она становилась холодной. Наткнулась на скользкую скалистую поверхность и едва не подскользнулась. Интересно, тут есть медузы? Дельфинов, во всяком случае, не было. Я поняла это только когда погрузилась с головой в воду. Шляпа осталась на поверхности, и я оказалась наедине с липкой влажной **тьмой**.

Вышла уже не я. Это был кто-то другой. Вселенский зверь, в его глазницах сияли звёзды, а пасть была черной дырой. Его рык был подобен инфразвуку, когти подобны месяцу. Шкура была чернее космической тьмы. как тёмная материя, как абсолютная чернота, как первобытное ничто.

Это был зверь ненависти. И этот зверь был голоден.

Я пил любовь, глотал её жадно, и обращал её в ненависть. Он рыскал по городу и не нашел там пищи, потому что никто не видел черные следы, которые он оставлял после себя. И тогда он вернулся к попутчику и потребовал отвезти его обратно. Попутчик не заметил перемены в голосе "Клэр" и дал ей деньги на поездку обратно, сказав, что не собирается ехать обратно.

В поезде было много людей, и одни были наполнены надеждой и предвкушением новых впечатлений, другие с радостью возвращались домой. Ещё одни с неохотой покидали дом, другие с неохотой возвращались. В светлом поезде не было места черному зверю, из чьей пасти стекала дымящаяся слюна, кислотой прожигающая пол. Никто не заметил ни повреждений, ни слюны, ни чёрной крови. Они видели только оболочку, и в этом не было их вины. если бы они увидели нечто большее, то стали бы из тех несчастных, чей рассудок

расколол страх. Их кровь бы окрасилась в чёрный. О да, черная кровь любит страх.

Я вернулся в родной город. Я ничего не почувствовал, когда шел по проселочной дороге вдоль домов друзей Клэр. Я ничего не почувствовал, когда забрался через окно в психушку. Но когда вернулась муза, я почувствовал жажду.

Была одна проблема: Ворожея не хотела сдаваться. Я утопил её в своей тьме, проглотил её и заточил в своём бездонном нутре, связал своей ненавистью и парализовал страхом. Но она всё ещё билась и всё ещё кричала. Ворожея была хитра и запирала нужные воспоминания в старинные шкатулки, а ключи глотала. Когда надо было, она вытаскивала из себя эти ключи.

О, я бы разорвал эту шляпу в клочья. Но я не мог к ней прикоснуться. Я бы разорвал Ворожею в клочья, но её тело обжигало, словно пламя. Вот только пламя мне было не страшно, а вот **она**...

Поклятая муза мне сразу не понравилась. Слишком жизнерадостная, ребячливая, болтливая... Живая. И сильная. Есть такие люди: с виду невзрачные, неказистые и глупые, но внутри них скрывается стержень. Они не кичатся своей силой и не стыдятся её: они принимают её как данность. Их не возьмёшь тьмой, она стекает с них, как с гуся вода. Вот и с неё тьма стекала.

И я бы пробил эту защиту, я был в этом уверен. Зубами бы разгрыз её уверенность, когтями разорвал броню. Но не успел. Музу схватил Знающий, муза схватила Ворожею. Пробка вылетела, и образовавшаяся дыра засосала всё. В том числе и зверя. В том числе и ненависть. Но ненадолго. Он не сдастся, пока один из нас не умрёт.

Моя рука сжимает руку Поступи. Рука Поступи сжимает мою. Я судорожно глотаю воздух, как новорожденная. Свет режет глаза, а мир кажется таким ярким. Ковыль гладит мои волосы и что-то говорит, а я что-то отвечаю. что — не понимаю.

Слаба. Слабость разливается по моему телу. Вокруг брызги зловонной крови, пена и слюна. Поступь вся изранена, но своих царапин не замечает. Кит весь в крови и совсем ослаб. Весь дух отшибло, но он об этом не жалел. Он ругал поступь за безрассудство, а Вечностьгладил мои волосы. Ковыль вытирала меня, Отступница пошла за водой.

Кит дал обещание защитить меня, и пылающий взгляд его гипнотических чёрных глаз был устремлён на меня. Тоже безрассудный малый. Но слов на ветер не бросает.

Вскоре к нам ворвались Халаты и уволокли куда-то. Поили таблетками, кололи какую-то дрянь, рассматривали словно в микроскопе. Ругали. Больше всех заходила Ласка.

— И как я могла этого не предвидеть? — причитала она, — Знала же, что ты нестабильная. Тоже мне, ведущий специалист в области психиатрии.

— Подержать её надо в реанимации, — сплюнул мистер Эррони, — Парочку дней так точно. Мне интересно, почему родители не регулировали такое поведение? Им нормально, что их дочь уезжает хрен знает куда и возвращается в непонятно каком состоянии?

— Не вини себя, — говорила психотерапевт Ласке, — Все ошибаются. Психиатрия — сложная наука.

Продержали меня в реанимации, наблюдали, строчили что-то в блокнотах, пичкали таблетками. Таблетки в каше, таблетки в капсулах, таблетки, таблетки, таблетки. утопала в таблетках. На вене красовался синяк от неправильно сделанного укола, и Ласка на чем свет стоит ругала нерадивую медсестру, сделавшую мне такой "презент".

Потом продержали в Клетке несколько дней. И снился мне только один сон.

— Ты уверен? Это очень сложно.

— У меня всё получится. В отличии от тебя, мне не придется кого-то ждать. И, может быть, я найду эту твою девчонку. Как следует поищу её.

Ворон заливисто расхохотался.

— Ну, попробуй, — с одышкой сказал он, — Я её уже несколько лет ищу.

— Плохо ищешь.

Мальчишка был курносый, кудлатый, с выгоревшими волосами и загоревшей и обветренной кожей. Они сидели на заднем дворе на старой скамье под цветущим деревом. На голову Ворона приземлился лист.

— Я уже встретил Королеву. Она дала мне инструкции.

— Какие, например?

— Нужно ничего не бояться.

— Ты у нас вообще смельчак, каких ещё поискать, — тепло улыбнулся Ворон.

— Кончай издеваться, — насупился мальчик, — Я справлюсь. Я храбрый.

— Настолько, что боишься темноты и писаешься в постель...

— Эй!!!

— Ладно тебе, не сердись. Я любя.

Ворон потрепал русые волосы друга.

И снова лицо друга. О да, он не походил на человека. Да и на живого, в общем-то, тоже. Тот же взгляд, искажённый ненавистью и страхом. глаза, налитые кровью. Слюна, капающая с клыком. Утробный рык. Черной крови не было, была только ярость. Люди пугали его своей живостью и непостоянностью, и в его голове звучал незнакомый голос, твердивший одно.

Убить.

Растерзать.

Разорвать.

И его сопровождал белый шум. Белый шум, не дававший Ворону покоя ни днём, ни ночью.

— Ну всё, хватит. Не увлекайся чужими воспоминаниями.

На меня смотрит Вечность. Он по ту сторону.

— Так вот как чувствует себя Ворон... — пробормотала я.

— Ну, не совсем... — замялся Вечность, — Я поговорил с Халатами. Тебя утром выписывают.

— Хорошо, — кивнула я, — А то мне уже надоело тут сидеть. Давай иди к себе, пока не спалили. А вот мне поспать уже не удастся.

Занимайтесь любовью, а не войной.

Я знаю, вы слышали это раньше.

Любовь — это ответ, и вы знаете, что это правда.

О да, о да.

— Жесть какая-то, — простонала Зои, — Даже мой пьяный полуглухой дед лучше поёт.

— Жюли, ты меня прости, что я ругала тебя за непоподание в ноты, — сказала Салли, — Я ведь не со зла.

— Ага, и ты меня прости, пошла в задницу, что ругала за слишком низкий голос, — кивнула Жюли.

— Да ну вас, — обиделась я, — Вот уйду от вас опять. Будете сами рыскать по ближайшим пляжам.

Салли — девушка в инвалидной коляске, толстушка и ходячий антистереотип. Пережила анорексию, робостью не отличается, любит МКР, "хор" и футбол. Палец в рот не кладет — откусит вместе с рукой. Поступила ещё летом и спелась с Зои. Я с ней редко разговаривала, потому что таскалась за парнями. Но в последнее время мы начали общаться чаще. А что ещё делать, если живем в одной палате? Она научила меня играть в покер, остроумно шутить, играть на гитаре и петь. Узнав, что я битломанка, она вздумала отучить меня уродовать их песни своей манерой фальшивить.

А вот Жюли прибыла совсем недавно. А именно — буквально на днях. Горилла с нежным сердечком, знающая кучу отборнейших ругательств и имеющая двести пар носков. Сросшиеся на переносице брови, карикатурный шнобель и массимная фигура. Ей бы копом работать, сразу же уровень преступности снизится от одного её вида. Но для копа у неё её недостаточно жесткости.

К нам вошла Зои в красном свитере с оленями.

— У нас пополнение, — хмуро сказала она.

— Это же... Хорошо? — неуверенно спросила я.

— Ага, — озарилась лучезарной улыбкой Кларисса, — У новеньких можно отобрать вещи. Новые люди — новые вещи.

— Да ты зверь, — казалось, волосы на голове Салли стали дыбом.

— Дайте посмотреть, — попросилась я.

— Только издалека, — строго сказала Зои, — У неё такая аура, закачаешься.

— Летом у всех такая "аура", — хмыкнула я, но всё же послушалась Зои.

И правильно сделала. Мне достаточно было выглянуть в открытое окно и взглянуть на гуляющую в саду девушку в клетчатой рубашке и старомодных джинсах, чтобы захлебнуться этим приторным ароматом. Этот тип сзади её изуродовал до неузнаваемости. Элли назвала их сиамскими близнецами. И впрямь, сиамы. Сеящие тьму. От них трава вянет и холодно становится.

— Это просто жесть, — выдохнула я, — Пожалуй, с ней знакомиться не буду.

Песня о птицах

Поступь сделала свой выбор. И у меня было несколько недель на то, чтобы смириться с тем, что она уйдет. Близилась Ночь, Когда Все Двери Открыты. Ночь стирания грани между возможным и невозможным, ночь исполнения желаний и воссоединения разлученных. Ночь, когда Поступь уйдет и заберет с собой воспоминания о себе. Наверное, так будет лучше. Так мы не будем скучать. Так будет лучше и для неё, и для нас.

Вместе с осенью пришел холод и снег, припорошивший ковер из золотых листьев. Дыхание превращалось в пар, на окне иней нарисовал узоры и лужи покрылись корочкой льда. Эта осень была очень красивая, но вместе с тем и пугающая. Чем ближе была зима, тем мрачнее становился Вечность.

Поступь подтвердила мои догадки. Сказала, что эта зима будет особенно холодной и многое унесет с собой. А когда ей что-то кажется, что в большинстве случаев это правда. Да и я чувствовала ледянящее дыхание. И Кошка была тут не причем, в этом она ошиблась.

Чтобы отогнать тревогу, мы включали допоздна музыку, упрашивали Халатов включить телек, дрались едой, убегали на улицу без верхней одежды и носились друг за другом как угорелые, пока Халаты не сгоняли обратно. А по ночам я перестала спать и лежала без дела в постели, ожидая наступления Ночи, Когда Все Двери Открыты.

И вот она настала. Тихо, незаметно. Пришла вместе с зажженными фонарями, рисунками на стенах, гирляндами и фантиками от конфет. В городе люди обычно наряжались во всякую нечисть и выпрашивали у соседей сладости, а мы просто маялись дурью днём и совершали невозможное ночью.

Вечером нам включили телек. Мы смотрели на трансляцию концерта и завистливо вздыхали.

— Ничего, у нас лучше будет, — заявила Зои, — Подумаешь, под музыку дрыгаются... Мы это сами может. Ага?

— Ага, — согласилась я.

— Ага, — согласился парень с зелеными волосами, отказывающийся называть своё имя.

— Ага, — согласился Ромео.

— Так давайте, — сказала Габриэль.

Она вскочила на стол и принялась вилять задницей. Я прибавила звук на телеке. Зои стала подпевать.

— Бедная Элли, — сказала Зои, — Сидит у себя на окне, скучает.

— Халаты идут, — сказал Ромео.

Габриэль спрыгнула со стола и разочарованно села на ковер. Халаты выключили телевизор и разогнали нас по комнатам.

День здесь — вершина айсберга. Ночь всё решает.

Ночью дети высыпали на крыльцо, разбрелись по саду, ждали ответа на письма, которые они бросали под самое старое дерево. А на самом старом дереве распустились цветы, белые и красивые, как первый снег. Несуществующий обрел свою Февраль и плоть, и они танцевали вокруг толстого ствола.

Откуда-то донеслись звуки барахлящего радио. Я расхохоталась.

— Что, совсем нечего делать? — сочувственно спросил Несуществующий.

— Ага, — сказала я, — Ты похож на Орфея.

— Нет! — попытался закричать Несуществующий, но вышел только шепот.

Я пошла дальше слоняться по саду без дела. Над зеленоволосым склонялись ветви ели. Кит строчил стихи на стене, которые я прочитать не могла, хотя написаны они были на нашем языке и довольно разборчиво. Вечность рисовал дриаду, в чьих волосах рос дикий плющ. Из кустов доносился смех, игра на гитаре и песня бархатистым голосом. Мне стало грустно и одиноко.

Ходит легенда, что этой ночью Королева лично гадает самому потерянному из нас. Хотелось бы, чтобы это была я. Но я не потерянная. Кошка потерянная, её сиамский близнец пожирает её. Это даже не тьма, а нечто похуже. Хотя, что может быть хуже тьмы?

На белый снег опускаются капли крови. Не красной — черной. Два черных пятна, такие неуместные посреди всей этой красоты и праздника жизни.

Мальчишка сидит прямо на земле и играет на флейте. В саду снег, холод и голые ветви, а вокруг мальчишки летают мотыльки, распускаются разноцветные цветы и скачут маленькие пламенные зверьки. Мелодия несется извивающейся линией — она за секунду готова обогнуть земной шар, но остается подле него. Вот дракон из ярко-красного пламени исвобождается из оков и несется прямо на меня, грозясь проглотить, но хватает лишь воздух своими призрачными челюстями. А если бы он дыхнул на меня, то я бы сгорела? Сомневаюсь, что огонь сейчас может меня тронуть. Черная кровь не горит.

Флейта сделана из веток самого старого дерева. Если на ней сыграет кто-нибудь другой, то услышит только сдавленный свист. А этот играет — это его флейта.

Мимо идут Халаты. они не видят мотыльков, цветов и зверей, не слышат мелодию. Говорят о каком-то чердаке. Говорят, что пора бы его закрыть. Чердак... Оттуда открывался красивый вид.

Меня осеняет. Я бегу на чердак, стараясь быть незаметной. Сливаюсь с окружающей тьмой. Взламываю замок.

Там больше нет старых игрушек, пожелтевших тетрадей с выгоревшими надписями и рисунками, насекомых и пауков. Только гнезда с птенцами, горы пепла и искореженное пианино. Я подхожу к окну с выбитыми стеклами и смотрю вниз.

Отсюда всегда хорошо смотреть. Открывается вид на внутренний двор, широкую дорогу с уличными фонарями, уютящиеся домишки, похожие на спичечные коробки, одиноко стоящие деревья, почти сбросившие листья и поле далеко впереди. Пустынное, заснеженное поле без краев, юга и севера. Вот высится обособленный дом, белокаменный, красивый, с широким садом, собаками и высоким забором. Это дом Тома, который всегда опаздывает и ездит в школу на машине с личным шофером. Или это шофер его родителей... А вот дом с запущенным садиком, перезрелыми яблоками и кормушками для птиц. Это дом Дейла. Сейчас он наверняка сидит в комнате и читает Юкио Мисиму. А вот покоробившийся старый дом около озера. Это дом Германа. Сейчас он либо играет на гитаре, либо слоняется со своей компанией по улице. Наверное, из окна в его комнате открывается вид на озеро и спускающиеся к нему ступеньки. А вот маленький, но аккуратный домик, живая изгородь и множество клумб, но нет деревьев. Это дом Риши. Сейчас она спит дома. Она жаворонок и решила начать высыпаться и правильно питаться. Наверное, скоро смоеет розовую краску и

наденет платье, пылящееся у неё на антресолях. А вот дом, вокруг которого припаркованно множество машин. В саду блюют люди, в окнах свет. Это дом Миры. В учебное время закатывает вечеринки, на каникулах никого не впускает. Интересно, а где дом парня с автозаправки?

Город небольшой, полон огней, широких улиц и круглосуточных магазинов, стремных клубов, блюющих подростков, пустырей и заброшенных построений. Город, в котором летом жарко, а зимой идет мокрый снег вперемешку с дождем. Нет ни моря, ни озера, только грязный пруд, автоматические поливалки, лужи и шланги. Я в деревне купалась в бочке. Залазала в неё и стояла так, пока не надоест. А пото выросла и не помещалась.

Город у моря был совсем другой. Там был прохладный воздух, запах соли и выпечки, отплывающие корабли, песочный пляж, фотографы и бутики. У витрины стояли куклы, причудливые статуэтки, подвески, ловцы снов. На асфальте было нарисовано солнце. Но это всё равно было не то.

Мне нужно было дальше. Поймать попутчика и ехать куда глаза глядят. не спрашивать, куда: так вся магия пропадет. Просто ехать, вымывая кровь попутным ветром, выбивая тоску громкими песнями. Собрать полевые цветы и сплести из них венок, а старую одежду сжечь. Остановиться в большом городе и всю ночь ходить по его улицам — лучший способ познакомиться с городом. Остановиться в хостеле и написать на стене:

здесь была Клэр

Я подошла к пианино, освещаемому лунным светом. Любой, сыгравши на ней, почувствует себя музыкантом. Но так, как у Вечности, мало у кого получится.

Играю "реквием по мечте". Вкладываю всю ярость и всё отчаяние. В конце в сердцах бью по клавишам кулаком.

— Не мучай ты так пианино, оно ни в чем не виновато.

Вечность. В изъеденном молью свитере и лохматыми грязными волосами, в которых застряло перо. Золотые глаза светятся в темноте.

— Ну, чего? — кивнул он, — Надумала?

— Я хочу уехать отсюда, — сказала я.

— Куда?

— Куда угодно. Поймать первого попавшегося попутчика...

— ...И уехать в багажнике в лес, — закончил за меня Вечность, — Хорош способ, нечего сказать. Только уж слишком радикальный.

Он ложится на пепел. Я следую его примеру. Мягко. и тепло. Будто совсем недавно был пожар.

— Спина всё ещё болит, — сказал он, — Особенно по ночам. Как будто я только что упал. Халаты сказали, что всё зажило. Ничего у меня не зажило...

— Была бы тут Поступь... Стоп. Кто такая Поступь?

— Кто такая...

Забыла.

Мы летели в холодном небе, без усталости размахивая крыльями. Мои перья были сизые, его — белые. Потоки воздуха подхватывали нас и уносили вдаль, к перистым облакам, бледному серпу месяца и садящемуся солнцу.

— Быстрее, — сказал Вечность.

— А я итак машу изо всех сил, — чирикнула я.

— Надо махать ещё быстрее, чтобы не отставать, — сказал Вечность, — А чтобы обогнать — в два раза быстрее, чем можешь.

— Но это бессмыслица, — сказала я.

— Мы две говорящие птицы, — сказал Вечность, — Какой тут должен быть смысл?

Внизу проносились поля, похожие на плиточный пол. Одинокие фермы и хутора, уменьшенные деревья и крохотные холмишки — всё это было словно игрушечным.

— И если протянуть руку, то можно их разбросать, — вслух сказала я.

— У нас нет рук, глупенькая, — рассмеялся Вечность, — Ускоряемся! Впереди океан.

Проносимся над пестрыми крышами домов, сидящими на проводах грачами, трубами и антеннами, деревьями, кустами, лужицами, столиками. Проносимся над линией берега, ракушками, круглыми камешками и песком. Вдали уплывает одинокий корабль.

Вокруг только сверкающая водная рябь, синева с лоскутами облаков и оранжевая линия горизонта. Пахнет солью, севером, рыбой и водорослями. От воды веет прохладой. Вижу серебристую стаю рыбешек, ярких медуз и коралловые рифы. Сама не заметила, как близко склонилась к воде.

— Осторожно, — сказал Вечность, — Смотри, чтобы вода на тебя не попала.

Впереди плыл корабль, качаясь на воде. Белогривые волны ударялись о его борта. Я села на мачту и в голове сами собой возникли строки.

О, если бы я была дроздом, который может свистеть и петь,

Я бы следила за судном в парусах моей истинной любви,

И на верху оснастки я бы свила гнездо,

Где бы трепетала крыльями над грудью моей белой лилии.

— И кому это ты поёшь? — усмехнулся Вечность, — Нас не слышит никто. Давай, полетели отсюда.

— И куда? — спросила я, слетая с мачты, — Думаешь, мы перелетим океан?

— Если будешь отвлекаться и задавать глупые вопросы — не перелетим, — хмыкнул Вечность.

Казалось, нет конца и краю этому океану. Но такая бесконечность меня устраивала. Соленая вода, сверкающие брызги и шепот волн — что может быть лучше? Абсолютно ничего.

— Что чувствовали древние мореплаватели? — спросила я сама себя, — Наверное, их и не интересовал исход плавания. Волны и чайки пели им колыбельные, океан качал корабль, как люльку, а звёзды и Луна служили светильниками.

— Много болтаешь, — сказал Вечность.

— Знаешь, откуда произошло название Гренландии? Первопроходцы среди снегов увидели зелёную траву.

— А мы ничего не увидим, если продолжишь в таком же духе, — ощетинился Вечность, — У меня итак силы на исходе.

— Молчу-молчу.

Крылья начинают болеть, солнце садится и становится темно. В небе проносится шумный самолет, оставляя длинный белый хвост, быстро превратившиеся в очередное большое облако. Показываются первые звёзды, отражающиеся в воде. Я чувствую усталость, но пейзаж не надоедает. Это скорее прятное усталось и приятное оцепенение.словно

утренняя нега.

Впереди косяк перелетных птиц. Закрытое коллективное сознание, строгая иерархия. Им нет до нас дела, но я знаю, что они чувствую тоже самое, что и я.

— Не долетим, — расстроено сказал Вечность.

— Не долетим, — повторил он, лёжа на чердаке, — Но лучше, чем ничего. В прошлый раз я до берега не долетел.

— У меня руки устали, — сказала я, — И одежда провоняла рыбой.

— Но тебе понравилось, — скорее утвердил, чем спросил Вечность.

— Ага, — сказала я.

— Кит научил...

Вечность сделался грустным.

— Помирись ещё, — сказала я, — Кит вовсе не злой. Просто колючий.

— Да не в этом дело, — отмахнулся Вечность, — Он не отказывается от своих слов. Дело не в отношении, а в принципах.

— Дурные принципы у него тогда, — буркнула я, — Подумаешь, чердак подпалил. Поступь на него даже не злилась. Как и я. Он-то чего возмущается? Хорош друг, нечего сказать.

— Чердак был поводом, — терпеливо, как маленькому ребенку, объяснил Вечность, — Просто дружить нам не судьба. Так уж получилось.

— Жалко, — сказала я.

Вечность помрачнел. Пепел остыл, а за окном поднималось солнце.

Песня о смехе сквозь слёзы

То, что нас ждёт болезнь, я догадалась ближе к зиме. Это было заметно и по сморканиям, и по лихорадочному блеску в глазах Блейна, и по шарфику Элис, и по запаху антисептиков, и по горячему чайному пару, сопровождающему нас везде. Грядущая зима рисовала узоры на стеклах, посыпала траву белым снегом, дула холодным ветром, срывая с деревьев последние листья, заставляя их застывать и трескаться, сковывала лужи тонкой корочкой льда. Выла у трубах тоже она, и она же сближала людей под клетчатыми пледами, у костров настоящих и воображаемых, у чашки чая. Люди грелись сказками, анекдотами, песнями и страшилками, вместе ели и вместе засыпали. Одному тут было холодно, тоскливо и боязно. Когда я зашла в палату Сандры, то поразилась тому, как там холодно. Дыхание превращалось в едва заметный пар, кончики пальцем и носа делались ледяными. И дело было даже не в отоплении. В палате с Блейном, Ромео и очкариком было тепло и уютно, а у нас жарко, так что приходилось ходить в шортах и майках.

Приближался ноябрь, и мы ссорились друг с другом, потому что были не в ладах с собой. Зою каждую ночь металась в постели, и к утру она вся была пропитана её холодным потом. Днём вела себя как ни в чем не бывало, но надне её зеленых глаз я видела тень страха. Такие, как она, его постоянно испытывают, постоянно бояться потерять контроль над собой. Но больше, чем потерять контроль, она боялась Клетки, потому что видела, что она делает с людьми.

Я решила не спать. По ночам я лежала в постели, смотрела на потолок и пыталась прогнать все мысли, роящиеся у меня в голове. Голос шептал снять шляпу и закрыть глаза, и мне хотелось воткнуть иглы в уши, чтобы он заткнулся. Вечность разводил руками — Кошке он помог, а себе могу помочь только я. Мне казалось, что если я убегу, то всё закончится, но Ласка меня выпускать не хотела. Говорила, что моё состояние нестабильно. Говорила, что мне нужна помощь.

Кошке хорошо — ей больно. Она плачет по ночам и зовёт своего мальчишку. Клариссе хорошо — ей стабильно хреново. Отказывается рассказывать, что с ней и молча рассыпается на части. Её зеркальное отражение расколосось, хотя трещин нет — я долго проверяла. Зою хорошо — помучается, побрызжет пеной и успокоится. И её метаморфозы приносят пользу — она чует беду. Беревестник, как же.

Хотите меняться? Давайте меняться. Обрато запроситесь, поймете, почему я противная и злая.

А потом у Буревестник случился приступ. Остальные не поняли её слов, а я разглядела скрытое предупреждение. Они уйдут — Вечность, Несуществующий и зеленоволосый, которого я мысленно окрестила Безымянным. А мы останемся здесь догнивать — пегий дракон, космический зверь и капитан потонувшего корабля.

Кит мог бы уйти. Но остался.

— Я не пойду, — сказал Кит, — Я не беглец.

— Киты любят странствовать, — задумчиво сказала я.

— Я слишком большой и толстый, — сказал Кит, — Я люблю плавать у поверхности и лениво есть планктон. Мелкие рыбёшки пускай спешат неизвестно куда, а я останусь дрейфовать.

— Жалко его, — сказала я, — Все, кого он любил, ушли, предпочитая отвергнуть Грань. Только он прошел. но стоило ли это того? Я всё время вспоминаю его фразу о том, что он бы это всё отдал, лишь бы Травница вернулась.

— Если он останется на этот раз, то умрёт, — прошептал Кит, — Я чувствую запах смерти от него. Такой удушливо сладкий. Он умрёт подобно Травнице, будет умирать медленно и мучительно. Поэтому я его не держу.

— А почему сам не уйдёшь? — спросила я.

— Разве я могу бросить тебя? — улыбнулся Кит.

— Прости его, — взмолилась я, — Мне больно видеть то, как вы цапаетесь. он ведь так одинок. Вы видите в нём либо усталого мудреца, либо ехидного подростка, рисующего срамные места, а я в нём вижу пугливого ребенка.

— По сути, мы все ещё дети, — вздохнул Кит, — Сколько бы жизней не прожили и сколько секретов не узнали.

Я опустила взгляд на пол. Грязный. Откуда в больнице грязь?

— Я простил его, — вдруг сказал Кит, — Только поздно уже мириться. Да и не умею я.

Болезнь наполнила больницу кашлем, соплями и горячечным потом. То тут, то там раздавалось монотонное жужжание ингалятора, пахло медикаментами и целебным чаем, все ходили в свитерах, шарфах, шерстяных носках и порой в перчатках. Мы окуривали комнату благовониями. На самом деле это были простые лечебные благовония по рецепту моей бабушки, но Сандра думала, что они магические, и это было забавно.

Увели Жюли, пока та нас не заразила, но поздно. Зои и Кларисса хором бились в лихорадке, носили по несколько слоев, жаловались на боль в горле и ломоту в костях.

— Нефиг было на улице хороводы гонять, — хмыкала я.

— Кто бы говорил, — ворчала Сара.

— Ой, уйди от меня, — шутливо я отмахивалась от напиралюющей на меня Зои, — Заразишь ещё. Будем дружно сморкающейся парочкой.

— Троицей, — поправила Кларисса, — Мы будем дружно сморкающейся троицей.

Как бы то ни было, Халатов обмануть не удалось. Кларисса брыкалась, кусалась, царапалась, визжала, кидалась во всех предметах, так что с ней беднягам пришлось повозиться. С Сарой проблем не было, она гордо восседала на коляске, как на троне, пока её увозили. Зои ушла позже всех, пережив несколько ужасающих приступов, и все были днём. Дурной знак, они обычно у неё ночью.

Габриэль выбыла до того, как всё началось, и провожала её только я. Обнимались, целовались, я обещала выйти как можно быстрее, она обещала меня дождаться. Будет ли так — посмотрим. А пока мы проливали горячие слёзы и Халаты в итоге расцепили нас и отправили меня на осмотр.

Остались мы с Сандрой. Девочка безобидная, только грустная очень и потерянная. Мы играли в шашки, читали друг другу вслух и ссорились из-за открытого окна.

Перед отплытием я хотела подарить Вечности прощальный подарок. Готовила его долго, каждую ночь обмывала его в лунном свете и северными ветрами, держала в воде и в огне, и на третий день он был готов, а я была обессилена. Решила взять с собой Сандру, почему — не знаю.

Опять слышала голос стен и вздохи тех, кого здесь больше нет. Хотелось зажать нос,

чтобы не чувствовать приторно-сладкий аромат, вставить в уши беруши, чтобы голоса заткнулись. Но ни то, ни другое бы не помогло.

Тенями тихими мы пробрались в его палату, я вручила ему подарок и отправила Кошку обратно. Та тропинка, по которой мы шли, была незаметна Халатм, так что я могла не беспокоиться, что её заметят.

— Кит простил тебя, — сказала я Вечности, — Не знаю, имею ли я право говорить тебе. Просто, чтобы ты знал.

— Хорошо, — кивнул Вечность, — Я должен кое-что сказать тебе. Девочки уже знают. Осталась ты.

Он притянул меня к себе. Мы оказались на его кровати.

— Что?

Реки, реки черной крови. Жилы дома наполнила черная кровь и пропитала сердца присутствующих. Заглушила песни, треск костра и стерла буквы. Буревестник теперь не гордая морская птица и не огнегривый дракон. Её глаза светились красным пламенем и зелёным ядом, а когти были направлены на присутствующих. Её пламя теперь черное. И черное пламя сожгло её воспоминания, оставив лишь ненависть и страх. Эта картина мне кажется знакомой.

— Буревестник! — в отчаянии кричу я, — Зои! Зои!

Она не слышит меня из-за черной крови и пелены времени. Закована в клетке, бьется о стены и дверь, и повсюду разбрызгана черная кровь, только Халаты её не видят. Ходят в ней, пачкаются в ней, но ничего не замечает, и это очень-очень мерзко.

— Это ещё не всё, — сказал Вечность, — Прибереги силы для остальных. Потом дам нарыдаться, а сейчас смотри.

Отступницу не выпускает из пасти зверь, перемальвующий её кости. Он гоняет её по лабиринтам и катакомбам, но, в отличие от Крита, у неё нет клубка. Тысячи лет проносятся за одну ночь и просыпается она старая, но в молодом теле, и не может вспомнить своё имя и лица друзей.

— В отличие от некоторых, её некому вытащить, — сказал Вечность, — Её заколят антипсихотиками и те высосут из неё все сны. Она перестанет их видеть, когда начнет принимать, но тьма вернется с утроенной силой, если она пропустит приём. а пропускать она будет довольно часто.

— А остальные? — спросила я.

— Тающая переболеет, у Жюли сядет голос из-за осложнений, но с ними всё будет в порядке. А вот с этими двумя нет.

— И их нельзя спасти? Нельзя увезти на корабле? Королева же давала выбор Травнице, а им нельзя помочь?

— Что у них теперь общего?

Вечность указал на корчащихся девочек.

— Черная кровь, — сказала я, — Она заразна?

— Твоя заразна, — сказал Вечность, — Твоя расплзается, очерняя самых беспомощных. А Буревестник и Отступница очень беспомощные и чем-то похожи на тебя.

Его губы приблизились к моему уху. Кожу обожгло раскалённым дыханием.

— Тьма не имеет ничего общего с безумием. Безумие — лишь следствие.

Он гнусно расхохотался. Меня всю передёрнуло.

— У нас странный город. Здесь и с ума сходят по-другому. Одни называют его омутом, другие находят уютным.

Я испуганно отшатнулась.

— Знаешь, я был в других городах. И был в другой психушке. Ничего общего — ни Грани, ни Знающих. Была одна малютка, она меня поняла. Так и не заговорила, но ничего...

— Вечность, ты страшный.

— А ты нет? Посмотри на себя. Черные волосы, черная одежда, черная шляпа, черная обувь, чёрные глаза. Даже кожа летом стремится к черноте. А по ночам на тебя жутко смотреть. Тьма сочится из тебя и не даёт девочкам дышать.

— Тогда что ты предлагаешь?! — вскричала я.

— Уезжай, — сказал Вечность, — Не оставляй адреса, не давай контактов. Беги, сжигая мосты.

— И это поможет? — недоверчиво спросила я.

— Им — да, — кивнул Вечность, — А тебе — кто знает?

— Не зря меня тянуло отсюда, — вздохнула я, — Может, хоть полетаем напоследок?

— Я обессилен, — сказал Вечность, — И опустошён. Я едва могу ходить к друзьям. Увы, обойдёмся простыми объятиями.

Обнимаемся. Я чувствую через свитер крупной вязки тепло его изможденного тела. Чувствую касание мягких волос, пахнущих мёдом, горячее дыхание. Чувствую его дрожь, смятение и сомнение. Выпирающий позвоночник и лопатки. Его руки на моей спине, глядящие мои волосы.

— Буду скучать, — шепчет он.

— Я тоже, — отвечаю я.

— Не будешь, — грустно-весело говорит он, — У всех оставшихся память обо мне сотрётся.

— И они многое потеряют, — сказала я.

— Прямо уж, — хмыкнул Вечность, — У них Кит есть. Не пропадут.

— Киту не придет в голову превратить меня в птицу и попытаться перелететь море, — смеюсь я.

— Он может, — серьёзно сказал Вечность, — Если постарается, то перелетит океан и доберется до Гренландии.

— Или до Скандинавии, — вздыхаю я, — Будем летать над фьордами, полями и овцами. И даже не будем помнить о тебе.

На пол капают слёзы. Вечность пугается.

— Ну, будет тебе... Ты забудешь обо мне. Никому не будет больно, потому что..

Слезка скатывается и по его щеке.

— У меня и слёзы заразны, — сквозь плач улыбаюсь я.

— Ты бы видела сейчас себя, — внезапно разразился смехом и рыданиями он, — Вся рожа в соплях, косметике и слезах, да ещё и распухла. И красная. Всю драму убила, блин.

— Ты не лучше, — усмехнулась я.

И мы ржали и рыдали, рыдали и ржали, пока не выбились из сил.

— Сохрани этот подарок, — сказала я, — Где бы ты не был, время от времени разворачивай его и вспоминай о нас.

— Хорошо, — кивнул Вечность и снова закашлялся, — Всё, иди давай, сейчас Халаты

придут, — прохрипел он.

На этот раз сильнее и страшнее, с хрипами в груди и кровавой мокротой. Послышались шаги. Я поспешила скрыться.

Песня о сражении

Ночью я слышала шепот и хлопанье небесных птиц.

Мне снилось, что я птица. Я хотела полететь, но поняла, что мои перья общипаны. Поэтому я разозлилась и принялась щипаться. Знаешь, это ведь не мои кошмары. Не я птица.

С детства каждую ночь я сражался. И до посвящения я сражался. каждую ночь, от заката до рассвета. А сегодня я заглянул противнику в лицо. Я думал, что это моя тень или отражение, но разгадка была ещё ужасней. Это был я. Каждую ночь я сражался самим с собой. Я звал на помощь через рисунки и язвительные комментарии, но никто этого не слышал. Так я и остался в их глазах мудрецом и язвой.

Я мёртв, потому что не рождался. Я сбросил свою хвою и закрыл дверь на замок. Я таскаюсь за ней, потому что она тёплая, но моё сердце все равно заморожено. И даже флейта покрылась пылью в моих руках.

Кит утаскивал меня в свои сны и дверял секреты. Я подглядывала за его воспоминаниями и детскими сновидениями, но не вмешивалась. Куда мне? Я не муза, исцелять сердца не могу. Я наблюдатель, покрывающийся трещинами. Но кое-что я могу.

— Ты ведь даже не знаешь, победил ли себя, — сказала я, — Посмотри внимательно. Добил ли?

Он кричит и извивается.

— Не убегай, — сказала я, — Смотри внимательно. Это ты. Это твоя ненависть к себе.

— Не хочу, — прохрипел он, — Это длинная тень... Отвали! Обязательно надо разбирать чужие секреты по кусочкам?!

— Ты сам меня впустил, — сказала я, — Посмотри вниз. Не отводи взгляд.

— Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем, — цитирует он, — И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.

— Если ты его боишься, то думаешь, что он сильнее тебя, — сказала я, — И тогда он станет сильнее тебя. Но ты сильнее его. ты похож на него, и вместе с тем не имеешь с ним ничего общего. Всё это ему известно, и посему он стремится занять твоё место. Ты не уплывешь, если не победишь.

— Догадливая.

Лицо Кита исказила безумная улыбка.

— Сколько бы я его не побеждал, он возрождался из пепла. И сколько бы я не звал на помощь, никто не пришел.

— И не придёт. Это твой доппельгангер и твоя тень. Это твой враг, несущий тьму в своём сердце. Я услышала твой зов, потому что сама пропитана тьмой. Свои слышат своих, но даже я не смогу тебе помочь.

Он смотрит вниз. Длинная тень издевательски ухмыляется.

— У него его глаза, — ошеломленно прошептал Вечность, — С него всё началось. В его глазах горела тьма, и тьмою он кричал, и тьмою истязал.

Он глухо зарыдал, а затем рассмеялся, не поднимая глаз.

— О да. Я ненавижу себя.

Он бледнеет. Тень ликует. Плохо дело.

— Не того ненавидишь, — кричу я, но он не слышит. Зато слышит тень.

— Я ненавижу себя, — повторяет Кит, — И это моя сила. Это даже не тьма. Это расщепление. Ха! Я побеждал раз за разом, и пока он был мертв, я мог дышать свободно. Но в моей душе таилась ненависть, и она изливалась через рисунки.

Он закусил губу. Кровь темнеет. Я не на шутку пугаюсь.

— И эта ненависть питала его. Пока я не приму себя, он будет жить. И однажды заменит меня.

Его ноги исчезают во тьме двойника. Я бьюсь в истерике, но повлиять на ход событий не могу.

— Но я этого не приму, — сказал Кит, — Не допущу.

Если бы двойник мог говорить, он бы хохотал.

— Но виноват не я. А он. И он — сволочь.

Неправильный ответ, Кит.

— Думаешь, я скажу, что теперь я возненавижу его? Нет. Поступлю как Вечность.

А вот теперь правильно. Тень теряет. Нет больше силы, питающей его.

— В последнее время он перестал рисовать рисунки. зато собрал старые и сжёг их. Я был единственным свидетелем его победы. Он не знает, но я очень обрадовался за него. И в то же время позавидовал, что я так не могу. А теперь, как оказалось, могу.

Черные глаза светились радостью.

— Я знаю, что ты смотришь, Ворожея. Смотри, лицезрей — я сильнее!

Тень злится. У неё ещё остались силы.

— Нет, — качает головой Кит, — Я не скверный, не мерзкий, не плохой. Я достоин жить, а вот ты нет.

Тень слабеет, Кит напрягается. Последний бой, в конце которого только один вернется обратно.

— Я больше не ненавижу себя и не ненавижу его. Я не слабее Вечности и тем более не слабее тебя.

Они схватились в последней дуэли. Кит оттеснял двойника далеко, в темный уголок. Нанес последний удар, и тень разбилась, растеклась и растворилась, оставив после себя облако праха.

— И правда, — сказала я, — Дело не в пожаре.

Кит обнял меня и сжал крепко-крепко.

— Не терпится дождаться утра, — сказал он, — Я посмотрю наконец в зеркало.

— Приятно почувствовать себя музой, — сказала я, — Хотя я ничего не сделала, только ткнула мордой в тень.

— Звучит знакомо, — отозвался Кит.

Он скорчил обиженную мину.

— Так нечестно. Это я должен тебя спасти!

— Разобьёшь за меня своё сердце?

— Нет, по посуду могу, — ухмыльнулся Кит.

Скоро Вечность ушел. Тихо, по-английски, забрав с собой сияние звёзд. Несуществующий двинулся вслед за ним, и под руку вел Февраль, которая была уже не безмолвной тенью и воплощенным желанием, а живой девочкой из плоти и крови.

Воспоминания стерлись, как записи карандашом под ластиком. Сначала я забыла их лица, потом голоса, потом имена. Несколько дней меня преследовало чувство, будто я что-то забыла.

По мере исчезновения зеркального отражения Отступницы мне становилось хуже. По утрам она не могла вспомнить своё имя и не узнавала себя в зеркале. А один раз я не увидела лица в её отражении. и тогда поняла, что дело плохо.

— Где я? — спрашивала она, — Что за страшная женщина надо мной нависает? Когда закончится этот страшный сон...

— кто ты? — спрашивала я.

— Я пять тысяч лет прожила, — говорила она, — Я уже стара и дряхла. Быть может, я и родилась такой? Потому что ни детство, ни молодость я не помню. А помню только тягучую и зябкую старость.

Это было странно, потому что выглядела она ребенком.

— Тебе 15 лет, — говорила я, — Посмотри на себя.

Поднесла зеркало, но она вскрикнула, не узнав лица.

— Кто это? — кричала она, — Нет, это не я! Мы даже не похожи! Это не я!

И потому её утащили в Клетку и долго говорили с её безутешными родителями. Мы с Буревестник прилипли ухом к двери, но всё, что мы поняли, это то, что шанс спасти её 50 на 50. А потом у Буревестник случился приступ, и она держала меня за шкуру, рассказывая сказку про утопающий корабль. Раз за разом он переживает свою смерть, и раз за разом память членов экипажа отшибает, а пассажиры вообще ничего не замечают.

— Смешно, — хрипела она, — Они жрут, пьют, веселятся, а корабль идет ко дну и раскалывается на части. Ну смешно же, правда? почему не смеёшься?

А меня трясло и прошибало холодным потом. Я склонялась близко-близко к её лицу и гадала, когда же это всё закончится.

С Буревестник было страшно, а без неё ещё хуже. Я глотала таблетки и растягивала губы в улыбке до ушей, уверяя Ласку, что со мной всё в порядке. Она недоверчиво качала головой.

— Как в порядке? — вопрошала она, — Весь твой вид кричит о том, что тебе нужна помощь.

Побег мне нужен! Мне уйти надо, как ты не понимаешь! Почему ты не видишь, что за тьму я распространяю?!

Когда уходила Кошка, мне хотелось вцепиться в неё и зарычать, чтобы она никуда не уходила. Но я знала, что здесь ей не место. она свободна, и держать её здесь будет кошунством. Не каждому выпадает такой шанс. Посему я, скрепя сердце, отпустила её. Она ушла, её ломкие волосы цвета соломы болтались из стороны в сторону, джинсы и свитер тряпьем висели на ней. Я мысленно махала её белым платочком, как Алиса Рыцарю.

Шла по коридору, не решаясь зайти в пустующую палату. я знаю, что там: холодное помещение, убранное постельное белье на всех кроватях, кроме одной и старые рисунки, как издевательское напоминание о былых днях. Не хотела идти в зал, поскольку там стоял молчаливый проигрыватель. А может, кто-то включил на нём старые романсы. Зои такое не любит.

По коридору разливалась песня бархатистым голосом.
Меня разрывает на свет и тень,

На воздух и магму,

На бодрость и лень.

Я метаюсь с севера на юг,

Под воду и к облакам,

В леса и на луг.

Пять ушли, один остался, я о тебе говорю,

Эй, ты! Там, в пустоте,

Я тебе эту песню пою.

А вы думали, что я рычу и кусаю?

Нет, ошибочка вышла.

Клыки сточены, я глухо рыдаю.

А ты такая смешная и тёмная,

Шляпа, как у гриба,

Кожа мягкая, тёплая.

Куда мне? Я весь двойной.

Как посмел я?

Как посмел я смотреть на тебя? Смешной.

Девушки и парни столпились вокруг него, санитары хлопали. Певца я узнала. Дейл. Черная одежда, потертые джинсы, кроссовки, копна темных волос, обрамляющих бледное лицо, сумка с тканями в руках. Сначала я равнодушно кивнула ему и хотела пройти в сад, а спустя мгновение, осознав всю ситуацию, я остановилась, как вкопанная и ошеломленно посмотрела на Дейла ещё раз.

— Дейл.

— Ага.

— В психушке.

— Ага.

— Ложишься в психушку.

— Ага.

— Я... Я жду объяснений.

— Тогда поговорим в твоей палате.

Я недовольно цокнула и повела его к себе.

— Батя меня ненавидит, — сказал он, опускаясь на мою кровать.

— За что? — спросила я, занимая место на подоконнике.

— Я не его ребенок. Мать изменила ему.

— С такой-то семейкой — не удивительно.

Дейл неодобрительно покосился на меня.

— Я думал, что моей силы хватит на то, чтобы разнести пол мира. Но потом меня вырубило.

— Как давно ты здесь?

— Несколько дней. Сначала меня в реанимации продержали.

Я потянулась за сигаретой.

— Не кури, — сказал Дейл, — Ничего хорошего в этой привычке нет.

— Мне говорили, что это поможет мне расслабиться, — вздохнула я, — Но от курения ещё больше нервничаю.

Я выкинула пачку сигарет в окно. Дейл одобрительно кивнул.

— Призрак Клетки маячит передо мной, — бормотала я, — Глупая Ласка не понимает, что мне бежать нужно.

— Никаких реабилитационных условий, — пожаловался Дейл, — Тут даже стены гудят.

— Как ты сказал? — заинтересовалась я, — Стены гудят? Слышать подобную метафору от тебя... Впрочем, Сандра тоже что-то про гул говорила.

— Сандра милая, — сказал Дейл.

— Сладенькая, — облизнулась я.

— Чего? — обалдел Дейл.

— Духи у неё сладкие, — пояснила я, — Шоколадом пахнут. Какое-то время она брызгалась ими, а потом перестала. а жаль. Никогда не любила сладкое, но от этих духов мне хотелось шоколада.

— У меня есть шоколад, — сказал Дейл, — Могу поделиться.

— Не надо, — вяло отмахнулась я. А потом подскочила на месте, окрыленная идеей, — Точно. Реабилитационные условия! Ты гений, Дейл!

— Думаешь? — просиял Дейл.

— Не думаю, а знаю!

Я вскочила с подоконника и понеслась в кабинет Ласки. В дверях лбами столкнулась с девочкой. Извинилась, сконфузилась, обежала её и ворвалась к оторопевшей Ласке. Принялась рыться в бумажках.

— Что это с тобой? — поинтересовалась Ласка.

— Буклеты, — шептала я.

— Вот буклеты, — открыла ящик Ласка.

Я стала копаться в буклетах и выудила один. Реабилитационный центр в соседнем городе. С морем и Мариам.

— Вот он, — я показала его Ласке.

— Хочешь туда? — спросила она, — Учти, он платный. И точно не из дешевых.

— Без разницы, — горячо зашептала я, — Мне он нужен, понимаете? Я очень хочу к морю. Мне плохо здесь, понимаете?

— Ну... — подозрительно на меня посмотрела Ласка. Я постаралась придать себе как можно более спокойный вид, — Ты ещё не закончила курс терапии. У тебя было обострение, помнишь? Я знаю, что тебе плохо здесь, но ты должна находиться под нашим присмотром. Я проходила ординатуру в больнице в том городе и скажу, что персонал там менее приветливый, чем здесь. Да и к тому же, это незнакомый город, там ты абсолютно чужая. Остайся пока здесь, и если тебе станет лучше, я обязательно тебя выпишу.

— Да что вы понимаете?! — заорала я, — Какое тут может быть выздоровление, если сама атмосфера этой идиотской больницы меня бесит?!

— Ты взвинчена, я понимаю, — успокаивающе сказала Ласка, — Но реабилитационный центр — это не больница. Потерпи, немного осталось. Ты прошла почти весь курс.

Я вышла из кабинета, громко хлопнув дверью. Возле него меня ждал Дейл.

— Ну как?

— Пошло оно всё.

Песня о разбитом сердце

— Радуйся, тебя выписывают.

Эта фраза прозвучала одним солнечным зимним днем. снег во дворе сверкал, с крыши спадал снег, деревья были словно окутаны белой фольгой. В ледяных лужах отражалось бирюзовое небо. пациенты играли во дворе, кидаясь друг в друга снежками. Выходить в это время было запрещено, но кому какое дело?

— Клэр, ты меня слушаешь?

Я заворуженно смотрела на пейзаж из окна. словно мы попали в зимнюю сказку с эскимосами и тюленями. Так странно. Мне показалось, будто этот снег — чьё-то прощание, чьи-то замерзшие слезы. Или рассыпавшиеся в прах белоснежных крылья. или осколки разбитого сердца.

— О чём задумалась? Земля вызывает Клэр, приём!

Только сейчас до меня дошел смысл сказанного. Меня выписывают.

— Это правда? — побледнела я.

— Да, — просто ответила Ласка, — Дня через два или три. Но ходить ко мне ты всё равно будешь.

— Я хочу в реабилитационный центр.

— Уверена? Он достаточно дорогой, далеко находится и оттуда ты никого не знаешь.

— Уверена. Это очень красивое место.

— Верю. Мариам пишет, что то место действительно исцеляет душу. Но не забывай, что такие вещи нужно обсуждать с твоими родителями. Ты уверена, что ваша семья потянет лечение?

— Что, льгот никаких нет?

— Для тебя нет.

Она назвала мне сумму. Я схватилась за голову.

— Почти как ежемесячная пенсия моей мамы!

— А я о чём? — проворчала Ласка.

Я вздохнула. О реабилитационном центре можно было только мечтать. Родители, конечно, могут согласиться оплачивать, но моё пребывание там сильно ударит по финансам. Я не могу обречь семью на такое.

Я вышла из кабинета с кислой миной. Возле кабинета меня поджидали Ромео и Дейл. Ромео, к злову, выглядел не очень. Весь позеленел, массировал кончиками пальцев виски.

— Ужасный видок, — сказала я, — Голова болит?

— Ты не лучше выглядишь, — огрызнулся Ромео, — Мигрень у меня, понятно?

— А у тебя что? — спросил меня Дейл, — Выписывать не хотят?

— Выпишут через два-три дня, — сообщила я.

— Это же... Хорошо? — неуверенно сказал Дейл.

— Наверное, — нехотя согласилась я.

Перед глазами маячил большой дом с рестораном на вершине возвышенности, плетеными стульями, столиками с клетчатými скатертями, негромкой музыкой и полоской пляжа внизу. Достаточно было протянуть руку, чтобы ухватить всё это, и в то же время картина была недосягаемой, как мираж в пустыне.

Было обидно и так нелепо. Так нелепо, что понял меня только Кит.

— Пошли, горе моё.

Он схватил меня за руку.

— Не боишься обжечься?

— Я сражался сам с собой много ночей подряд. Чего мне бояться?

Он ведет меня по холму. Зеленая трава, припорошенная снегом, обжигает мои босые ноги, но я не боюсь. Его темный силуэт, вырисовывающиеся на фоне облачного, придавал мне силы.

— А разве это деревце не было засохшим?

Я в удивлении смотрю на вишню, цветущую нежно-розовым. Сажусь на скамью, усыпанную ветками. На юбку тут же приземляется несколько лепестков. Ловлю рукой цветок, подношу к лицу и внюхиваюсь в аромат весны.

— Нравится?

Рядом со мной садится рябая девочка. Я знаю её. До смерти боится людей, прячется от них в свой панцирь и боится даже слово сказать. Удивительные метаморфозы всё-таки происходят с человеком.

Спрашиваю:

— Это ты сделала?

Немного подумав, отвечает:

— Да, я. Когда я попала сюда, то мне хотелось забиться в самый дальний угол. Я хотела отдохнуть от людей, но здесь от них спрятаться ещё труднее, даже в одиночной палате. Но осенью мне приснился сон, как мы с незнакомой девочкой поливали деревце. Напомнило мне детство, проведенное на ферме у тётушки. У неё был большой и полузаброшенный сад, который я оживляла, как могла. Тётушка сказала, что у меня талант садовника.

— И правда талант, — сказал Кит, — Я думал, что уже ничто не сможет оживить это деревце.

— А что за сад там, вдали? Выглядит таким заброшенным...

Она указала в сторону снежной пустыни. На фоне ледяных просторов вырисовывался сад, поросший деревьями, кустарниками и травой. Такой оазис лета среди зимы.

— Когда-то он принадлежал Мелодии, — сказала я, — Но она уехала, и теперь не может за ним ухаживать.

— Нехорошо, — покачала головой девочка, — Садовник не может забрасывать свой сад, это всё равно что бросить человека.

Я посмотрела её в глаза. Полная моя противоположность — серые, почти белые, с белесыми, будто заледеневшими ресницами, и копна светло-медовых волос, вьющихся жесткой проволокой. Больно кольнули мне в сердце эти кудряшки.

— Как тебя зовут? Я сейчас не твоё дневное имя спрашиваю.

— Я...

Она осеклась. закрыла глаза, прислушавшись к своим ощущениям.

— Некоторые сразу догадываются о своем истинном имени, — сказал Кит, — А некоторые годами ломают голову, как я.

— Золушка? — предположил Кит, — По ночам с которой снимаются все тормоза.

— Метаморфозы, — сказала я, — Днём серая мышь, ночью заставляешь цвести высохшее дерево. Бабочка, снова и снова превращающаяся в куколку.

— Бабочка, — прошептала девочка, — Мне нравится. Красивое имя. Греки изображали

душу в виде бабочки.

— Может, ты муза? — подмигнула я, — Как Мелодия.

— Нет, — покачал головой Кит, — Я бы сразу понял. Но музы очень редко встречаются. Созидать ведь труднее, чем разрушать. Даже Мелодия была довольно слабой музой.

— Но достаточно сильной, чтобы сопротивляться тьме, — вздохнула я, — А ведь у неё были все шансы обрести чёрную кровь.

— Не знаю, о ком вы толкуете, но я вижу рассвет, — проворчала Бабочка.

Я смотрю на бледное солнце, поднимающееся на небосклоне. Лёд и снег сияют в его лучах. Рассветы здесь очень красивые, и настолько же убийственные. Всё тает в утренних лучах восходящего солнца, и только мы просыпаемся в своих кроватях. Я — странная девчонка, постоянно носящая шляпу, он — нескладный мальчишка, крикливый и чернявый, и она — забитая и асоциальная девушка.

Дни таяли в дожде, снеге и ветре. Таяли в электронном свете и глупых песнях, в асфальтовых дорогах и перпутьях проводов.

Поезд ждал меня, и для того, чтобы в него сесть, я должна попрощаться с теми, кто останется.

Меня выписывают, ия иду по коридору с сумкой и родителями. За мной следуют друзья и знакомые, недоуменно провожают взглядами. Кто-то кричит, кто-то плачет, кто-то просто прощается. Ромео молчит, но его взгляд говорит больше, чем он сам. И я предпочла не смотреть в черные омуты его глаз, потому что тогда бы захотела остаться. А мы оба знаем, что так нельзя.

Дейл остаётся в палате. Мы странно прощались. В моей голове вертелись слова его песни, а он потупил взор, занавесив лицо черными волосами. Не сказали друг другу не слова. Помахали руками и разошлись. Он — на подоконник, я — из палаты.

Германа я нашла в клубе. Пел одну из своих странных песен, и посетители извивались в ритме гипнотического танца. А после выступления он подошёл ко мне.

— О, тебя выписали, что ли? Класс, тусанём?

— Герман, я уезжаю, — сказала я.

— А куда? — оживился он, — Надолго?

— В Эвер-Порт. Навсегда.

— Что? Погоди...

— Мы не увидимся, Герман. Не цепляйся за прошлое, ему место во снах и тёплых воспоминаниях, но никак не на пьедестале жизненной цели.

— Всё рассыпается. Как сахар и соль, — сказал он и засмеялся.

Станный это был смех и грустный.

— А ведь я всегда это знал. Прощай, милая, ты была лучшим воспоминанием в моей жизни.

Я поспешила уйти, чтобы он не увидел моих слёз.

Риша смыла краску, но косички оставила. У неё были каштановые волосы. Непривычно, но красиво.

— Писала огненные стихи? — спросила я.

— Больше не жгутся, — сказала она.

— Как это? — опешила я, — Ты на чем их пишешь?

— Нет, — помотала она головой, — Не в том смысле. Бывают такие поэты, в которых дар быстро распускается и также быстро увядает, как цветок. Не потому, что бесталанные. Просто... Пережили.

— Понимаю.

— А сейчас я учусь на почвовед.

— И как?

— Весело.

— А я уезжаю.

Объяснять не пришлось. Она поняла. В отличии от Германа, удерживать не стала. Просто кивнули друг другу, улыбнулись и тоже разошлись. Холодок между нами пробежал после больницы. И в этом не было ни моей, ни её вины.

Миру я нашла глядящей кошку.

— Мою Серафиму украла? — обиделась я.

— А то, — ухмыльнулась она, но тут же просекла, что разговор ждёт серьёзный, — Что такое, Клэр? Что-то случилось?

— Я уезжаю.

— Понятно... Привези магнитики, окей?

— Нет, я навсегда уезжаю.

— Тогда... Пришли их?

— Я уезжаю во всех смыслах. Больше меня здесь не будет даже в виде букв.

— Начинаешь жизнь заново?

— Можно и так сказать.

Она едва сдерживалась, чтобы не разреветься. Попыталась меня удержать, но я не поддавалась. А ведь в душе хотелось.

Габриэль сидела в школе. Я увидела её из окна и помахала рукой. Не приветственно, а на прощание. Она поняла. Я спросила у мулатки, как она.

— Всё хорошо, — охотно отозвалась та, — Больше ни к кому не пристаёт. Лечится у психотерапевта. Нашла друзей. Учится принимать себя и выражать себя безопасными способами.

Всё-таки её метафоры — это нечто. Попрощалась. Ушла.

Мимо меня прошла Нэнси, держа над головой зонтик.

— О, психованная идёт.

— Ты милая, Нэнси, — улыбнулась я, — Милая тем, что думаешь, что можешь как-то меня задеть.

Оставила ошалевшую Нэнси стоять в снегу, направилась к поджидающей машине. Поджидала она не меня, но мне хотелось попрощаться с ещё одним человеком.

— Надо же, какие люди, — присвистнул бывший попутчик с автозаправки, — Пожалуй, это и впрямь судьба. Даже не знаю, радоваться мне или плакать.

— И то, и другое, — посоветовала я, — Я пришла попрощаться.

— О, нет! Ты что, уезжаешь? — с притворной грустью воскликнул парень, — На кого ты меня оставляешь?!

— Я уезжаю в Эвер-Порт.

— Опять? И чего тебя туда так тянет? Видала, какие там зимы? Хрена с два, а не снег! И холодно, как в Хельхейме.

— Меня это не остановит.

Ветер подул в лицо и едва не сорвал шляпу. Я схватила её рукой. Приподняло юбку, обнажив тощие жилистые ноги. Его волосы были мокрыми, слипшимися и вьющимися от воды. Косой дождь забарабанил по стеклу.

— Да... Понимаю, — неожиданно посерьёзnel он, — Побег? Трусливый это поступок или нет — не мне судить. Я и сам таковым являюсь — трусом, в смысле. Но, в отличии от тебя, мне не с кем прощаться.

Он кивнул мне, поднял стекло и уехал. Зашумел мотор, вода и грязь из-под колёс брызнула на меня.

Со мной поехала мать. У неё в городе оказалась какая-то знакомая подруги, и та согласилась меня к себе принять, потому что владела небольшой гостиницей и ей требовалась работница. Отец нас провожал. Когда пришло время прощаться, то мы обнялись, поцеловались, а потом он скрылся в негустой толпе.

Не так я себе представляла отбытие. Это планировалось произойти жарким летним днём, на солнечном вокзале, и чтобы за окном были поля, поросшие травой, а вокруг — толпа радостных людей. Или красно-золотой осенью, с отражающимся в лужах небом и косяком птиц в небе. Или цветочной весной, пропахшей жасмином, лавандой и корицей. Но уж явно не пасмурным зимним днём, в пустом купе и с тяжестью на душе.

Долгая была дорога и тоскливая. Стекло было мутным от дождя, а пейзаж за окном напоминал намалеванный акварелью рисунок. Отопление работало отменно, но почему-то в купе было холодно. Видимо, кто-то перед этим окно открыл.

Мне хватило ума понять, что с таким состоянием мне лучше не ложиться спать. Хотелось сжечь шляпу и отдаться кошмарам. Стать умирающим деревом, пятном крови на дороге, сломанной куклой — кем угодно, но не вот этой неудачницей.

Я думала, что не разучусь радоваться. И я радовалась — осени, слякоти, дождям, лужам, холодам, толпе, одиночеству, заброшкам, пустырям и больницам. Но сейчас мне казалось, что внутри меня только черная кровь, переполняющая меня до краев.

За окном проносились поля, залитые дождем и припорошенные снегом, с черными пятнами земли, голыми силуэтами деревьев, словно нарисованными тушью, обдуваемыми всеми ветрами забытыми постройками, хуторами с высокими заборами и надстройками. Дорога была однообразной и вскоре меня начало от скуки клонить в сон. Не спасала ни кружка горячего чая, ни пирожки с корицей, ни голоса молодёжи в соседнем купе.

Мы прибыли только тёмной ночью. В провинции ночь не полна тысячью неоновых огней. Она полна прорех в виде темных пустырей и провалов окон. А на природе ночь ещё темнее, хоть закрывай глаза, хоть нет — все одно. На севере — ночная пустошь, а на юге — светлый город с вечеринками, праздниками, гуляками и океанским побережьем.

Я и мать вышли на вокзал. Он был тёмный и казался полузаброшенным. В стороне был пустырь, и я старалась не смотреть на него, потому что выглядел он довольно жутким.

Шли по городу. Я, как деревенская дурочка, хотя я и была деревенской дурочкой, глазела по сторонам. Световые гирлянды, бумажные фонарики, наряженные ёлки, сияющие витрины. Уличные музыканты, художники, артисты, промоутеры, продавцы сувениров, жареных каштанов, напитков, булочек. Люди в ярких пальто и с большими пакетами и сумками. Откуда-то доносился звук гармони. Несмотря на то, что была середина зимы, было достаточно тепло. Пахло булочками, пиццей, кофе и солью. И уличные кафе, моя страсть, были здесь.

Гостиница распорлогалась почти что у моря. Я бы сказала, на его берегу. Вдали, выше города, в стороне от суеты, располагался реабилитационный центр, дразнивший своим уютом и благополучием. Собственно, гостиницу таковой было назвать трудно. Небольшое деревянное построение с кафе на веранде, больше походившем на кухню. У ворот красовалась вывеска: "Летний домик".

Палисадник выглядел трогательно: рассады овощей, небольшие кустики с плодами и клумбы цветов. Прямо как у нас в деревне, честное слово! Встретила нас сурового вида старушка, раскуривающая кубинскую сигару. Приняла вещи и проводила в комнату.

Комната была небольшая. Паласы на полу, кровать с балдахином, окно чуть ли не на всю стену, открывающее вид на океан и множество фотографий птиц на стене. Мать легла отдыхать, а я решила прогуляться в сторону океана.

И вот, я стою на побережье, зарывшись ногами в песок. Сколько времени прошло... Теперь уже не жарко и людей значительно поубавилось. Безлюдный пляж зимой — территория романтиков и художников. Вот, даже какая-то парочка идёт. По щиколотки в воде, смеются. Прошли мимо меня и скрылись в городе.

Я наедине со стихией. Тут нет дельфинов, я это уже давно поняла. И больше в воду меня не тянет.

Стала приходить на этот пляж каждое утро и каждый вечер. Будь моя воля, спала бы здесь. но за день я устаю.

Мать уехала, как только убедилась, что я хлорошо устроилась. Я взяла с неё обещание, что она не даст ни нового адреса, ни нового телефона моим друзьям и знакомым. даже если они хорошо попросят.

В гостинице из персонала были только несколько поваров, садовник и горничная. Горничная, к слову, была самой молодой — ей было около пятидесяти. Останавливались тут в основном пожилые люди да творческая интиллигенция, да и то не так часто. Так что в гостинице всегда было тихо, и эту тишину нарушал лишь гомон птиц и шум прибора. Персонал был добрым, приветливым, меня не обижали, кормили и одевали, а я взамен убиралась и стирала одежду. Мои руки округели и я после нескольких лекций от горничной научилась стирать вручную, развешивать одежду при сильном ветре, выколачивать пыль из ковров, драить полы с огромной скоростью и доставать тряпкой до самых труднодоступных мест.

Расписание вяло следующих друг за другом дней было следующим. Встаю с рассветом. Прихожу на пляж и любуюсь восходящим солнцем, кричащими в небе белоснежными чайками и блестящей гладью воды. Спыхватываюсь, иду на завтрак. Ем печенье и пью чай. Убираюсь. Ближе к обеду горничная гонит меня в прачечную. Стираю одежду вручную, на это уходит не один час. Успела накачать себе мускулы. Развешиваю бельё сушиться и неизменно опаздываю к обеду. А то и вовсе его пропускаю. Тогда меня поджидает тарекла остывшего супа и кружка чая. После обеда скучаю на крыльце, пока меня не гонят опять протирать полы, потому что оказалось, что где-то я плохо вытерла. Потом опять скучаю, стараюсь не смотреть на море. Ужинаю панкейками или макаронами, запиваю чаем. После ужина иду на пляж и сижу там до ночи. Ложусь рано.

К концу зимы, а если быть точнее, то 1 марта, когда солнце светило особенно ярко, я взглянула на себя в зеркало и мне показалось, что прошло 20 лет. Когда я успела так состариться? Единственное, что меня связывало с собой прежней — это черная шляпа, к которой я пришила резинку, тем самым окончательно закрепив её на своей голове. Волосы я либо убирала под шляпу, либо завязывала в хвост, черное не носила, одеваясь в основном в белое в горошек платье горничной, которое мне было до середины голени. Кожа была не смуглой, а скорее сероватой. Волосы сваялись и запутались. Лица давно не касалась косметика, оно обветрилось и осунулось.

Я убежала из гостиницы, будучи не в силах вынести это. Услышала, как горничная кому-то говорит:

— Ладно, не ворчи, старый. Не видишь, молоденькой плохо?

О, да. Я была молоденькой. Только 18 лет. Когда у меня было день рождения? Я забыла. Кажется, в январе. Или оно будет?

Мимо меня прошла девочка. Джинсовая юбка, кожанная куртка, кудри, собранные в хвост и золотые серьги. Я спросила:

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать... — пролепетала она.

Я прыснула в кулак. Девочка поспешила уйти.

Ровесница. А по виду не скажешь! Мне смешно и грустно одновременно.

Бреду по пустынному пляжу, оставляя следы. Опять никого нет, да и кому в голову взбредет идти на пляж в такую рань? Разве что мне.

На фоне лилового неба восходит солнце, освещая оранжевым спокойные воды. Ветер дует мне в лицо. Соль, водоросли, рыба. Вдали кричат чайки. Холодный песок и пёстрые ракушки. Равномерный плеск волн и белая пена. Вспомнилась сказка Андерсена про русалочку, из-за любви к принцу ставшую морской пеной. Не так уж это и плохо. Очень даже красиво и романтично. Но если выбирать, то я бы предпочла быть дельфином.

Чьи-то тёплые руки, обнимающие мой стан. Горячее дыхание и касание мягких волос. Запах острых приправ. Мягкое тело и учащенное биение сердца. Дежавю.

— Я пытался тебе сказать, но не мог. И не уверен, что сейчас смогу, — услышала я голос Дейла, — Хоть и хочу. Ты бы знала, как.

— А ты спой, — посоветовала я.

Ну здравствуй, девица со шляпой. Ты меня не забыла?

Палата, где жила ты, всё пустует уныло.

А я что? А я ещё помню, я твой преданный друг.

Только лишь друг? Скажут: "забудь", ну а вдруг?

Стучи — и я открою, заберу твою боль и раны обмою.

Зови — и я, словно шавка, побегу за тобою.

Не веришь? Ты думаешь, брошу, убегу, хлопнув дверцей?

Я за тебя разобью хоть чашку, хоть тарелку, хоть сердце.

— Дурак, — сказала я, — Я не приму такую жертву. Жить с мыслью о том, что я уцелела только благодаря смерти другого? Да и зачем тебе? Ты молодой... Веселись.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Глупый, — прошептала я, — У тебя ещё тысячи таких будет. Зачем тебе некрасивая и

больная уборщица?

— Ты была первой, кто не пытался составить мой психологический портрет, — сказал он, — Так глупо, да? Так помешиваться на людях... Сначала отец, теперь ты. Но, в отличие от отца, ты не назвала меня ошибкой природы.

Я вырвалась из его объятий и побежала вдоль пляжа. Он бросился за мной.

— Ты действительно думаешь, что я тебя брошу в таком виде?! Думаешь, я не вижу, как ты страдаешь?! — кричал он.

Повалил меня на песок, перевернул и поцеловал. Я не стала отбиваться. Спустя несколько секунд он оторвался.

— Не слишком-то вежливо целовать меня против моей воли, — сказала я, — Ты что, романтических фильмов пересмотрел?

Внезапно я поняла, что мы больше не на пляже. Мы в болоте, увязаем в черной жиже. Грязь залепила глаза и я ничего не вижу. Черная кровь жжётся, пылает. Скоро я скроюсь в ней и тёмные воды сомкнутся над моей головой. И самое страшное в том, что я этого даже не увижу.

Меня рвет на части, рвёт на зефир и борей, на сон и явь. Но я не различаю ни того, ни другого. Ещё бы: всё тело пылает.

Это всё?

Воспоминания мелькают, как в калейдоскопе, перемешиваясь между собой. Терзают кошмары, впиваются своими гнилыми зубами. Тысяча превращений в секунду — где это видано? Я дракон и золотой змей, я космический зверь и старый, покрытый паразитами кит, я засохший цветок и сгоревшее дерево, я подстреленная птица и сломанная кукла. Меня кидает по тоннелям и катакомбам, я и Тесей без Ариадны, давшей ему клубок, я Орфей, взглянувший в глаза мёртвой тени Эвридики. Я гений ужасиков, зовущий через романы на помощь, но получающий лишь премии и оvationи. Я тот, кто провалился темной ночью в яму в пустыре, но не разбившийся. Всё же моё тело не нашли. Перед тем, как потерять сознание, я смотрела в чьи-то погасшие глаза, не имея ни малейшей возможности пошевелиться.

Тысячи жизней и тысячи кошмаров. Они не тянулись долго, как у Отступницы, но перекрикивали друг друга, накладывались, выворачивались наизнанку и извращая собственную суть, и всё это совершалось с огромной скоростью. За фальшивыми жизнями потерялись мои воспоминания. Я пыталась вспомнить моё имя, но в голове возникали лишь имена тех, чьи кошмары я видела. Да и кто это — я? Не было ли это очередным кошмаром?

Царапины на руке заболели. Вырисовывали имя. Странно, разве они не зажили?

Клэр.

Точно. Я Клэр. Я всё вспоминаю и из последних сил сражаюсь с кошмарами.

И тут Дейл хватает меня и рывком вытаскивает. Это было так легко? Смехотворно легко. Я смеюсь. Напомнило случай из детства, когда я чуть не утонула в пруде. Тогда глубина мне казалась невыносимой, но потом, когда меня вытащили, я увидела, что то было мелководье.

Он прыгает со мной, прижимая меня к себе. А я не понимаю, летим мы вверх или вниз. Уже ничего не вижу и не слышу, и только тепло его тела служит моей путеводной звездой.

Рука нестерпимо горела, а телу было ещё хуже. Я брызгалась кровью, терзаемая на части утекающей тьмой. Ярость сменялась сожаленьем, уныние ненавистью. Шляпа вспыхнула на мне и разлетелась на части пеплом.

— Скоро всё закончится, — шептал Дейл, не отпуская меня ни на секунду, — Скоро всё будет хорошо. Кошмары закончатся.

Меня словно раздирают гвозди, рвут кожу, снимают мясо с костей. Из ран вытекает черная кровь, дымится, шипит и пенится.

Последний сеанс агонии. Я вспыхиваю и сгораю. Точнее, сгорает та часть меня, что пропитана тьмой. Я твержу про себя своё имя, отгоняю назойливые кошмары. Это моя последняя битва, и если я её проиграю, то жертва Дейла будет напрасной.

Это перерождение? Если так, то оно ужасно болезненное. Будто я одновременно и яйцо, и цыпленок, и каждый удар клюва причиняет мне дикие страдания. Я разлетаюсь на части и пугаюсь: что, это всё? Я исчезну? Что во мне, кроме чёрной крови?

— Радость, — говорит Дейл, — И осень.

Точно. Я — это золотое пламя и красные бусинки ягод, я — иней, припорошивший пожухлую траву, и багрянец на листе клёна. Я — это запах смолы и хвои, отражение пятнистого неба в луже, я тёплый дождь и запах после него, мост-радуга, ведущий за пределы облаков, вспыхнувших малиновым.

Черная кровь вытекает, облако пепла развеивается. Теперь по моим сосудам течет красная кровь.

— У тебя получилось! — вскрикивает Дейл, — Ты победила тьму.

— Если бы ты меня не вытащил, то я бы осталась там, — скромно отвечаю я.

Я чувствую, что его время истекает. Ему больно, но он улыбается. Вымученная улыбка, рвущая меня на части.

— Я не жалею, — прежде, чем я успела что-либо предпринять, говорит Дейл.

Хватает меня за руки. Целует. Это был поцелуй со вкусом соли. Со вкусом слёз. Долгий, протяжный, печальный. Наши дыхания и волосы смешались, а он слабеет и ускользает из моих рук, превращаясь в последнее наваждение.

А это больно, звучит в наших головах. В груди горит, дыхание сбивается. Мы достигли единства, у нас одно сознание на двоих. Одно сердце на двоих.

Я не приму такую жертву.

Я повторяю это про себя. И мне кажется, что эта фраза будет звучать из моих ут, пока мы оба не исчезнем. Либо мы оба, либо никто. Мне предпочтительнее второй вариант. Даже если придется отдать ему половину моей жизни.

У него в груди горит, и его боль отдается во мне, увеличиваясь во сто крат. потому что смешивается с моей. Мне кажется, что я проглотила горящую свечу. но даже это меня не останавливает.

Либо оба, либо никто.

Вцепляюсь в него мёртвой хваткой. Мы почти одно тело, и наши мысли проносятся единым вихрем.

Одна жизнь на двоих.

А это больно. Ну, ещё бы. Раздирать сердце на две половины безумно больно. Но иначе будет ещё больнее.

— Что ты сделала?

Мы лежим на пляже, волны лижут нам ноги. Дейл тяжело дышит, а мне ещё хуже.

Теперь мы словно сиамские близнецы, и если с ним что-то случится, то я разделю его участь. Этакая судьба на двоих. Нехорошо обречь его на такое, но позволить умирать ещё хуже.

Я сама не понимаю, откуда всё это знаю. Идея сама в голове возникла. Словно из ниоткуда. Сердце на двоих, жизнь на двоих. Мне это кажется знакомым, до боли знакомым.

На вершине утёса стоит девочка в белом платье и машет рукой. Мне мерещится, что у неё ветка в волосах. С такого расстояния не очень понятно, и всё же.... Возможно ли?

— Что ты сделала? — повторяет Дейл.

— Сама не знаю, — сказала я, — Внезапно торкнуло, вот и всё...

— То есть ты совершила чудо, и сама не понимаешь, как у тебя это получилось и как ты вообще до такого додумалась? Типичная волшебница, — рассмеялся Дейл.

— Думаешь, я волшебница? — фыркнула я, — Но теперь мы сиамские близнецы. А это значит, что, возможно, друг без друга мы не сможем.

— А я итак без тебя не могу, — серьёзно сказал Дейл, — Так что надеюсь, что вакансия в гостинице свободна.

Последняя песня

Садовник ушел на пенсию, и его место занял Дейл. В его руках сад расцвел буйной и дикой красотой, неконтролируемым шиком девственной природы. Он ничего не делал, за него работали дождь, сырая земля и ветер. Владелица гостиницы решила оставить мне её в наследство, а я продолжала стирать, убирать и сушить бельё. Иногда я готовила, и у меня не очень получалось, честно говоря. И повариха, и горничная были уже старыми и слабыми здоровьем, но дискомфорта им это не причиняло. Достаточно было полежать в своей комнате, открыв окно и вдыхая солёный запах океана и слушая крики чаек, как все недуги уходили. Я это и на себе проверяла.

Выглядеть лучше я не стала. Начала замечать, что в наших с Дейлом чертах проявлялось некоторое сходство. Едва уловимое, но всё же оно было. Изгиб бровей, взгляд, движение губ, чернота волос и тень от ресниц. Мы почти всё время были вместе. Иногда сидели на крыльце и молчали, глядя на сад и небо, подставив себя порывам холодного ветра. Порой он притаскивал гитару и пел песни собственного сочинения. Странные то были баллады и печальные. Но эта печаль была светлой. Я читала вслух томик чпонской поэзии, а он слушал, закрыв глаза. И время тогда текло медленно, как вода в озере, и наши мысли угадывались друг другом. Японская поэзия как никогда подходила этому настроению. В рассвет или закат мы уходили на пляж, ходили по песку босиком, погружая ноги в воде. Всегда одевались легко, в любую погоду. Собирали ракушки и камни, искали дельфинов и слушали крики чаек. И снова молчали. Мы вообще редко разговаривали друг с другом, потому что итак знали, кто о чём думает.

То была не страсть, просто желание едва соприкоснуться руками. То была не любовь, а двойное начало, схожее в своей диметральной противоположности. То было не влюбленность, а соединение двух кусочков мозаики. То были не романтика, а разговоры о сказках, бесконечности и спиральных галактик на песке.

Хозяйка говорила, что мы похожи на пожилую пару. Словно мы прожили вместе двадцать лет. А мы прожили вместе гораздо дольше: тысячи жизней и страшных снов. И вышли оттуда непобедимым единством.

Честно? Я скучаю по ребятам. скучаю по девочкам. По Зои и её необузданной дикости, по троице парней, странных, причудливых, непонятных, по Клариссе и её сверкающим очкам, по дикарке Габриэль, по взбалмошному и простому Ромео. По весёлому и придурковатому Герману, вспыльчивой и брезгливой Рише, по своенравной Мире. По чаепитию в клубе шахмат и болтовне девчонок. Даже по Нэнси и её компании. Даже по парню с заправки. По родителям, которые были похожи на нас с Блейном. И ещё по кому-то, но вспомнить не могу, кто именно незримо присутствует порой в моих мыслях. Иногда я посылаю им письма в виде бумажных самолетиков. Долетит или нет — уж не знаю.

И по тем летним денькам на веранде я тоже скучаю. Мне не хватает мокрой весны и брызг в лужах, холодной и снежной зимы, золотой осени. Не хватает причудливых снов, белоснежной палате, заросшему саду и кричащим надписям.

Воспоминания былых дней навсегда останутся в моей памяти как самые тёплые и самые светлые. И лучше пусть они будут такими, потому что если я вернусь, то всё испорчу и они окрасятся в черный.

У меня глупая надежда на то, что они прочитают письма. Странно, правда? Это ведь не письмо, оставленное под деревом, а самолетики. Они так похожи на чаек. И эта ассоциация тоже режет мне по сердцу.

Однажды одним осенним днём я шла по улице, держа над головой зонт. В небо стремительно летел кем-то упущенный воздушный шар. Такой ярко-красный на фоне серости, неистово влекомый маячившими просторами. Впереди тянулись вереницы домов, караваны крыш, шеренги старых стен. Везде были развешены гирлянды, где-то играла шарманка, загорелый южанин продавал жаренный каштан, пахло выпечкой. В окнах горел свет, зажигались первые фонари, в кафе у окна сидел задумчивый парень с ноутбуком и дымящейся, явно забытой кружкой кофе и рассеянно смотрел на улицу.

Навстречу мне шёл Ромео. Смуглый, черноволосый и черноглазый, с пушистыми ресницами и курносый. С джинсами, рваными в коленях, в спортивной куртке. Кивнул мне и уже собрался было пройти мимо, как вдруг остановился, как вкопанный.

— Клэр? — пораженно спросил он.

— Как ты меня узнал? — рассмеялась я, — Я постарела лет на двадцать, не меньше.

— Да, ты очень изменилась, — кивнул Ромео, — И всё же это ты.

— А тебя выписали?

— Ну да. Я восстанавливался в реабилитационном центре, но это уже было лишней мерой предосторожности. Я-то знаю, что рецидива больше не будет.

— Да, ты победил. Поздравляю.

— Ты тоже победила. Сделала то, что казалось невозможным. Большая ответственность, но игра стоит свеч.

— Да. Но я скучаю. Как там у вас? Изменилось что-нибудь?

— Конечно, изменилось. Зои с Эриком сейчас в реабилитационном центре. Живет на пособие и не жалуется. Кларисса сильно недосыпает и скрывает это от врачей и друзей. Но я-то замечу. Закончила школу, устроилась на автомойку. Габриэль тоже закончила школу и учится на бухгалтера. Очкарик учится на педагога. Саймон работает в приюте для животных, Грег продает поделки. Мисс Алингтон стала главврачом.

— Я не это спрашиваю, — махнула я рукой, — Что ты всё о работе, учебе... Какие они сейчас?

— Зои с Эриком спелись. Я с ними иногда переписываюсь. Эрик хочет стать свободным художником. Он присылает мне свои картины. Странные, но яркие. Зои теперь намного лучше, но она потерянная. Больница оставила в ней след. Хотя, если бы она не попала сюда, сейчас ей бы было намного хуже. Кларисса нормально. Парень появился, хочет выйти за него замуж и смотаться с ним в Аризону. Габриэль теперь стала общительной, веселой, научилась самовыражаться через разговоры. Честно говоря, теперь ей гораздо лучше и я этому несказанно рад. Очкарик каким был, таким остался. Любит детишек и это взаимно. Саймон подобрел и стер рисунки с рук. Он мне белую кошку подарил. Красавица и очень добрая и ласковая. Грег нашел себя в рукоделье. У него настоящий талант, скажу я тебе. Мисс Алингтон ужасно устает, но всё такая же добрая и надёжная. Только теперь ещё и честная. В смысле, никакого сокрытия и контрабанды.

— А ты-то сам как?

— Говорю же, выздоровел. Да и понятно было ещё тогда, когда ты была со мной. Как приеду, буду работать в магазине родителей. Знаешь, впервые за столько лет я наконец-то счастлив.

— И спокоен. Не импульсивен, как раньше.

— Повзрослел.

— Ну... Да.

— Чего такая грустная?

— Скучаю. хочу вернуться.

— Так чего ты ждёшь? Теперь уже можно. Ну же, пошли.

Больше книг на сайте - Knigolub.net